

Планету охватила новая революция, по итогам которой государства прекратили свое существование. Их место заняли интегрированные в мировую экономику территориальные единицы — землевладения крупных собственников. Последние устанавливают правила и законы пребывания на подконтрольной им территории. Единственное ограничение — правила не должны противоречить международным нормам, принятым Советом Свободных Наций.

В Новограде — крупном городе на территории бывшей Российской Федерации — для охраны порядка применяется последнее новшество в сфере охранных технологий — наноботы блюстители. Благодаря этому уровень преступности упал в разы. Так считают граждане Новограда. Но простому инженеру Артему Куркову предстоит познакомиться с другой стороной жизни, сокрытой от блюстителей — наркокартелем, контролирующим торговлю нелегальными веществами. Совершив ошибку, Артем оказывается втянут в круговорот страшных событий, выбраться из которого невредимым практически невозможно.

Поезд метро тронулся. Шум в кабине нарастал, но разговор сидевших неподалеку школьников лет девяти-десяти Артем слышал отчетливо.

— Сам ты глупый, — сказал один из них. — Люди живут, чтобы платить проценты по кредитам.

— Неправда, — возразил второй. — Цель бытия каждый определяет самостоятельно, как это следует из доктрины свободы воли.

— Правда-правда. По вечерам мои мама с папой только об этих процентах и говорят, как их платить, откуда брать деньги, куда их вложить. Проценты сами по себе стали онтологической основой существующего общественно-политического строя.

— Хочешь сказать, если бы Фалес, Анаксимен и Анаксимандр творили бы сегодня, то говорили бы они не о воде, огне и эфире, а...

— Именно, — мальчик поднял руку, выставил указательный палец, стараясь выглядеть величественно. — Всё есть проценты по кредиту!

— Интересная мысль, — промямлил второй себе под нос. — Но ведь проценты нематериальны, они меняют базис и надстройку местами, противоречат духу диалектического материализма. Или ты, вслед за профессором Пустобреховым, намекаешь на то, что в современном мире все перевернулось с ног на голову и материя, бывшая некогда основанием, превратилась в вершину, а идея о процентах по кредиту сделалась онтологической основой бытия? Но как это могло произойти?

— А очень просто. Вот смотри, — малыш завертел головой, схватился за поручень. — Вот он поручень, я его мыслю, следовательно, он существует, так?

Второй призадумался и не торопился отвечать.

— Это не такой простой вопрос. По сути, мы касаемся векового спора и все ближе подходим к солипсической парадигме.

— Пока не будем заходить в дебри метафизического дискурса...

— Тогда да, — кивнул второй мальчик, — ты прав. Мыслишь поручень, и он существует.

— Причем то, что называю поручнем я, не обязательно соответствует тому, что поручнем называешь ты. Мы можем подразумевать разные его свойства, не в состоянии понять вещь в себе как таковую.

— Диалектика стакана, не будем на этом останавливаться.

— А теперь представь, что я мыслю нечто отвлеченное, что-то такое, чему нет соответствия в реальном мире.

— Например, проценты по кредиту?

— Именно, — мальчишка снова многозначительно поднял палец. — Причем каждый мыслит какой-то свой процент по кредиту, отличный от процента по кредиту другого. А теперь представь, что кроме процентов по кредиту я ни о чем не думаю.

Глаза слушавшего мальчика озарились блеском, будто истина, наконец, открылась ему.

— Я мыслю процент по кредиту — следовательно, он существует. А раз я не мыслю ни о чём кроме, то существует только процент по кредиту!

— Понял?! — оживленно воскликнул второй, энергично размахивая пальцем в воздухе. — Вот поэтому мудрецы древности и говорили, что всё есть процент по кредиту.

Даже поручень, и тот процент по кредиту.

— И я, и ты? Мы с тобой тоже проценты по кредиту?

— По сути да, но не совсем. Мы капиталовложение, которое должно продолжить выплачивать проценты по кредиту за взрослых. Поэтому и говорят, дети — смысл жизни, подразумевая, разумеется, кредит.

— Но у родителей же нет никаких гарантий, никаких расписок. Что, если мы не станем выплачивать проценты за них?

— Это возможно только на бездуховном западе. Но у нас есть закон о преемственности долгов до седьмого колена. Не будешь платить за родителей — выгонят за пределы города.

— А как же справедливость?

— Надуманная категория, еретическое учение, отрицающее роль кредита, как основу бытия. Исходит из ошибочного положения, а именно: не деньги зарабатывают людей, а люди деньги. Но, как мы выяснили, это фантазия, в руках экстремистов превращающаяся в богомерзкое учение, призванное освободить людей от кредитов, а на деле превратить их в рабов, скованных одной цепью обязанностей перед обществом. Тоталитаризм в чистом виде.

— Глубокая и интересная мысль.

— Жаль не моя, в древности ее уже высказывали такие мудрецы, как Мизес, Хайек...

Артема кто-то толкнул, он проснулся, с трудом разлепил глаза. Справа от него сидела студента, слушавшая курс лекций философа Пустобрехова, слева — толстый мужик в грязной куртке, собиравшийся выходить. Он-то и толкнул Артема своим невероятно широким задом. Курков поглядел в окно: оказалось, он подъехал к своей станции. Потирая заспанные глаза, подскочил, толкаясь локтями, стал выбираться из вагона. Оказавшись снаружи вместе с потоком людей, устремился к эскалатору. Из динамиков, установленных у потолка, доносился приятный женский голос, зачитывавший рекламные объявления. Рассказывали о революции в информационных технологиях, о практически неисчерпаемых ресурсах новых носителей памяти, необходимости срочно ими обзавестись.

Миновав эскалатор, Артем выскочил на улицу и снова растворился в текущем по улицам потоке жителей Новограда — самой крупной административной единицы на построссийском пространстве.

Курков оказался выдавлен на край тротуара, ему пришлось идти чуть ли не по обочине. Машины проносились мимо на огромной скорости. Проблемы пробок собственнику земли решить удалось, введя грабительские компенсационные взносы на личное авто, поэтому даже утром по дорогам гоняли, забывая об ограничении скорости. Людям, способным позволить себе платить проценты по кредиту за авто, заплатить штраф за превышение скорости ничего не стоило. На светофорах можно было разглядеть вальяжно восседавших в своих дорогих машинах богачей. Все они молодые и красивые, с нахальной ухмылкой на лице. Торопиться им некуда — они дети промышленников и крупных собственников, их будущее обеспечено. Артем с завистью посмотрел на парня его возраста, одной рукой обнимавшего привлекательную блондинку другой небрежно державшего руль.

Очередной перекресток. Светофор загорелся красным. На пути людского потока словно бы возвели дамбу. Подобно настоящей волне, поток натолкнулся на препятствие и с негромким ропотом откатился назад. Курков терпеливо ждал, изучая носки своих ботинок, как вдруг со стороны проезжей части донесся визг резины, скрежет колодок, мужской вопль, глухой звук удара. Несколько человек ахнули, большая часть осталась равнодушной. Кого-то опять сбили. Не в первый и не в последний раз. Опаздывать на работу из-за таких мелочей

нельзя. Буквально через несколько секунд весело зачирикал светофор, поток сорвался с места.

Артем, продолжавший смотреть под ноги, краем глаза заметил тело, откатившееся на край дороги. Курков посмотрел в ту сторону: рука человека дрожала, волосы залила кровь, шея изогнулась под невыносимым углом. Водитель, сбивший умирающего, бегал вокруг авто с видеокамерой-регистратором, то и дело переводя объектив с машины на пострадавшего и обратно.

«Наверное, помочь не успеют», — отстраненно подумал Курков. О происшествии на переходе он позабыл буквально через пару секунд, когда добрался до противоположной стороны улицы. Завод по производству оптики, на котором Курков работал инженером, находился буквально в ста метрах. Артем задрал левый рукав своего пальто, взглянул на простенькие дешевые часы. Он успевал.

...

Руководитель отдела Павел Григорьевич — статный, высокий мужчина средних лет — был мрачен. Он навалился на стеллаж, плотно приставленный к стене, окинул взглядом собравшихся у дверей его кабинета рабочих, вздохнул, опустил глаза и начал говорить.

— Как вы, должно быть, знаете, с будущего месяца арендная плата за площадь, промышленные выхлопы и использование станков повышается. Оценив возможные убытки, руководство нашего предприятия решило, что разумнее всего будет вывести производство за пределы городской зоны. Как показывают расчеты, транспортные расходы будут в разы меньше арендных платежей. В связи с этим в городе остаются только отделы реализации и сбыта. Само собой, остальные отделы придется закрыть, намечены масштабные увольнения. Разумеется...

По толпе прошёл гул. Люди начали возмущаться. Павел Григорьевич поднял руки до уровня груди ладонями вперед, словно бы сдавался на милость победителей.

— Разумеется, — повысил он голос, — руководство нашего предприятия гарантирует выплаты зарплат за этот месяц, но большего мы не обещаем. Реорганизация нашего отдела начинается уже сегодня, мне очень жаль.

— Мы этого так не оставим, — крикнул кто-то из толпы. — Мы выйдем на улицы, станем протестовать!

Остальные рабочие одобрительно загудели.

— Ваше право, но это будет пустой тратой времени, — возразил Павел Григорьевич. — Все мы знаем, что график протестов расписан на три года вперед, вы не получите разрешения у собственника земли. На вашем месте я бы не ломал комедию, а приступил к поиску новой работы.

Артем Курков, молчаливо слушавший директора, понял, что тот прав.

— Когда мы получим зарплату? — спросил Курков.

— Сегодня же, семьдесят процентов от полагающейся вам суммы, — ответил Павел Григорьевич.

Рабочие снова зароптали, требуя полной выплаты, но Курков не стал принимать участия в дальнейшем обсуждении, направился к выходу. После того, как деятельность профсоюзов в городских границах была запрещена собственниками, спорить с работодателем бесполезно. Ты либо принимаешь предложенные условия, либо остаешься вообще ни с чем. И работодатели это прекрасно понимали, поэтому выплата даже семидесяти процентов от общей суммы — несказанная щедрость. Правда, Курков полагал, что заплатят в два раза

меньше, а Павел Григорьевич старался избежать скандала, заявив о семидесяти процентной компенсации, но даже такие условия выглядели неплохо по сравнению с отказом платить.

Решив сегодня побездельничать, Артем стал гулять по городу. Серые здания, серые дороги, серое небо да редкие уродливые кадки с цветами и небольшими деревцами. Неповоротливые махины-автобусы, до отказа забитые людьми, черепахой ползли по проезжей части, тогда как маршрутные такси стрелой проносились мимо. Натянутые, вымученные улыбки на лицах служащих; блуждающий, беспокойный взгляд прохожих; напряженные, сжатые в кулаки руки дорожных рабочих. Отрывистые фразы, времени нет даже на ругань и приветствие. Так наступает утро в городе.

Неимоверная усталость, раздражение, даже ярость подталкивали Артема поскорее выбраться из центральной части, добраться до парковой зоны.

«У меня больше нет работы, у меня больше нет работы, у меня больше нет работы...», — то и дело повторял он про себя.

Стало казаться, что воздуха не хватает, голова кружилась, в висках стучало, перед глазами поплыли черные полосы, сердце бешено колотилось, разгоняя кровь по всему организму. А там, в каждой клеточке, будь то эритроцит или лимфоцит, вел свою непрерывающуюся деятельность паразит, внедренный в Артема в детстве.

Куркову показалось, что еще секунда, и он упадет. Поэтому добравшись до ближайшей лавочки, мужчина рухнул на неё, стараясь ни о чем не думать. Как жить дальше он не знал. Смотрел на свои руки, нервно потирал ладони друг о друга, а после начинал прокручивать в голове возможные варианты.

Накопленных денег хватит, чтобы прожить около трех месяцев. Работу найти можно, но придется начинать сначала. Расплачиваться за свою относительно недорогую квартиру Курков будет не в состоянии, придется перебраться обратно на выселки — так горожане называли окраинные районы. Или съехать? Говорят, в других городах региона требования на въезд не такие строгие, там Артем пригодится, даже, несмотря на свой скромный послужной список, но главное — охранные агентства малых городов не располагают такими полномочиями, как здесь: никто не станет денно и нощно наблюдать за тобой и кропотливо собирать информацию о твоей жизни. Быть может у Артема получится избавиться от блюстителей в его крови, мысли о которых не давали ему покоя.

— Курков? — окликнул Артема кто-то.

— Да, — нехотя ответил Артем и поднял голову. Он несколько удивился, увидев перед собой Павла Григорьевича.

— Тебя, кажется, Артемом зовут? — спросил бывший начальник.

— Да.

— Не занят, составишь мне компанию? Тут есть кафе неподалеку, пиво продают, какого ты в жизни не пробовал.

Артем посмотрел на часы.

— А не рановато ли для пива, Павел Григорьевич? — спросил он.

— Я угощаю, глупо отказываться.

Курков пожал плечами.

— Как знаете.

Кафе располагалось в скверике, в стороне от дороги. Число нелепых кадров с деревьями вокруг кафе резко возросло, видимо таким образом хозяин старался создать некую атмосферу расслабленности. Но шум проносящихся автомобилей, грохот двигателей старых

автобусов, урчание моторов маршруток рушили затею владельца. Здесь, как и в любой другой точке делового центра города, можно было думать только о работе.

Павел Григорьевич выглядел плохо: иссиня-черные круги под глазами, щетина, неестественная бледность. Пальцы левой руки нервно подрагивали до тех самых пор, пока он не приложился к кружке пива. Артем вспомнил, каким был его начальник всего полтора часа назад: уверенный в себе, контролирующий ситуацию человек, вынужденный сообщить плохую новость своим подчиненным. Теперь напротив Куркова сидел подавленный, побитый жизнью мужчина.

Гадать о причинах произошедшей с начальником перемены Курков не стал, знал, что тот обо всем сам расскажет. Пить купленное Павлом Григорьевичем пиво он тоже не торопился. Беседовать Курков предпочитал на трезвую голову. Бывший начальник недолго хранил молчание. Еще раз приложившись к кружке, не глядя в глаза Артему, он начал бормотать себе под нос, сначала тихо и неразборчиво, потом всё громче и отчетливее.

— ... второго носит. Вот посмотри, — он запустил руку в карман брюк, достал оттуда свою идентификационную карточку, вставил ее в терминал, установленный у края стола, ввел пароль. Из-под стола выдвинулся монитор, на нем высветилось приветствие, механический голос произнес:

— Здравствуйте, Некипелов Павел Григорьевич! Доступ к службам международной информационной сети предоставлен.

Ловко прыгая от одной страницы к другой, Павел Григорьевич добрался, наконец, до фотографий своей семьи.

— Вот она, моя красавица, — он ткнул указательным пальцем прямо в монитор, словно пытался приласкать свою белокурую дочурку лет пяти. — Жена на шестом месяце. И они хотят меня уволить.

— Вас тоже? — новость удивила Артема.

Он кивнул, достал из кармана сигареты.

— Зажигалки не найдется? — спросил он у Артема.

— Только спички, — Курков вытащил коробок и протянул его своему бывшему начальнику.

— Извините, — к их столику подошёл официант. — Я обязан предупредить вас, что за курение полагается доплата. Таковы условия хозяина.

Павел Григорьевич кивнул, жестом попросил официанта удалиться.

— Просто хотел предупредить. Не буду вам мешать, — ответил мужчина и ушёл.

— Посмотри на него, — продолжил Павел Григорьевич. — Лет двадцать пять, наверное, ни детей, ни семьи. Работает мальчиком на побегушках, на что будет жить в будущем, сам, наверное, не знает. А мне только о том думать и приходится.

Он снова перевел свой взгляд на монитор, пролистнул несколько страничек, отыскал фотографию, на которой он обнимал жену и дочку. Супруга Некипелова была довольно милостивой, хотя и не молодой: красивые ржавого цвета волосы едва доставали до плеч, улыбка осторожная, но приятная, в уголках губ много морщин, глаза серые, большие. Дочь походила скорее на мать, чем на отца. В целом Некипеловы производили впечатление счастливой семьи.

— У вас красивые жена и дочь, — сказал Артем.

Павел Григорьевич несколько раз кивнул, затянулся сигаретой, затем прикончил свое пиво. Вздохнул.

— Я ведь не коренной. Переехал сюда лет в пятнадцать. Отец был выдающимся инженером, ему даже не пришлось вносить взнос собственнику на право въезда — компания оплатила все расходы. Мать не хотела ехать. Я тоже побаивался. Наслышан был об условиях, которые ставили ребята из «Либертарианца». Но отец нас убедил. Говорил, это временно. Обещал быстро скопить нужную сумму и перебраться на запад. Хотел стать собственником. Рисовал картины будущего, где мы будем жить на нашей земле, сдавать её приезжим. Грезил о том, как организует собственное предприятие, хотел начать производить полупроводниковые транзисторы. Удивительное дело: передовик на производстве, он был дремучим консерватором. Выступал против генной инженерии, недолюбливал собственников. Его ведь и в проекте не было, когда наступил постгосударственный период, помнить о прошлом ничего не мог, а все повторял мантру о том, как раньше, когда существовали государства, было хорошо и как сейчас стало плохо, — Павел Григорьевич вздохнул.

— Умер он через год, после того, как мы переехали сюда. Пришлось матери идти на работу, но ее скромный заработок не позволял нам оплачивать квартиру, которую отец получил от компании. Съехали в менее престижный район, когда денег снова перестало хватать, переехали еще дальше от центра. Слава богу, до выселок мы так и не добрались. Не представляю, кем бы я вырос. Отец скопил достаточную сумму для моего обучения, поэтому я получил достойное образование и сумел удачно устроиться. И ведь до сегодняшнего дня верил, что жизнь у меня счастливая. А оно вон как вышло.

Павел Григорьевич затушил тлевшую сигарету, заказал себе ещё пива.

— С женой познакомился, когда уже преуспевал. В Берлине, на конференции. Нас пригласили представить новую модель электромобиля. После выступления организовали, как это называется, ну когда ешь стоя...эээ. Фуршет, кажется. В общем, организовали его, а она была в числе обслуживающего персонала. Я ведь немецкий знаю, вокруг одни немцы, сам не пойму, отчего вдруг заговорил по-русски. Она как услышала, сразу заулыбалась, подошла поздороваться. Ведь как думал — Берлин, почти как Лондон, если русских там и встретишь, только состоятельных. Ан нет. Она едва сводила концы с концами, я ее пожалел, позвал с собой. Без раздумий согласилась. Страшно представить, сколько возни было бы в государственный период: оформлять бумажки, гражданство, а тут плати взнос за въезд и никаких проблем. Живи, где хочешь. Так вот обзавёлся семьёй, — в этот момент принесли пиво, Павел Григорьевич поблагодарил официанта, отхлебнул немного из кружки, достал вторую сигарету, закурил. — Самое гадкое — до сегодняшнего дня и не думал сомневаться в жене. А сейчас начинаю думать, уж больно быстро она согласилась переехать. Никак решила, что русский-то жених перспективный, да ещё и наивный. Дурашка, одним словом. Выскочить за него, да жизнь себе обеспечить. Была ли любовь? Я и не помню-то толком, — он тяжело вздохнул. — Всякие гадости лезут в голову, начинаю подозревать измену. Мне когда сказали, что увольняют, я всю ночь не спал. Думал, пропал. А потом вспомнил, что накоплений-то у меня немало. Останься я с дочкой один, смог бы и дальше платить по процентам. Но даже если начать разводиться, забрать у матери ребенка не так-то просто. Вот если бы за женой грешок какой водился, другое дело. Пришла идея взятку дать кому-нибудь из службы безопасности, чтобы они данные с ее видеопамятью подняли. Вот так, — Павел Григорьевич, с силой вдавил недокуренную сигарету в пепельницу, схватился двумя руками за виски. — А утром проснулся, стыдно стало. Всю жизнь рука в руку с ней шли, а как только тяжелые времена настали, я сразу стал думать, как от неё избавиться. Но самое

страшное, — голос Павла Григорьевича задрожал, — ночью, ворочаясь с боку набок, я думал не только о том, насколько проще будет платить кредиты без жены. Пожалуй, избавься я от дочери, протянул бы до конца жизни на скопленную сумму. Помнишь, как про официанта сказал, мол, нет у него ни жены, ни детей. Вроде как осуждал это. А на самом деле завидовал. Одному ведь легче. Все эти сказки про преемственность поколений, ерунда про продолжение рода — за этим ведь ничего не стоит. Даже анекдот есть, про успешного мужика, которому друзья советовали обзавестись детьми. Он их спрашивает зачем, а они ему — помирать будешь, а воды принести некому. Ну, послушал он их, женился, детей завел. Все нервы себе вытрепал, до седых волос работал, жена пилит, дети вечно клянчат чего-нибудь. Так вот и дожил до смертного одра. Помирает, значит, и молчит. Родственники вокруг кружатся, сын, к примеру, спрашивает: «Отец, тебе чего-нибудь принести?». А он лежит на постели, думает-думает, а потом и изрекает: «А пить-то и не хочется», — Павел Григорьевич захохотал дурным смехом. — Понимаешь? Всего себя вложил, ради кружки воды на смертном одре, а в итоге она ему на фиг не нужна, — нервно поерзав на стуле, Павел Григорьевич разом опрокинул очередную кружку, посмотрел на Артема. — А ты чего своё пиво не пьешь?

— Да что-то не хочется, — ответил Курков.

— Может тогда чего покрепче?

Артем снова пожал плечами. Павел Григорьевич позвал официанта и заказал коньяк. Дождавшись, когда принесут рюмки на подносе, Павел Григорьевич разом опустошил свою и, не закусывая, продолжил.

— Мир изменился, Артем. Как его сейчас называют, традиционное общество, ну то есть когда сын кормит отца, оно стало невостребованным. Сегодня, живя в одиночку, можно целиком и полностью обеспечить себя до старости. Дети... они ведь из экономической необходимости превратились в предмет интерьера. Как собаки. Держат только для красоты. Но что-то такое, — захмелевший Павел Григорьевич стал энергично размахивать в воздухе правой рукой, словно пытаюсь ухватить ускользавшую мысль, — что-то неправильное в этом есть. Ведь индивидуализм, доктрина индивидуализма, провозглашенная отцами-основателями нашего свободного общества, она ведь противоречит этим принципам, — он зарычал, приложил ладонь ко лбу. — Что-то я никак не могу сформулировать. Давай лучше на примере объясню. Богатые люди, когда обзаводятся детьми, любят повторять, мол, мы отыскали ту самую главную ценность в жизни, теперь мы знаем ради чего живем. Городят огород и прочую банальщину. Но когда говорят об этом, глаза их становятся такими печально-тоскливыми, что становится ясно — никакого смысла жизни они не нашли. А дети — помеха на пути истинной цели существования этих людей. Знаешь, в чем она заключается?

— В выплате процентов по кредитам, — пробормотал Артем, вспомнив сон в метро.

Павел Григорьевич дурно захохотал.

— Они ж богачи, у них с этим проблем никогда не возникает, — начал было он, но осекся. — Хотя доля правды в твоих словах есть. Но дети-то, дети усложняют выполнение этой самой задачи. Приходится брать новые кредиты, платить больше, работать больше и ничего взамен. Живи они бездетными, существуй в своё удовольствие, следуй доктрине индивидуализма — не знали бы бед. А детей заводят лишь как дань прошлому, когда в людях жила наивная вера о том, что в старости о них позаботятся. Понимаешь?

Артем кивнул, размышляя о чём-то своём. Павел Григорьевич, ухватил вторую рюмку

коньяка, выпил и её, наклонил голову, словно бы погрузился в тяжелую думу.

— И так всю ночь, представляешь? Всю ночь обдумывал эти гадости. И знаешь что? — он резко поднял голову и посмотрел Артему в глаза. — Я понял: все это чушь! Вранье! Глупости! Бред! Гон, если хочешь! Самая низкопробная, самая грязная и циничная ложь в истории человечества! Доктрина индивидуализма не выдерживает никакой критики и рухнет. Если бы людьми двигали одни лишь эгоистические мотивы, мир был бы совсем другим. Может быть даже лучше, чем реальный, но ни в коей мере не подобный ему. Мы, как дети, пытаемся себя убедить в сказке, которую сами и придумали. Жить для себя и в свое удовольствие, ну, в крайнем случае, ради семьи... Нет. Есть нечто иное, какая-то деталь, которую мы выпускаем из внимания. Пытаемся охарактеризовать ее такими словами как сострадание, любовь, преданность, верность, дружба. Короче то, что размыкает закольцованный на себя индивидуализм, ставит некоторые внешние по отношению к нам явления выше личных интересов. Заставляет Атланта согнуть спину. И не потому, что мы от этого выиграем, извлечем какую-то выгоду. Нет, сама забота о ближнем становится целью, смыслом и содержанием. Кстати, о содержании...

Павел Григорьевич перевёл взгляд на пустую рюмку, снова позвал официанта и заказал ещё коньяка. На этот раз Некипелов не стал дожидаться его возвращения, ткнул указательным пальцем в сторону жены и дочери.

— Без них тошно было бы жить на свете. И после этого ты мне говоришь «индивидуализм»?! Да я, если хочешь знать, переехать готов. Блюстителю ведь в любой момент, в любой момент могут дать ребятам из «Либертарианца» посмотреть на мир моими глазами. Помнишь, какая была самая первая мысль, когда их ввели тебе? Помнишь ощущение, которое испытал в ... Спасибо, бутылку оставь, — сказал Павел Григорьевич официанту, опрокинул очередную рюмку, после вперил свой утративший остававшиеся угольки разума взгляд в Артема. — Их называют блюстителем, нам вешают на уши лапшу, мол, пока вы не нарушите закон, служба безопасности не имеет права просматривать записи. Не имеют, но ведь могут!

Артем забеспокоился. Разговор перетекал в нежелательное русло. Обсуждать блюстителей и деятельность службы безопасности неприятно. Нужно было сменить тему.

— Павел Григорьевич, расскажите лучше...

— Не перебивай! — гаркнул Некипелов. — Не смей перебивать и дерзить!

Артем отстранился. В конце концов, проблемы себе наживет Павел Григорьевич.

— Нас убеждают, мол, ради нашей же безопасности. Преступность мы победили. Нулевой уровень краж, стопроцентная раскрываемость, а отморозки-окровители нет-нет да и ограбят кого-нибудь на улице. Безопасность! А знаешь, что я думаю? Самые страшные, самые бесчеловечные преступления совершаются под предлогом обеспечения безопасности! Так-то! И пускай кто-то поспорит. Нам обещали свободу, а от свободы ничего не осталось, ничегошеньки. Они говорят, не устраивают условия — съезжайте. Так куда ехать, когда на счете ни копейки?! Говорят свобода, а на деле — крепостное право, только хозяин не человек, а проценты по кредиту, как ты верно заметил. И если крепостной мог лелеять надежду сбежать, то от банкиров ты нигде не спрячешься.

Войдя во вкус, Павел Григорьевич налил себе ещё коньяка. Артем хотел было посоветовать ему не делать этого, но потом передумал, решил послушать бывшего начальника еще немного.

— Ты знаком с концепцией бога? В государственный период такая существовала. Мол,

где-то там есть сверхъестественное существо, которое смотрит за нами, знает о каждом нашем проступке, каждой нашей грязной мысли. В конце, когда жизненный путь индивида завершается, бог будет вершить суд над некоей внетелесной сущностью — душой — за все проступки, которые совершило ее телесное воплощение. Никто эту концепцию всерьез не воспринимал, но многие делали вид, что верили в бога, в душу. Главная идея этого построения проста, как блондинка после трех бокалов шампанского: изображай смирение, благочестие, выгляди хорошим в глазах общества и тогда бог не раскусит твою натуру. Если совершаешь гадость, следуй принципу «не пойман — не вор». Сегодня всё перевернулось с ног на голову. Концепция, в которую никто не верил, воплотилась: теперь действительно есть некто, кстати говоря, вполне конкретный человек, а не абстрактный громовержец, который смотрит за нами. Но идея нынешней господствующей псевдорелигии под копирку списана с идеи её предшественницы. Делай вид, будто за тобой никто не смотрит, на людях отстаивай принцип неприкосновенности личной жизни и за тобой действительно никто не будет подглядывать. Скажешь что-то неудобное, привлечешь внимание — пеняй на себя. Вот ты сейчас как перепугался, когда услышал мои слова? А ведь в основе лежит примитивная, почти детская уверенность во всемогуществе мысли, этакая магия современности, типичнейший анимизм — если не думать о плохом, плохого не произойдет, если не замечать мерзости, мерзости вроде как и нет.

— Скорее, солипсизм, — выдавил из себя заскучавший Артем.

— Ну, так, — согласился Павел Григорьевич, не разобравший фразы Куркова. Он налил полную рюмку коньяка, опрокинул ее и пьяными глазами обвёл округу.

— Но знаешь, о чём я теперь думаю? Ведь мне уезжать, придётся уезжать с семьей. И я счастлив, несмотря ни на что, я счастлив. Я избавлюсь от этой гадости в моей крови, найду нормальную работу. Наверное, буду получать меньше, наверное, не смогу арендовать трехкомнатную квартиру. Но посмотри вокруг, как всё мерзко, я не знаю... — язык Павла Григорьевича заплетался. Внезапно мужчина опустил голову на стол, закрыл глаза ладонями и тихонько захныкал.

— Почему так получилось? Четыре года, всего лишь четыре года, и я бы перебрался на запад, — запричитал он. — У меня великолепное образование, я эрудирован, умен, талантлив. Так почему они лишают меня работы, кого лучше меня они сумеют отыскать?!

Курков вздохнул, поднял свой бокал пива, отхлебнул немного.

— Горьковатое, — отметил он. — А ты мне никогда не нравился, Павел Григорьич. Теперь выясняется, что ты ко всему прочему и размазня.

Артем встал и быстро ушёл из кафе. Ему некогда выслушивать жалобы бывшего начальника на жизнь, у самого проблем по горло. К счастью, он был молод и не обременен семьей. Времени и сил зажить по-новому у него хватало.

...

Он долго бродил по городу прежде чем вернуться к себе в квартиру. Старался ни о чем не думать, но мыслями всё время возвращался к монологу бывшего начальника. Отчего-то Курков стал вспоминать день, когда ему в кровь ввели блюстителей. Сколько Артему тогда было? Шесть или семь? В памяти отложилось чувство липкого страха, заполнившее сознание. Он был не один, с мамой. Они сидели у входа в кабинет, вокруг салатные стены, вдоль которых растянулись неудобные скамейки. Неестественно-бледное свечение флуоресцентных ламп придавало помещению зловеще-стерильный вид. Мама тоже нервничала, говорила необязательные слова, которые успокаивали скорее её саму, чем

Артема.

— Больно будет недолго, сынок, раз и всё. Помнишь, что говорил тебе папа? Будь мужчиной!

— А, правда, — выдавил из себя ребенок, — правда, за мной теперь будут подсматривать?

— Конечно же нет, это выдумки. Кто тебе рассказал эти глупости? Сейчас тетенька врач всё тебе объяснит.

Словно бы услышав их разговор, на табло над дверью высветилась фамилия «Курков».

— Нам пора, поднимайся, — сказала мама.

Кабинет врача был таким же холодным и безрадостным, как и больничный коридор. Даже игрушки, которыми были заставлены полки одного из шкафов, не спасали положения. Сам врач оказался высокой бледной женщиной. Чрезмерно серьезная для педиатра, она предложила Артему и маме присаживаться, положила руки на стол и переплела пальцы.

— В соответствии с принятыми в нашем городе нормами о защите прав и свобод человека, я обязана подробно проинформировать вас, госпожа Куркова, как законного представителя интересов вашего сына, и тебя, Артем, как непосредственного пациента, о предстоящей процедуре. В пределах нашего города безопасность жителей обеспечивается охранной фирмой «Либертарианец», которая применяет инновационные методы борьбы с преступностью. Прежде чем продолжить, хочу отметить — уровень преступлений в городах, сотрудничающих с «Либертарианцем», самый низкий в мире. Убийства и кражи практически искоренены, единственной проблемой остаются грабежи, но и с ними в скорейшем будущем будет покончено. Основным подходом в обеспечении безопасности граждан является профилактика преступности с постоянным и всесторонним контролем за деятельностью криминально неблагополучных районов и их жителей, пока ещё не охваченных программой. Для снижения расходов, а так же обеспечения наиболее полного сбора необходимой информации охранной фирмой применяется процедура введения препарата, в народе называемой блюстителем. Препарат представляет собой смесь способных к самовоспроизведению бактерий-наноботов, разработанных в лабораторных условиях. Посредством уникальной смеси биологии, генной инженерии, программирования и современной радиофизики, бактерии обладают способностью испускать радиоволны, при этом частота волны определяется заранее при выведении каждого конкретного образца. Благодаря особенностям спирали ДНК, а так же внедренным искусственным приемникам визуальной информации — единственным в своем роде! — и нанопроцессорам бактерии способны хранить и передавать внушительные объемы видео- и аудиоматериала, а так же обрабатывать его. Никакой угрозы для жизни препарат не представляет. Интенсивность радиоизлучения довольно низкая, а спектр лежит в области длинных волн. Средой обитания бактерий является кровь, но они так же находятся в постоянном взаимодействии с нервной системой, периодически закрепляются у ствола головного мозга, активно собирая данные об электрических импульсах, протекающий в нервных волокнах, благодаря чему способны, если так можно выразиться, видеть вашими глазами и слышать вашими ушами. Распространенно заблуждение, будто наноботы читают мысли, но к реальности это утверждение не имеет никакого отношения. Собранная информация передается на сервер-приемник охранной фирмы, где обрабатывается и хранится в зашифрованном виде. Сервер-приемник способен не только дешифровать и распознавать информацию, он также дает ей предварительную нормативно-правовую оценку, параллельно с этим сопоставляя ее с данными, получаемыми

с внешних средств наблюдения, если таковые имеются в месте совершения предполагаемого преступления. Фактически, сервер-приемник выполняет роль стража правопорядка. Когда и как только в передаваемой информации обнаруживаются признаки совершения преступления, сервер расшифровывает принятый сигнал и выводит его на экран диспетчера, после чего к проверке приступают служащие фирмы. Таким образом, сегодня фактически невозможно совершить преступление и быть не пойманным, ну разве только вы не младше семи лет и вам в кровь еще не ввели бактерий-наноботов. Еще одним довольно распространенным заблуждением является уверенность в том, что сотрудники охранной фирмы непрерывно наблюдают за горожанами. Спешу вас уверить — защита права на неприкосновенность частной жизни является одной из основных обязанностей стражей правопорядка. Наноботы введены также и в кровь диспетчеров, в случае попытки одним из них взломать сервер-приемник и получить доступ к зашифрованной информации наноботы диспетчера передают тревожный сигнал и преступника арестовывают и выселяют без права возвращения. Разумеется, применение бактерий-наноботов довольно дорогостоящая процедура, хоть обходится и в разы дешевле содержания штата полицейских. Поэтому после введения препарата горожанин обязан выплачивать некоторую сумму. До достижения горожанином совершеннолетия, сумма эта выплачивается его родителями либо официальными опекунами, — закончив, врач перевела дыхание, посмотрела сначала на Артема, потом на его мать. — Итак, если у вас возникли вопросы, задавайте, попытаюсь на них ответить.

— Хочешь что-нибудь спросить, Артем? — обратилась к нему мама.

Он отрицательно покачал головой, стараясь не смотреть в сторону врача. Стало страшно. Хотелось поскорее уйти. А еще лучше проснуться дома в постели и осознать, что ему приснился кошмар.

— Раз вопросов нет, пройдёмте в процедурную, — сказала врач и, встав, жестом пригласила Курковых следовать за ней. Они прошли в соседнюю комнату. Окон там не было, стены выложены бледно-голубой плиткой, в центре стояло кресло, подобное тому, которое можно встретить в кабинете у дантиста. У стен примостилось множество столиков с разбросанными по ним упаковками со шприцами, перчатками, ватой. В помещении царил запах хлорки.

— Присаживайся, — сказала врач Артему, рукой указывая на кресло.

Мальчик неуверенно посмотрел на маму, та ободряюще кивнула, он пошёл вперед. Врач приблизилась к умывальнику в углу комнаты, открыла воду. Тишину процедурной заполнил плеск разбивающейся о керамическую раковину струйки воды. Артем устроился в кресле, краем глаза заметил ремни на ручках. От этого стало ещё страшнее. Он хотел было вскочить, но собрав остатки мужества, которое только может быть присуще семилетнему ребенку, сумел заставить себя усидеть на месте.

Помыв руки, врач вытерла их, натянула перчатки, наклонилась и достала из шкафчика мутную жёлто-коричневую жидкость в прозрачном пузырьке, ловко обломала верх стекляшки, взяла заранее приготовленный шприц на два кубика, наполнила его препаратом до половины.

— Закатайте ребенку рукав по плечо, — проинструктировала она мать, после подошла к Артему смазала обильно смоченной спиртом ваткой боковую поверхность плеча. — Не бойся, больно будет недолго, — успокоила она Куркова и, сняв со шприца пластмассовый колпачок, ввела иглу под кожу.

Артем настолько разволновался, что даже не ощутил укола. Изумленными глазами он наблюдал за тем, как жидкость перетекала из шприца в его плечо. Сердце бешено колотилось, во рту пересохло, а по коже в месте укола текла тоненькая струйка крови. Опустошив шприц, врач вынула иглу, вытерла плечо ваткой повторно, прижала её к месту укола.

— Держи так, — сказала она Артему. Он не сразу понял, что от него требуется. Только когда врач сердито повторила свой приказ, подчинился. После этого врач потеряла к нему всякий интерес, повернулась к матери.

— Пускай посидит так минутку, и можете идти. Если в области укола пойдёт раздражение, обязательно придите ко мне снова, нужно будет сделать пару анализов.

— Всё прошло хорошо? — подобострастно улыбаясь, спросила мама.

— Да. В течение суток с вами свяжутся представители охранной фирмы и сообщат, сумели ли они поймать сигнал артемовых блюстителей. Редко, но бывает, что это сделать не удастся, поэтому возможно, что процедуру придется повторить.

Мама принялась расспрашивать о несущественных мелочах, врач охотно отвечала. Наконец, Артему сказали убрать ватку, мама опустила ему рукав и Курковы ушли. Повторять процедуру не понадобилось, вечером того же дня им позвонили и сообщили, что связь установлена.

— Теперь ты совсем взрослый, — сказала мама Артему, вытирая с лица слезы умиления.

Как же давно это было! Сейчас Артему сложно было поверить в реальность тех событий, и лишь отчетливость, с которой они всплывали в памяти, не позволяла усомниться в действительности произошедшего. Та желтая жижа до сих пор в нём, её ничем не вывести, она размножается, питается его соками, как самый настоящий паразит.

Курков представил, как капельки желтого препарата циркулируют в его теле и испытал резкий приступ отвращения. В этот момент он как раз поднимался по ступенькам к своей квартире.

«Под предлогом обеспечения безопасности совершаются самые гнусные преступления», — всплыли в памяти слова Павла Григорьевича.

На Артёма опять накатило. Он уволен! Уволен! Отчаяние, паника, безумный страх охватили его, мысли перемешались в голове, хотелось провалиться под землю, забыть сегодняшний день. Артем открыл дверь, вошёл внутрь своей квартиры, лампочка автоматически загорелась, осветив небольшую оклеенную светло-голубыми обоями прихожую, переходящую в просторную уютно обставленную гостиную. Курков разулся, добрался до дивана, в гостиной, повалился на него, закрыл глаза.

Ведь было время, когда ему пророчили большое будущее, родители грезили о том, как он уедет за границу и обустроится там. Никто не верил, что безупречно отучившийся девять лет Артем, завалит экзамены на десятом году.

«Я должен был стать юристом, экономистом, врачом, ученым! Вместо этого я простой инженер без диплома. Только благодаря знакомствам меня взяли в этот отдел, больше я никому не нужен!» — подумал Артем.

Остается одно — идти к отцу, просить о помощи, снова унижаться, признавать свою никчемность, неудачливость. Эта ухмылка, пренебрежительный тон, которым разговаривал с ним отец в прошлом — нет, Артем не вытерпит этого во второй раз.

— Что же делать! Что мне делать! — в голос запричитал Артем. Сколько вещей он взял

в кредит, сколько денег он должен вернуть?! Банкрот, который через несколько месяцев лишится права на проживание в городе, будучи не в состоянии оплатить аренду!

Но к отчаянию примешалось раздражение. Быть может сейчас, в этот самый момент за ним смотрят другие, по ту сторону его собственных глаз. Снова воображение нарисовала живой образ бегущих по крови капелек желтой суспензии, снова представились мерзкие ухмылки охранников, пялившихся в экран и наблюдавших за его страданиями. Пассивная боль сменилась яростью. Курков словно бы взорвался. Захотелось всё это разом прекратить.

Он бросился на кухню, схватил нож, вихрем понесся в прихожую, выкрутил пробки на счетчике. Квартира погрузилась во тьму. Нервно шаря рукой по стене, Курков добрался до ванной комнаты, открыл теплую воду, закатал рукав, обнажив локоть, поднёс нож к месту сгиба, вдавил лезвие в кожу и резко полоснул. Острая боль, теплая липкая жидкость, разливающаяся по руке и ярость — вот чем запомнился этот момент Артему. Он распрямил руку, поставил место сгиба прямо под воду и ждал конца. Спустя некоторое время ярость отступила, её место опять занял страх. Голова закружилась, а по всему телу растеклась слабость, коленки дрожали, ноги подгибались. Артем взревел, подобно быку, выронил нож, зажал освободившейся ладонью место пореза, согнул локоть, бросился к себе в комнату, залез в шкафчик, с трудом достал аптечку, вынул оттуда бинты и жгут, стал останавливать кровь. Удалось! С перетянутой жгутом и небрежно обмотанной бинтами рукой Курков растянулся на полу. На него напала сонливость, невозможно было сосредоточиться ни на одной мысли, а образ желтой маслянистой жидкости, смешавшейся с его кровью, поблек.

«Теперь они меня не видят. Больше не видят» — с твердой уверенностью заключил Артём. Полежав ещё немного, он уснул.

Курков проснулся рано утром. Голова болела, а сквозь плотно закрытые шторы не проникал свет. Опираясь о диван, Артем попытался встать. Его швырнуло в сторону, пытаясь уцепиться рукой за что-нибудь, он ее распрямил и тут же ощутил резкую боль в месте сгиба. Прилипший бинт оторвался, Артем ощутил сильно жжение. Курков терпел, скрепя сердце, события предыдущего дня всплыли в памяти. Он поглядел на порезанную руку. К счастью, ночью неплотно затянутый жгут сполз, иначе можно было заработать некроз. Открывшаяся рана слабо кровила. Нужно было перевязать её. Морщась и прикусывая язык всякий раз, когда приходилось резко дергать бинт, Артем размотал руку, осмотрел разрез. Нож оказался острым: кожа широко расползлась, в месте сгиба локтя все было облеплено свернувшейся кровью. Обработав порез спиртом, Артем перебинтовал его свежей марлей, затянул, как следует и, обессиленный, лег обратно на пол.

«Неужели я хотел покончить с собой? — задумался Курков. — Неужели настолько отчаялся?»

Сейчас он толком не мог назвать причину своего спонтанного поступка. Казалось, единственный мотивом, двигавшим его вчера, было желание избавиться от препарата, много лет назад введенного в его кровь. Ещё немного поразмыслив и пожалев себя, Курков предпринял вторую попытку встать. Но не тут-то было. Он снова чуть не растянулся на полу, правда, на этот раз вовремя перенёс центр тяжести, и прижался к краю дивана. Придерживаясь, Артем поднялся на ноги, дотянулся до выключателя, клацнул по нему раза три, прежде чем вспомнил о выкрученных пробках.

«А ведь в логике не откажешь, — с усмешкой подумал Артем. — Хотел сделать всё в темноте. Иначе ещё вчера сюда принеслись бы сначала охранники, потом медики».

Вообще, случаи, когда в городе совершали кровопускание, не были редкостью. Считалось, будто бы снижение концентрации препарата в крови ослабляет сигнал, передаваемый наноботами, и не позволяет наблюдать за тобой. Подобными вещами баловались наркоманы и бандиты. Руководители охранной фирмы, конечно же, уверяли в том, что концентрация блюстителей не снижается в результате кровопускания, а если бы и снижалась, то злоумышленников всё равно вычислили бы благодаря записям с блюстителей жертвы, но их слова звучали как оправдание своей беспомощности. Преступность в городе оставалась самой низкой в мире, но грабежи, нелегальная проституция, наркомания до сих пор не побеждены. Значит доля правды в словах окровителей, как иногда называли людей, совершавших кровопускание, в надежде снизить концентрацию блюстителей и уйти из-под надзора службы безопасности, была. Поэтому с недавнего времени за случаями вскрытия вен следили особенно тщательно, сервер-приемник уже научился распознавать подобные происшествия, что породило вялую волну протеста, которая, впрочем, быстро угасла. Артёму проблемы с законом сейчас ни к чему, потому в дальнейшем действовать нужно осторожно, не полагаться на спонтанные решения.

Немного постояв посреди коридора, он наклонился к столику, располагавшемуся неподалеку, чтобы взять пробку, вкрутил ее в счетчик, вернулся в комнату и включил свет. Кровь в нескольких местах заляпала ковер. Придется придумать, как её отчистить. Вздохнув, Артем направился в ванну. Из зеркала на него смотрел бледный осунувшийся мужчина лет сорока пяти, а то и пятидесяти. Темные мешки под глазами особенно резко контрастировали

с белой-белой кожей. Раковина так же оказалась залита кровью. Впрочем, в отличие от ковра, отмыть ее несложно. Умывшись, Артем направился на кухню, разом выпил три кружки воды и принялся готовить завтрак. Подкрепившись жареной яичницей и котлетами, он почувствовал себя гораздо лучше, но его снова стало клонить в сон. Решив не противиться естественным потребностям организма, Курков, шваркая ногами, добрался до спальни, повалился на жесткий матрас и мигом заснул.

Разбудил его солнечный луч, сумевший пробиться сквозь шторы и бесстыдно упавший прямо на лицо Артему. Потянувшись, Курков сел, сладко зевнул. Чувствовал он себя гораздо лучше.

Немного помечтав, Артем подскочил, раскрыл шторы, выглянул на улицу. Солнце стояло высоко, времени куда больше двенадцати. Глядя на зеленеющую под окном траву, резвящихся на детской площадке детей, чистое синее небо, Артем утрачивался ощущение обреченности, охватившее его после увольнения. Нужен план действий. Денег немного, нужно экономить. Значит, первым делом следует подыскать жилье подешевле. Снова выселки! После предстояло подумать о работе. В крайнем случае, можно обратиться к родителям. Да, унижительно, особенно с учетом скандала, который разразился в последний раз, но ничего не поделаешь.

Рассудив так, Артем снова отправился на кухню, пообедал, переоделся в неброскую одежду и отправился в путь.

...

Выселки представляли собой большой район, где раскинулись многоэтажки, заброшенные заводы, пустующие больницы и старые, разваливающиеся частные домишки, в которых в былые времена селились самовольно, но с появлением блюстителей сквоттеров стали гонять. Дворы унылые, бесцветные, здесь нет детских площадок, всё вдоль и поперек заросло бурьяном, после дождя улицы подтапливало, дороги превращались в сплошные лужи. Люди под стать обстановке: угрюмые, сердитые, частенько пьяные и злые. Даже дети смотрят на прохожих исподлобья, придумывают жестокие розыгрыши, нередко издеваются над животными. В былые времена, до изобретения блюстителей, здесь, наверное, опасно было жить, столкнуться с хулиганами или грабителями можно было в два счёта. Но сегодня по улицам выселок можно было пройти беспрепятственно, хотя у любого жителя центральных районов города невольно возникало ощущение того, что он здесь чужой. Местные — народ завистливый. Тех, кто устроился лучше их, они ненавидели всеми фибрами души, злорадно ухмылялись, когда очередного неудачника судьба вынуждала переехать сюда. Ругань и скандалы были здесь повседневной рутинной, если не обязанностью. Прохожего могли покрыть матами только за то, что он одет чуть лучше местных. В то же время, жители выселок преклонялись перед деньгами и показушным богатством. Они соревновались друг с другом, и соседа, купившего дорогую безделушку, ненавидели, пожалуй, куда больше жителей центральных районов. Они заискивали перед архибогатыми людьми, на работе оказывались самыми рьяными подхалимами и лицемерами. Готовые пройти по головам родных и близких ради карьеры, они выслуживались и за это ненавидели сами себя.

Девушки с выселок были расчетливы и циничны, не брезговали заявлять на совращенных ими юношей об изнасиловании, удачно выскочив замуж, стремились высосать из мужа как можно больше денег, если не получалось, начинали жаловаться на побои. Само собой, с появлением блюстителей методы эти перестали работать.

Мужчин с выселок можно было отнести к двум категориям: смирившихся со своей участью агрессивных пьяниц, которые хорохорились и провоцировали драку, если сталкивались со слабым, и заискивали и кланчили при встрече с сильным, и скользких гадов. Подлые и беспринципные мошенники, они выискивали легковверных жителей центральных районов и втягивали последних в сомнительные схемы с целью облопошить. Блюстителы изменили соотношение между этими двумя типами, как и наиболее характерные черты: второй практически вымер, первый эволюционировал в скандалистов-балаболов, никогда не пускавших в ход кулаки.

Злоба, таящаяся у местных в душе, выплескивалась наружу, в виде пренебрежительного отношения к родному району. Именно жители выселок придумали самые оскорбительные поговорки о самих себе. В их числе: девка с выселок дешевле платья, в которое она одета; на выселках мусор от людей не отличишь; перепить мужика с выселок всё равно, что перебить его бабу — невозможно; можно вывезти человека с выселок, а вот вывести выселки из человека никогда.

Неудивительно, что выселки были самым грязным районом в городе. Далеко не все утруждались доносить мусор до урн и ящиков, бросали его где попало. Подавляющее большинство искало способ смухлевать и не платить за вывоз. Для этого они подбрасывали свои пакеты и мешки в микрорайоны, где жильцы заключали соглашения с мусороуборочными корпорациями. Целью жизни среднестатистический высельчанин считал скорейший переезд куда подальше отсюда.

Казалось бы, если они так ненавидят свой район и свою жизнь, им нечем гордиться, они не должны задирать нос и важничать. Но нет. Стоило сюда приехать кому-нибудь из другого мелкого городка, как высельчане тут же начинали насмехаться над ним, всячески подчеркивать свое превосходство, относиться к нему пренебрежительно, стараться поддеть и унижить при каждой встрече. Именно среди высельчан особой популярностью пользовался лозунг «Понаехали, жить не дают». Всегда и во всех бедах местных виноватыми оказывались либо собственники, либо начальники, либо приезжие, либо соседи. Вечные пересуды, бытовые скандалы и ругань, агрессия и неприятие нового — вот что окружало всякого, попавшего на выселки.

Закономерно, что Артем не хотел возвращаться сюда. Но пока он не найдёт работы — а процесс этот может занять месяцы — выбора у него не было. К счастью, Курков знал законы, по которым жили на выселках. В своё время он как-то даже сформулировал правила элиты выселок и записал в блокнотике. Первое: никогда не спрашивай другого о зарплате, ибо деньги — это святое, но при этом всячески старайся подчеркнуть, что ты зарабатываешь больше. Второе: одевайся дорого и безвкусно, покупай модные аксессуары вне зависимости от степени их полезности и качества. Это позволит тебе следовать первому правилу. Наконец, третье: в речи употребляй как можно больше слов, точного значения которых ты не знаешь, но ежедневно слышишь, в особенности применительно к электронике. Слова старайся сокращать вплоть до полной потери первоначального смысла, фамильярничай с незнакомыми.

Артем покинул выселки лет шесть назад и с тех пор не объявлялся здесь ни разу. Он думал, за такой период многое переменится, когда же оказался на месте, ощутил себя путешественником в прошлое. Те же тропинки, облезлые стены, неприветливые лица. Курков сориентировался быстрее, чем сам того хотел.

«Можно вывезти человека с выселок, а вот вывести выселки из человека никогда», —

заклучил он и отправился к облезлой и грязной информационной панели, установленной в стене одного из домов. Вставив идентификационную карт, он полазил по интернету и отыскал пару подходящих ему по цене предложений, отправился на поиски квартиры. Первая однокомнатная квартира оказалась совсем уж никудышной даже для выселок. Пожалуй, подошла бы спившемуся человеку, но Артем пока не опустился на самое дно, поэтому даже торговаться не стал, попрощался с хозяином и ушёл.

Затем последовало довольно неплохое жилище, но в арендную плату хозяин не включил коммунальные услуги. Артем попытался поторговаться, но мужчина оказался неуступчив.

После было ещё около четырех бесперспективных комнатух, цены на которые оказались завышены. В конце отчаявшись отыскать сегодня жильё, Артем отправился по предпоследнему адресу. На третьем этаже семиэтажки его встретила опрятно одетая женщина средних лет. Пожалуй, её можно было бы назвать симпатичной, если бы не мертвенная бледность её лица. Она предлагала однокомнатную квартиру, с уютно обставленной комнатой и совмещенным санузлом.

— А коммунальные услуги в цену включены? — поинтересовался Артем.

— Разумеется, — ответила хозяйка.

Артем удовлетворенно кивнул, продолжил осмотр. Лучшего предложения сегодня он не видел, поэтому Курков решил для виду поторговаться, но даже если хозяйка окажется неуступчивой, переезжать сюда за назначенную цену.

— Я всё посмотрел, предлагаю поговорить о плате, — начал Артем.

— Погодите-погодите, — остановила его хозяйка. — Сначала я хотела бы выяснить, с какой целью вы переезжаете и откуда.

Артем несколько напрягся.

— А зачем это вам?

— Видите ли, я стараюсь не сдавать квартиры приезжим. Сама-то я не против, уж поверьте, но не хочется носить на себе косые взгляды соседей.

— Понимаю. Я не приезжий, с рождения горожанин, просто... — Артем запнулся. Не хотелось вдаваться в детали своих неприятностей.

— Потеряли работу?

— Да, — нехотя согласился он.

— Тогда никаких проблем. Обсудим плату.

Артем сумел-таки добиться снижения цены, пообещал вскоре переехать, но на всякий случай отправился по последнему адресу. Комнату сдавала сварливая старуха. Просила она совсем немного, но условия оставляли желать лучшего, к тому же коммунальные услуги снова оказались не включены.

Окончательно решив переехать в квартиру к бледной женщине, Артем направился к метро, насвистывая мелодию из какого-то популярного фильма. Он не сразу заметил уцепившегося следом за ним паренька в осенней куртке с капюшоном. Незнакомец прятал свое лицо, нервно семенил следом за Артемом. Курков напрягся. Процент окровителей в районе выселок особенно высок, поэтому и грабежи, как правило, совершаются здесь. Но только ночью. Днём опасно — служба безопасности раскодирует записи, поступившие от пострадавшего и сумеет вычислить негодяя. Только вот загвоздка, Артём по доброй воле сам стал окровителем, поэтому рассчитывать на службу безопасности в случае нападения не мог. Однако преследователь не знал этого. Поэтому Курков решил перейти в наступление.

Он остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и, глядя прямо на парня в

куртке, спросил:

— Тебе чего-то от меня нужно?

Тот замер, нервно повёл головой сначала в одну, потом в другую сторону. Запустил руку себе в карман.

— Не глупи! — перепугавшись, произнёс Артем. — Я видел твое лицо.

Но парень, похоже, оказался отморожком. Он достал из кармана пистолет, ткнул им в сторону Куркова.

— Оголи левую руку! Быстро! — приказал незнакомец.

— Зачем? — спросил Артем, но потом ощутил какое-то движение у себя за спиной, начал разворачиваться, но не успел — кто-то с силой ударил его по затылку. В глазах потемнело, Курков потерял сознание.

...

Когда он пришёл в себя, не сразу понял, где находится. Вокруг темно и сыро, доносится постукивание равномерно падающих капель, в стороне слышны перешептывания.

— Очухался, голубчик! — воскликнул кто-то. — Волочи его сюда.

Артём не успел толком осмотреться, когда его схватили под локти, рывком поставили на ноги и, подталкивая в спину, повели вперед. Он впери́л свой взгляд в пол, под ногами грязь, по сторонам обшарпанные стены. Рукава на обеих руках Куркова задраны вверх, поверх бинтов в месте сгиба левой руки выступила кровь.

«Они знают! — пронеслась в голове Артема паническая мысль. — Если захотят, убьют меня, а труп спрячут так, что никто и никогда его не найдет!»

В очередной раз проклиная себя за глупость, которую совершил вчера, Артём стал судорожно думать, как ему выбраться живым из этой передраги.

Тем временем его буквально затолкали в полуподвальное помещение, освещаемое тусклым светом лампочки Ильича, плохо закрепленной и потому болтавшейся при малейшем сквозняке. В середине помещения было установлено несколько перевернутых вверх дном ящиков, на них сидели бледные и осунувшиеся мужчины и женщины, всего человек девять.

— Стой! — приказал кто-то позади него. Артем подчинился.

Один из сидевших мужчин, судя по лицу довольно молодой, но при этом седой как лунь, встал, пристально посмотрел Куркову в глаза. Артем не принял вызова, быстро отвёл взгляд в сторону.

— Как тебя зовут? — мягко спросил мужчина.

— Артём.

— Рад знакомству, Артём. Печально, что мы встретились при таких обстоятельствах. Меня называй Гулливером, — представившись, мужчина сделал паузу. Артём тоже сначала думал отмолчаться, но не выдержал.

— Что вам от меня надо? Зачем вы меня схватили? Вы ведь понимаете, что за это придется отвечать?

Гулливер усмехнулся.

— Ты новенький?

Артем озадачено посмотрел на седого.

— Впервые пустил себе кровь? Понимаешь ведь, никто тебя не найдет. Мы проверили, концентрация блюстителя в твоей крови ниже сотых долей промилле, тогда как для устойчивого сигнала требуется в десять раз больше. Немногие решаются выпустить так

много крови. Или ты решил покончить с собой, но потом передумал?

— Что вы от меня хотите? — повторил свой вопрос Артем, не зная, как себя вести. Он боялся и от того злился, а это мешало сосредоточиться и действовать разумно. Оставалось упираться и прикинуться бараном.

— Я хочу предложить тебе работу в моей организации, Артем. Курьером. Как ты на это смотришь?

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите, — в третий раз повторил Артем.

Другой мужчина, один из тех, кто привел Артема сюда, а после устроился в стороне у стенки, хмыкнул.

— Какой-то он заторможенный. Может ну его, — стоявший у стенки провел большим пальцем по горлу, — а тело за город.

— Нет, — возразила женщина, сидевшая чуть поодаль. Артем посмотрел в ее сторону и узнал в ней бледную хозяйку квартиры.

— Это вы! — ахнул Курков.

— Он подходит, — словно бы не услышав его, продолжила женщина. — Я навела справки, он жил здесь раньше, только после перебрался в центр. Идеальная кандидатура.

Мужчина у стенки хотел было возразить, но Гулливер жестом остановил его.

— Я же сказал, Артем. Мне нужен помощник, человек, который будет передавать посылки моим друзьям. Ты согласен?

— Я не понимаю, — замотал головой Артем, посмотрел на женщину, с которой всего полчаса назад договаривался о стоимости аренды квартиры. — Это вы им сказали схватить меня?

В следующую секунду крепкая ладонь сомкнулась на его горле. Гулливер коброй бросился на него, затолкал в угол комнаты, придушил изо всех сил.

— Когда я разговариваю с тобой, не смей отворачиваться или заводить беседу с кем-либо ещё. Я не потерплю неуважения! Ты понял?! — прокричал Гулливер, после чего убрал свою руку и отошел на два шага назад. Артем согнулся пополам и закашлялся.

— Чего вы хотите? — с трудом выдавил из себя Артем.

— Гиблый номер, — заметил мужчина у стены, Гулливер бросил суровый взгляд в его сторону, мужчина потупился.

— Повторяю последний раз. До меня дошли слухи, что ты потерял работу, я хочу тебе помочь, потому предлагаю стать курьером и доставлять посылки от меня. Зарплата хорошая. Тебе не понадобится переезжать на выселки, ты сможешь остаться жить, где живешь. Больше того, если зарекомендуешь себя хорошо, переберешься в район поэлитнее. Работа не пыльная, деньги будешь получать посдельно. Так как, договорились?

Артем понял — выбора у него нет.

— Хорошо, — выдавил он из себя.

— Молодец, — похвалил его Гулливер. — Сразу говорю, существуют определенные риски, поэтому ты должен быть настороже. Тебе довольно часто придется пускать кровь, мы ведь не можем рисковать и позволить службе безопасности нас отыскать, правда?

Артем кивнул.

— Начнешь сегодня. Аглая, дай пакет.

Хозяйка квартиры достала из-за пазухи своего спортивного костюма желтый сверток, перетянутый тонкими тесемками.

— Держи, — Гулливер протянул пакет Артему, тот неуверенно взял его в руки. —

Адрес записан на самом пакете.

«Неужели всё?» — подумал Артем. Сейчас главным было вырваться, после бежать в службу безопасности и сообщить об эти бандитах.

— Ну а чтобы ты не обратился к нашим коллегам из «Либертарианца», а заодно поторопился, придётся принять некоторые меры безопасности. Борман, иди сюда.

Мужчина у стены нехорошо ухмыльнулся, неспешно подошёл к Гулливеру, достал из кармана небольшой пакетик, бросил его Артёму. Курков поймал его налету, внутри оказался зеленовато-синий порошок.

— Ешь это, — сказал Гулливер.

— Зачем? — ужас снова охватил Артема.

— Ешь! — приказал Гулливер. Борман тем временем достал огромный охотничий нож и любовался игрой света на лезвие. Артем понял намек, отрыл пакетик, разом высыпал его содержимое себе в рот. Смесь оказалась горьковато-соленой на вкус, обладала каким-то специфическим запахом. Так, пожалуй, могли пахнуть редкие травы где-нибудь в лесах Амазонки.

— Это был яд. Действовать он начнет примерно через три часа. Противоядие получишь, когда отдашь посылку. Само собой, времени обратиться в службу безопасности у тебя нет. Всё понял? Тогда вперед!

Гулливер дернул головой, повернулся и ушёл. Вслед за ним помещение покинули остальные. Борман, уходящий последним, выключил свет, посмотрел на Артема.

— Ты бы поторопился парень. Знаешь, сколько курьеров окочурилось, не успев донести пакет? — сказал он напоследок.

По лбу Куркова градом катился пот, убедившись, что никого нет, он упал на колени, вставил два пальца в рот, пытаясь вызвать рвоту. Однако ничего не выходило. Все ощущения притупились, время словно замедлилось. Выгтащив обслюнявленные пальцы, Артем ущипнул себя, но не почувствовал боли. Он начинал терять связь с реальность. Только взглянув на пакет, лежавший в стороне, вспомнил, что если не доставит его, вскоре умрет. Суетливо ухватив сверток, Артем вскочил на ноги, и бросился бежать, на ходу расправляя рукава. Он глянул на адрес, записанный на посылке, после принялся искать выход из подвала. Дневной свет струился из коридора, туда Артем и побежал. Вот они, полуразвалившиеся ступеньки. Курков вскарабкался по ним, выбрался из подвала, на мгновение ослеп от яркого солнечного света. Когда зрение вернулось, осмотрелся. Его приволокли на территорию заброшенных частных домов. Сложно поверить, но когда-то здесь бурлила жизнь, участки шли нарасхват, а теперь кругом запустение и развалины.

Впрочем, раздумывать над тем, отчего так приключилось, Артем не стал. Сломя голову он понесся к метро. Ехать предстояло далеко и долго.

...

Запыхавшийся Артем подбежал к подъезду, набрал на домофоне номер указанной квартиры. Никто не отвечал. Курков повторил попытку. Снова тишина. Он запаниковал. Что если над ним просто издевались? Эдакие садистские развлечения — подарить человеку надежду, а потом смотреть, как он теряет ее в том самый момент, когда почти поверил в свое спасение. Артем набрал номер квартиры в третий раз, и когда ответом послужила тишина, со всего маху стукнул по домофону.

«Я умру, я все-таки умру!», — пронеслось у него в голове. Он швырнул сверток, выскочил на тротуар, слезящимися глазами обвёл двор. Это последнее, что он увидит в своей

жизни.

— Не стоит разбрасываться посылками, — произнёс старичок, проходивший мимо. — Ты мой пакет зачем выбросил?

— Ваш пакет? — Артем поглядел на старика округлившимися от удивления глазами.

— Ну да, мой. Подай его сюда.

Курков подхватил сверток, передал его старику.

— Так-то лучше, — прищурившись, сказал старик, развернулся, начал было уходить.

— А противоядие? — спросил Курков.

Старик коротко хохотнул.

— Говорю им, не пугайте курьеров всякой ерундой, по-человечески с ними надо, да разве ж кто послушает. Они тебя наркотиками накормили. Проспись, и всё пройдёт.

— Наркотиками? — ошеломлённый Артем замер, проводил старика не верящим взглядом, после чего тяжело вздохнул и пошёл обратно, в сторону метро. Но по дороге остановился и сел на первую попавшуюся лавочку. Действие наркотика, похоже, сходило на нет. Головокружение отступало, панический ужас, то и дело охватывавший его, проходил, возвращалась способность ясно мыслить.

«Я под кайфом! — думал Артем. — Употребил запрещенные вещества и со мной ничего не произошло. При других обстоятельствах меня бы схватили, судили и, скорее всего, вышвырнули бы за пределы города. Но мне всё сошло с рук».

За ним и вправду больше никто не следит! Доселе незнакомое возбуждение охватило Артема. Ощущения всемогущества и свободы. Сам не зная почему, Курков подхватил камень, валявшийся на земле, и со всего размаха швырнул его в сторону дома. Булыжник попал точно в окно, да с такой силой, что стекло взорвалось брызгами осколков. Никто не видел Артема, поднялся шум. Курков неспешно вернулся на лавочку, стал наблюдать за происходящим. На улицу выскочило несколько человек, хозяева стали причитать, какой-то мужчина подошёл к Артему и спросил, не видел ли он, кто это сделал. В ответ Курков только пожал плечами.

Буквально через пять минут на место происшествия подъехала машина службы безопасности. Из кузова выскочило три крепких мужчины, стали разбираться. Артему тоже задали пару-тройку вопросов, отвечал он односложно.

— Записей правонарушения у нас нет, вероятно, виноваты дети — только у них в крови нет блюстителя. Поэтому помочь мы вам ничем не можем. Мне очень жаль, — сказал, по всей видимости, старший из представителей охраны.

После этого служба безопасности уехала, а жители стали причитать, мол, давно пора вводить блюстителю с рождения. И трехлетний ребенок обязан нести ответственность за свои преступления. Когда все разошлись, Артём подошёл ближе к дому, в котором разбил окно, посмотрел на осколки, лежавшие на подоконнике, валявшиеся на земле. Осязаемые доказательства его безнаказанности. Завороженный зрелищем, он не сразу услышал, как хозяйка окликнула его.

— Мужчина. Мужчина! Мужчина, глухой вы что ли?!

Артем рассеяно взглянул на неё.

— Отойдите, мне подмести нужно.

Курков кивнул, в последний раз окинул взглядом место своего преступления, развернулся и твердым шагом направился к метро. Нужно поскорее вернуться домой и как следует обдумать события сегодняшнего дня.

...

На лестничной площадке Артема встретила соседка.

— Привет, Артем, — поздоровалась она. — К тебе сегодня заходил курьер, оставил какие-то посылки, я их тебе под дверь положила.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарил ее Артем.

Поднявшись на свой этаж, он и вправду обнаружил сверток, точь-в-точь такой же, какой он передал старику. Воровато осмотревшись, Артем поднял его, вошел в квартиру, замкнулся, после чего распечатал конверт. Внутри оказался пакетик с порошком, конверт с деньгами и три сложенных листа. Первым делом Курков пересчитал деньги. Сумма раза в два превышала его месячную зарплату. Затем он рассмотрел порошок и сразу же признал в нём наркотик, которым его накормили на выселках. Наступила очередь листов. То оказались три письма. В первом, под которым стояла подпись «Гулливер», говорилось:

«Хорошо сработано! Получай первую зарплату. Так много будет не всегда, считай, компенсация за то, что тебя надули. Переезжать тебе никуда не надо, мы заинтересованы в том, чтобы ты проживал в центр. Не люблю об этом напоминать, но деятельность обязывает. Теперь тебе ни в коем случае нельзя обращаться к охране. Посылка, которую ты передал, тянет не на выселение — на тюрьму. А ты знаешь, каково в частных тюрьмах? Мы с тобой повязаны, Артем, поэтому не делай глупостей. Надеюсь, сработаемся. С наилучшими пожеланиями, Гулливер».

Второе письмо оказалось от Бормана.

«Ты не такой слабак, как мне казалось. Поэтому прислал тебе подарочек — волшебный порошок. Попробуй, не пожалеешь. Он отличается от того, который ты съел сегодня днём. Поделишься впечатлениями при следующей встрече. Борман».

Наконец, третье без подписи.

«Здравствуй. Хотелось бы встретиться с тобой и переговорить. Письмо тебя ни к чему не обязывает, но если есть желание и возможность, приходи завтра в любое время туда же, куда отнёс посылку. Думается, выслушать мои соображения тебе будет полезно».

И всё. Ни подписи, ни даже указания на пол писавшего. Артем предположил, что автором была бледная женщина, кажется, её называли Аглой.

Отложив письма в тумбочку, Артем переоделся, принялся оттирать кровь с ковра в прихожей. Оправданы ли опасения Гулливера? Стал бы Артем обращаться к охране, если бы его не предупредили о бесперспективности такого шага? Неожиданно для себя, Артем совершенно честно и без раздумий ответил на этот вопрос — нет, не стал бы. Сейчас он чувствовал себя по-настоящему свободным. Артем не понимал, во что ввязался, кто такие эти люди, со смешными именами — Гулливер, Борман, Аглая. Отныне предопределенности не осталось места в его жизни. Он знал, как спрятаться от всевидящего ока блюстителей, знал, что может поступить так, как пожелает и от этого ощущал себя абсолютно свободным. Хотелось всего и сразу — изрисовать стены граффити, ввязаться в драку, устроить пьяный дебош, попробовать что-нибудь запретное. Подумав об этом, он вспомнил о порошке, который был спрятан в посылке. Недолго думая, Артем забросил уборку, схватил пакетик, открыл его и высыпал содержимое себе в рот. Знакомый горьковато-солёный вкус, следом за ним по телу разлилась приятная расслабленность. Мысли уплывали куда-то далеко-далеко, пространство и время преломлялись, искажались, менялись законы геометрии. Телевизор, стоявший напротив, буквально в нескольких метрах, казалось, отдалился на расстояние целой вселенной. Секундная стрелка то ползла как черепаха, то мчалась, как полоумная. Мир стал ярким, пальцы рук растягивались, ладонь увеличивалась в размере, словно бы

Артем смотрел на нее сквозь увеличительно стекло. По телу бегали мурашки. Хотелось смеяться, скакать, бегать. Артем попытался встать и пройтись, но не тут-то было. Он словно бы находился в невесомости, невозможно было сделать ни шагу, пол под ногами шатался, а потолок улетел высоко-высоко вверх. Интерес ради Артем потянулся следом за ним, но рука казалась крошечным обрубок в сравнении с космической протяженностью светившей подобно желтому гиганту простой электрической люстры. Тогда Артем подпрыгнул. Пол уплыл из-под ног. Казалось, у Куркова выросли крылья, он словно бы завис в воздухе.

«Главное не глядеть под ноги, и ты не упадешь!» — пронеслось у него в голове. И в этот самый момент он посмотрел вниз и рухнул. Он не сумел устоять на ногах, неуклюже растянулся прямо на земле и захохотал, как полоумный.

— Он думал, я пойду к охране, — сквозь смех произнёс Артём. — Неужто этот дурак думает, что вырвавшийся из утробы младенец стремится вернуться назад? Нет! Только тогда человек начинает жить.

На встречу Артем отправился часам к одиннадцати. Выдался теплый осенний денёк, мусорщики старательно убирали напавшие за ночь листья, слабый ветерок разносил во все стороны приторно-сладкий запах перегноя, люди одевались непростительно легко для второй половины сентября.

Артем быстро отыскал тот самый двор, остановился у двери, на всякий случай подошёл к домофону и набрал нужный номер, после чего встал напротив подъезда, любуясь природой. Неподалеку оживленно, если не сказать ожесточенно, спорили два пенсионера.

— Дурья твоя башка! Да ты ничего не смыслишь! Давно пора сменить нумерацию домов. Раньше как, — говорил долговязый лысый дедушка с грозно надвинутыми на глаза кустистыми бровями, — слева четные — идешь в сторону возрастания, слева нечетные — идешь в сторону убывания. А должно быть наоборот.

— Глупости! Старый ты дурень! Да какой во всем этом смысл! — горячился с виду покладистый, весь круглый старичок, грозно размахивая своей тросточкой. — Вам лишь бы как на Западе. У нас свои традиции, свои правила.

— Пустоголовый пень! Да как же ты не поймешь — нам нужны реформы! Пора что-то менять, или наш город заполнят толпы мигрантов.

Проходивший мимо мужичок лет тридцати заинтересовался разговором, остановился.

— Простите, но вы оба неправы. Нечего перекладывать с больной головы на здоровую. Строители сами разберутся, как нумеровать дома. Пусть улица начинается хоть с дома под номером минус сто, а заканчивается домом плюс девяносто — это их дело. Только так удастся бороться с миграцией в среднесрочной перспективе. Помимо прочего, это поможет побороть и кумовство.

— Сопляк недоделанный! — заорал долговязый дедушка. — Толком разберись, от чего польза, а от чего вред, уже потом в разговор умных людей лезь.

После этого все трое заголосили в унисон, разобрать что-либо в их репликах не представлялось возможным. Озадаченный Артем хотел было подойти и выяснить в чём дело, когда заметил ещё одного старичка, того самого, которому вчера передал посылку.

— Здравствуй, — поприветствовал его дедушка. — Пришёл все-таки. Это хорошо.

— Так вы мне писали?

— Я, я, — подтвердил дедушка. — Ты к ним не суйся, сами разберутся, — сказал он, кивнув в сторону споривших.

— Они же друг друга поубивают.

— Каждый год перед выборами такое творится.

— Перед выборами?

— Ну да, сегодня же выборы в муниципалитет. Три или четыре кандидата выдвигаются. Новую теорию предложили борьбы с миграцией. Мол, если перенумеровать дома, к нам в город станут меньше перебираться на постоянное место жительства. В прошлый раз предлагали бороться с голодом в Африке запретом завозить туда еду. А ты про выборы, видать, не слышал?

Артем отрицательно покачал головой.

— А организаторы хвалились, обещали рекордную явку в два процента.

— Честно говоря, я и не знал, что у нас вообще какие-то выборы проводятся.

— А почти никто и не знает. Это больше ритуальное действие, этакая дань традициям прошлого. Они пользовались популярностью ещё в государственный период. Тогда людям предлагали поставить галочку на бумажке напротив чьего-то имени, потом эти бумажки выкидывали, а их сменяли другими, с галочками напротив нужной фамилии. В развитых странах действовали хитрее — на словах предлагали выбрать между двумя разными фамилиями, а на деле от этих фамилий ничего не зависело. Зато создавалась видимость легитимности. Когда государства прекратили свое существование, и земля перешла в частную собственность, необходимость создавать эту видимость пропала, но традиция проводить выборы осталась. Говорят, нынешние представители муниципалитета даже не совсем свадебные генералы — собственник прислушивается к их советам.

— А в чем же тогда суть выборов? Если всё равно назначают кого нужно?

— А вот в этом, — дедушка кивнул в сторону споривших. — Видишь, как они горячатся. Эмоции ведь неподдельные. Могут так целый день поливать друг друга грязью. Вот тот вот, — он указал на долговязого, — социал-демократ, второй, — дедушка ткнул указательным пальцем в сторону круглого, — национал-консерватор, а молодой, наверное, либерал. Молодые они, нынче, все либералы.

— Либерал? — удивился Артем. Он ни слова не понял из того, что сказал старик.

— Да, либерал. Как бы тебе объяснить. Ну, представь, к примеру, что люди неожиданно разделились на три категории: одни едят пирожки повернув их боком, другие положив плашмя, а третьи поперек. Хотя первый и третий способы довольно неудобны, по сути ничего плохого нет в том, что кто-то предпочитает есть пирожок так, а кто-то иначе. А вот если все эти три категории возненавидят друг друга, каждый будет кричать, мол, вы едите неправильно, надо так, а не иначе, и вообще, вы вруны и дегенераты — тогда мы и получим политические течения. Смотри на них внимательно. Их озлобленность не показушная, а в основе логики каждого лежит элементарный принцип: если это говорит мой идеологический противник, то это ложь, глупость и пособничество государству. К примеру, стоит только сказать консерватору «земля круглая», как тут же прибежит либерал и начнет спорить, придирается и ехидничать. А следом за ним подоспеет и социал-демократ, высказать третью, обязательно отличную от первых двух точку зрения. До исступления будут поливать друг помоями, когда выговорятся, разойдутся. Каждый из них свято убежден в существование заговоров, которые плетут другие двое. Да и вообще люди, подобные им, склонны объяснять всё заговорами власть имущих. Им кажется, что если у кошки родились котята, то это обязательно кому-то выгодно.

— Неужели есть люди, которым это интересно?

— А то, целым двум процентам населения, если верить обещаниям агитаторов в этом году. Политикой, правда, в основном старики и молодежь интересуются, остальным до неё дела нет, проценты по кредитам нужно платить. Если хочешь, можем сходить на избирательный участок, познакомишься с кандидатами.

Артем ещё раз посмотрел в сторону споривших. Круглый старичок с костылем, раскраснелся, зыркал по сторонам, грозился кулаком, долговязый размахивал руками, обещал поколотить своих оппонентов, третий, тот, что помоложе, ругался отборными матами и всячески высмеивал почтенный возраст двух других.

— Да не особо хочется, — признался Артем.

— Ну и правильно, — согласился старик. — Я бы и сам не пошёл. Чем тратить время, поговорим о деле. Где же мои манеры, — спохватился старичок. — Андрей Антонович

Антонов. По отчеству необязательно. Пошли, погуляем по окрестностям, Артем.

— Пойдемте, — согласился Курков.

Они некоторое время шли молча, старик отстраненно поглядывал по сторонам. Заметив школьника, он грустно улыбнулся.

— Знаешь, в бытность мою молодым можно было застать осенние костры. Люди сгребали листья в огромную кучу и поджигали их. Дыму было — не продохнешь. Старики ворчали, а нам, молодежи, нравилось. То и дело подкидывали листву и веток в костер, кружились поблизости, убегали от дыма. Самые отчаянные прыгали прямо через пылавшие кучи, — старичок мечтательно вздохнул, словно бы на мгновение вернулся в те так много значившие для него времена. — Мой дед тогда был жив. Ты не представляешь, насколько он казался мне дряхлым, даже государства застал. Генная инженерия тогда находилась в зачатке, старели люди быстрее. Это сейчас и в восемьдесят можно выглядеть на сорок, а дед мой уже в шестьдесят пять хуже меня теперешнего выглядел, — старик снова вздохнул, на этот раз тяжело. — Сейчас про государство принято говорить только плохое, но дед отчего-то скучал по тем временам, часто вспоминал о них с ностальгией. Наверное, по той же причин, по которой я теперь вспоминаю о своем детстве. Если хочешь знать моё мнение, золотым временем был период становления анархо-капитализма. Земля стоила дешевле, чем сейчас, позволить ее приобрести мог любой предприниматель средней руки. Даже теперь наверняка где-то в Центральной части Русской равнины остались участки, на которых живут потомки неудачно вложивших деньги капиталистов. Такие крупные центры, как наш город, не играли тогда ключевой роли. Капитал, если хочешь, был децентрализован, мобилен, очень быстро перетекал. Да и службы безопасности подчинялись муниципалитету, а не частникам. Но главное — блюстителей ещё не изобрели. Ты не представляешь, каково это — в середине жизни позволить забраться в голову черт знает кому и приглядывать за мной, словно бы я ребёнок. Сам факт этого пугает. Да, пока их ввели не во всех городах, да и позволить это сомнительное удовольствие могут только преуспевающие поселения, но я убежден, что массовое распространение блюстителей является вопросом времени. А какими стали люди после их введения? Холодные, расчетливые, смотрят на других свысока, всё делают по закону. Но одним-то законом не обойдешься, даже в самой формальной системе, которой, по сути, является система юридическая, должно оставаться место человечности, — дедушка вздохнул в третий раз. — Ну да не буду надоедать своим старческим бурчанием. Не для того я тебе пригласил. Тебя Артемом зовут, правильно?

Курков кивнул.

— Внука моего так зовут, — старик остановился, повернулся к Артему, посмотрел прямо ему в глаза. — Ты понимаешь, с кем связался? Догадываешься, чем занимаются люди, на которых ты теперь работаешь?

— Подозреваю, они наркоторговцы.

— Ты ведь в курсе, что с тобой будет, если попадешься?

Артем снова кивнул.

— Не веришь, что тебя поймают?

Артем пожал плечами. В ответ старик хмыкнул.

— Знавал я одного шустрого паренька, когда-то работал с ними. Быстро разбогател, а ума не набрался. Деньги вскружили ему головы, он связался с детишками богатеев, начал хулиганить. Разве не забавно — попался не на наркотиках, а на мелких кражах. На спор таскал продукты из магазина. Хорошо, не всплыли подробности его жизни, каким-то

образом он сумел скрыть, что пускал себе кровь, поэтому выслали. А так тюрьма, почитай рабство. Иной раз получишь даже небольшой срок — живым не вернешься. Так затаскают на карьере, ногами шевелить не сможешь. Я вот всегда думаю, почему он делал это? Зачем воровал, когда в деньгах не нуждался?

— Клептомания, — предположил Артем.

— Какими все грамотными стали. Клептомания! Не думаю. Мне кажется, всё глубже. Внутренняя потребность стать самостоятельным, пусть даже так. Желание освободиться от извечного контроля любой ценой. Разбил витрину, стащил мелочь, напал на прохожего — неважно в какой форме выражается протест, но по сути это детское, неосознанное желание заявить о себе, как о личности, свободном индивиде. Сейчас тебе сложно понять, ты недостаточно долго живешь без надзора. Я же прожил так большую часть жизни. Когда блюстителей стали внедрять, мне было около пятидесяти. Дед рассказывал, что за его жизнь технологии совершили безумный скачок. Он родился, когда о беспроводных телефонах никто не слышал, а дожил до сверхзвуковых поездов, летающих автомобилей, фотонных ракет, колонизации планет земной группы. За его недолгую по нашим меркам жизнь люди трижды меняли свое представление о Вселенной и законах природы. А какие перемены увидел я, увидел ты? Генная инженерия совершенствовала свои методы, электростанции становились доходнее и экономичнее, развивались методы извлечения энергии из возобновляемых источников, расход ракетного топлива уменьшился, урожайность несколько возросла. Это всё замечательно, но ведь в умах людей ничего не переменилось. Фундамент, на который опиралась наша наука, остался прежним, потрескавшимся и изношенным, но пока ещё надежным. За прошедшее столетие безгосударственного периода мы не увидели ничего принципиально нового. А что в области общественной жизни? Нам обещали свободу, нам обещали честную конкуренцию, а в итоге? Налогов нет, это да, но подняться с самого низа без невероятного везения невозможно. Собственники земли в прибыльных районах не торопятся её продавать, устанавливают свои законы на принадлежащей им территории, а мы обязаны с ними мириться. И на всё готов ответ — не устраивают условия, на которых я предоставляю вам право пользоваться землей, уезжайте. Каково?

— Но они же правы, — Артем не разделял возмущения старика. — Разве человек не может распорядиться принадлежащим ему имуществом так, как сочтёт нужным? Я сомневаюсь, что вам понравится, если кто-то вдруг решит воспользоваться вашим пальто на условиях, которые сам и придумает.

— Тебе промыли мозги, потому ты не понимаешь главного. Высокомерие рода людского позволяет нам навешивать ярлыки на вещи и предметы — это моё, а это не моё. Только вот ярлыки ничего не значат. Когда собственник умирает, его хоронят в ой самой земле, которую он называл своей. Так не правильнее сказать, что мы принадлежим земле, а не она нам? И как только признаем эту банальность, становится ясно, что устанавливать единоличное владение участками нельзя. Земля должна быть собственностью народа!

— Земля принадлежала народу в государственный период, это выливалось в бесконечные войны и убийства. Объясните мне, какое право государство имеет легально грабить собственников, национализируя принадлежащие им участки? Объясните мне, какое право государство имеет указывать, по какой цене реализовывать товар? Объясните, зачем вообще нужно государство, на протяжении своего существования угнетавшее и давившее личность? Коллективизм, как форма организации людей, изжил себе. Общеизвестно, что историю творит индивид, опираясь на главный принцип — извлечение максимальной

выгоды из сделки, — в своё время Артем был первым учеником и ярким антигосударственником, потому ему не составило труда протарабанить гневную тираду в защиту частной собственности.

Андрей Антонович, казалось, не слушал его, а думал о чём-то своём.

— Меня всегда, — сказал он, — поражала способность лоббистов убедить человека в своей правоте одними лишь словами, без привлечения каких бы то ни было доказательств собственной правоты. Поистине чудесно, когда многократно повторяя заученные фразы, человек начинает верить в них. Сколько раз за свою жизнь мне приходилось в начале каждого пространного и, прямо скажем, сомнительного рассуждения, слышать обязательные присказки «многочисленные исследования показали», «всем известно», «очевидно, что». Зачастую фраза голословна, но силы своей не теряет. А если и подкреплена какими-то авторитетными исследованиями, всё равно не является истиной, поскольку авторитеты толком не понимали, что исследуют. Любое вранье можно выдать за правду, если говорить убедительно, повторяя как мантру слово «общепризнанно», любое исследование можно возвести в ранг авторитетных, если рассказывать о нём на каждом шагу — всё равно никто толком разбираться не станет.

— Вы заблуждаетесь, — возразил Артем. — Доказательств созидательной силы индивида, и разрушительной силы, которую собой представляет общество, море. Вспомните имена великих ученых, изобретателей, художников, поэтов, предпринимателей. В одиночку они творили то, что не под силу большинству. Посредственности, окружавшие их, неспособны были понять гениальности ближних, чинили им всяческие преграды. Общество стремится к стандартизации, вгоняет гения в рамки бюргера, калечит личность. Общество порождает войны и голод. Капиталисты, проявляя невиданную щедрость и человеколюбие, организовывали и продолжают организовывать благотворительные фонды, за что общество проклинает их и ненавидит. Не правда ли, достойная плата за добро? Знаете, почему так происходит? Из зависти, вечно движущей атомом общества — мелким посредственным человечешкой, не способным признаться себе в том, что он уступает индивиду, слабаком, предпочитающим прятаться за коллектив, ничтожеством, в глубине души желающим стать капиталистом. Только в отличие от индивидов-филантропов, представитель общества, разбогатея он каким-то чудом, не стал бы делиться своими средствами, а, подобно крысе, зарылся в норе и прятал бы деньги ото всех. Я жил на выселках и видел, во что превращает общество людей. Там все бранят капиталистов, ненавидят собственников, проклинают владельца нашей земли, который, по большому счету, имеет право разогнать их к чертям собачьим. Поверьте, на место каждого из этих общественников-революционеров найдется тысячи тех, кто оценит даже такое жильё, как выселки. Есть места куда хуже.

— Великолепно! — сказал Андрей Антонович. — Расскажи ещё что-нибудь.

— А этого вам мало? — разгорячился Артём. — Системой пособий и социальных выплат государство пыталось поддерживать слабейших, на деле принося им вред и усиливая напряженность в обществе, мешая людям развиваться и становиться лучше. Сама дикая природа кричит нам об абсурдности вмешательства в процесс эволюции общества. Общеизвестен закон жизни — выживает сильнейший, приспособленный, готовый к противостоянию. Внутривидовая борьба — самый жестокий из видов конкуренции. В первую очередь люди борются за существование друг с другом, но из-за слабости подавляющего большинства индивидов, они вынуждены прятаться за коллективом. И тогда борьба переходит на новый уровень — сильный и свободный индивид против уродливого,

тоталитарного общества. Сама логика исторического развития доказала, что индивид превосходит общество. Мы одиночки, которые должны жить исходя из законов природы, а не идеализируя действительность.

— А закон природы гласит... — Андрей Антонович вопросительно посмотрел на Артема.

— Каждый сам за себя. Индивид — эгоист, и им движут эгоистические мотивы. Жить ради себя — вот основной принцип, которому подчинено всё вокруг. Либо ты, либо я, третьего не дано.

— Как же тогда зародилось общество?

— Неужели вы такой дремучий?! — резко воскликнул Артем. — Борьба всех против всех, как это не парадоксально, ведёт к примирению, поиску компромиссного решения и, в конечном счете, улучшению качества жизни большинства людей. Поэтому общество зародилось тогда, когда человек вместо войны всех против всех провозгласил социальный договор, предпочёл сожительство вражде, которая с того самого момента перешла на иной уровень — соперничество в экономической сфере, борьба за ресурсы внутри сообщества, которые получает самый умный и способный. А такие люди имеют полное право владеть землёй и распоряжаться ей по своему усмотрению. Главное не нарушать основные принципы общественного договора.

— Неподалеку располагается корпус местного университета. Не хочешь прогуляться туда?

Артем пожал плечами. Он никуда не торопился и совсем позабыл, ради чего пришел на встречу. Беседа с Андреем Антоновичем доставляла ему удовольствие, приятно было ощущать себя умнее такого взрослого и умудрённого опытом человека.

— В пору моей молодости анархо-капиталистическое учение не считалось общепризнанным, — сказал старик. — Много спорили о других формах безгосударственного обустройства. Анархо-синдикализм, анархо-коммунизм.

— Глупости, — безапелляционно заявил Артем. — Все они ставят общее благо выше блага индивида, а это неверно. Забрать и поделить, говорят коммунисты. А потом община будет указывать тебе, как жить. Уж нет, индивид сам определяет правила, которыми руководствуется.

— Хочешь сказать, индивид имеет право причинять вред другим, если сочтет это нужным?

— Конечно же, нет, — Артем энергично замотал головой. — Действия индивида не должны нарушать свобод других индивидов. Я же только что говорил вам об общественном договоре.

— Выходит, ограничения есть?

— А вы в этом сомневались? Как и всякое серьезное философское течение, анархо-капитализм строит свою этическую систему, свободную от предрассудков и провозглашающую в основе всего разумные и необходимые принципы сосуществования множества индивидов.

В этот момент Артем и Андрей Антонович подошли к зданию университета. Многоэтажное красивое строение отчего-то выглядело мрачновато. Причиной тому служили то ли чрезмерная угловатость, то ли строгость стиля. Правда молодежь, толпившаяся вокруг, развеивала грозность, исходившую от здания. Молодые люди оживленно беседовали, спорили, хохотали, обменивались шуточными ударами, парни обнимались с девушками.

Артем был лишен всего этого. Экзамены он завалил, а родители не могли потянуть доплату, которая полагалась за низкие выпускные оценки. Теперь, глядя вокруг себя, Курков сожалел об этом. Хотелось бы окунуться в жизнь студента, узнать, каково после затянувшейся допоздна вечеринки идти на пары, флиртовать с кучей девушек, участвовать в самодеятельности, быть втянутым в веселую университетскую канитель.

— Один мой знакомый, — между тем заговорил Андрей Антонович. — Работает здесь профессором. — Предлагаю послушать его лекцию, она как раз касается темы нашего разговора.

— Не возражаю, — сказал Артем, невольно начавший улыбаться.

Посещение лекций было платным. Андрей Антонович любезно внёс взнос и за себя, и за Артема, в специальном аппарате они получили пластиковую карточку на однократное посещение лекции профессора Абдулахмедова, поднялись на указанный этаж, быстро отыскивали нужную аудиторию и, приложив карточку на входе, вошли внутрь. Аудитория оказалась просторным помещением, большую часть которого занимали парты, стройными рядами расположившиеся напротив входа. Несмотря на то, что мест было много, помещение оказалось забито до отказа.

— Какой популярный лектор, — пробормотал Артем.

Они с Андреем Антоновичем с трудом устроились с краю парты на втором ряду с конца.

— Дело не только в популярности, — отметил Андрей Антонович, когда они устроились. — Посещение влияет на среднюю оценку. Магомед — человек гордый, считает, что его курс посещать обязаны все, к прогулам относится раздражительно.

— А, — протянул Артем.

Спустя пару минут внутрь вошел низкий седой кучерявый согбенный смуглый мужчина, заговорил с сильным южным акцентом.

— Сегодняшняя тема «Роль политической воли в государственный и современный периоды».

Отхлебнув немного воды из пластиковой бутылки, стоявшей на столе перед ним, профессор начал рассказывать:

— На прошлой лекции мы говорили о том, почему процесс отмирания государства стал необратимым — бюрократический аппарат громоздкой политической машины перестал выполнять необходимые функции, а именно: эффективное перераспределение ресурсов между гражданами государства, содержание его сделалось не только убыточным, но и преступным — коррупция перебралась в высшие слои бюрократов и достигла астрономических масштабов. Сегодня мы поговорим о том, почему история развилась по этому пути. Интересовать нас будет политическая воля элиты и народа как периода отмирания, так и современности, сопоставление способов её выражения в прошлом и настоящем.

Закончив вводную часть, профессор поднялся на кафедру, повысил голос так, что его стало отчетливо слышно по всей аудитории.

— Для начала определим понятие политической воли. Кто-нибудь мне подскажет? Пожалуйста, — он кивнул студентке с первого ряда, поднявшей руку.

— Способность субъектов осуществлять деятельность, направленную на достижение и воплощение в жизнь политических целей, поставленных перед собой социальной группой, к которой они принадлежат, — протараторила она.

Профессор кивнул, продолжи:

— В качестве примера для размышления рассмотрим несколько ситуаций. Первая — с девятнадцатого по двадцать первый век женщины активно боролись за свои права. При этом большая часть политических требований, как то реализация избирательного права, право занимать определенные должности, право принимать активное участие в жизни общества, были удовлетворены еще в первой половине двадцатого века. Однако политической воли, выразившейся в закреплении права в нормативных документах, части женщин оказалось недостаточно. Они потребовали усилить нажим на патриархальное общество, что, в конечном счете, вылилось в стремление обеспечить равные доли мужчин и женщин в прибыльных отраслях, свести разницу до нуля в среднем доходе мужчин и женщин, — до того оживлённо жестикулировавший профессор уперся руками в стол перед ним, пристально посмотрел на аудиторию. — Этот пример красочно характеризует, что в конечном итоге у политической воли, в чем бы она ни выражалась, всегда есть выгодоприобретатели, вне зависимости от того, приносит она пользу обществу в целом или нет. Как думаете, когда заявленные цели были достигнуты в двадцать первом веке, активистки удовлетворились? Разумеется, нет. Стали приводиться доводы в пользу того, что ничего плохого в ущемлении прав мужчин нет, ведь до того женщины притеснялись веками. По этой причине предлагалось вне зависимости от степени компетенции назначать на высокопоставленные должности женщин, дабы компенсировать вред, нанесенный им в далеком прошлом мужчинами. Таким образом, — профессор снова окинул аудиторию взглядом, — приходим к выводу, что выгодоприобретатели никогда не остановятся на достигнутом, будут продолжать проявлять политическую волю для завоевания новых и новых привилегий. Здесь уместно будет вспомнить, как удалось прекратить борьбу за женские права, которая, на тот момент, стала борьбой за эксплуатацию мужчин. Один из политиков обратил внимание на тот факт, что подавляющее большинство заключенных тюрем — мужчины. «Если мы хотим равенства, то должны добиваться его во всем!» — произнёс он фразу, ставшую крылатой. Как только первые поправки, ужесточившие уголовное законодательство в отношении женщин, были приняты, активность радикализованной группы феминисток резко снизилась. Таким образом, третий вывод — пока политической воле не будет противопоставлена другая, процесс изменения общества в одном направлении будет продолжаться и углубляться даже с утратой целесообразности этих перемен.

Профессор сделал паузу, окинул аудиторию взглядом.

— Вывод — никогда нельзя подменять и радикализировать цели, которые преследует политическая воля, потому как, утратив содержание, она превратится в способ нерационального и ничем не оправданного перераспределения ресурсов от одной группы населения к другой. Подчеркиваю — под ресурсами следует понимать не только материальные блага, но и явления, связанные исключительно с человеческой природой вроде власти, влияния. Сам процесс такого перераспределения называется положительной дискриминацией. Первоначально он может играть положительную роль, но продлеваемый и расширяемый, превращается в орудие эксплуатации одной из социальных групп.

Далее профессор приводил множество примеров положительной дискриминации из истории. Упомянул национальную политику чудовищного государства СССР, заключающуюся в перераспределении благ от национального большинства, представленного русскими, национальным меньшинства, что вылилось в итоге в развитие политической воли меньшинств в виде права на самоопределение и гибели государственного монстра,

аналогичный пример из не менее страшного и преступного образования под названием США, где перераспределение шло по расовым соображениям, коснулся и чуть менее чудовищного образования под названием Индии, где процесс дискриминации отличался тем, что был направлен не на расово-национальные, а на социальные группы — перераспределение осуществлялось в пользу так называемой касты неприкасаемых. Рассказал и о косвенной политической дискриминации: ситуации, когда меньшинство — элиты — обеспечивали свою неприкосновенность и привилегированное положение путем принятия законодательства, вводившего уголовное наказание сначала за оскорбление, а после и за критику данного меньшинства.

— Что мы наблюдаем сегодня, — профессор, наконец, перешёл к современности. — Политическая воля собственников была выражена однозначно сто двадцать семь лет назад — государство утратило своё значение, перераспределение ресурсов бюрократами приняло грабительский характер, блага просто оседали в кабинетах чиновников, а правительственный аппарат превратился в грабителей. Все предпосылки для уничтожения государства на лицо — бесплатные услуги уступают по качеству платным, степень автоматизации производства позволит капиталистам резко снизить цены на блага, если последует отказ от налогов, рынок является наиболее эффективным способом распределения благ, филантропы окажут неимущим лучшую поддержку, нежели государство. Воля поддерживается большинством населения ведущих стран, в итоге начинается процесс глобальной приватизации, по итогам которого государство умирает. Был ли оправдан этот процесс? Бесспорно — доводы о низкой эффективности государства были обоснованы и подкреплены цифрами. Но имелись ли объективные предпосылки для его углубления? Напомню, в первые двадцать лет после отмирания государства существовали выборные институты, регламентировавшие деятельность капиталистов, ограничивающие их права, регулировавшие международную и внутриобластную торговлю. Однако собственники выступили против существования подобных институтов, обвиняя их в государственных методах вмешательства в экономику. Таким образом, была выражена политическая воля доминирующего класса, вылившаяся в резкий рост разницы благосостояния разных регионов, фактически колониалистическую политику отдельных собственников. Более того, зафиксирована масса случаев нарушения прав личности, считающихся неотчуждаемыми. Поэтому ответ на последний вопрос не так очевиден, как хотелось бы сторонникам абсолютно свободного рынка. Что касается меня, я не вижу принципиальной разницы между общественно-экономическими формациями, осуществившимися в истории: что при рабовладении, что при феодализме, что при капитализме, что при государственном капитализме организованное меньшинство перераспределяет блага от дезорганизованного большинства в свою пользу, меняются только названия групп донора и реципиента. На следующей лекции поговорим о возможных путях эволюции современного общества.

Студенты встали, начали расходиться. Их примеру последовали и Артем с Андреем Антоновичем.

— Что думаешь по этому поводу? — спросил Андрей Антонович, когда они вышли из университета.

Артем пожал плечами.

— Слова реакционера-государственника. Не удивлюсь, если он, простите за выражение, еще и коммунизм не осуждает. Уж не знаю, зачем вы привели меня на эту лекцию.

— Неужели ты действительно не замечаешь того, что творится вокруг тебя?

— Замечаю, однако, понимаю, что альтернатива — это рабство.

Андрей Антонович вздохнул. Некоторое время они шли молча, после чего старик снова заговорил:

— Давай на чистоту?

— Давайте.

— Догадываешься, зачем я тебя пригласил?

— До сих пор понять не могу, — честно признался Артем.

— Ты проверил уровень блюстителей у себя в крови?

— Нет. А как это делается?

— Понятно. Они рассчитывали, что я дам тебе устройство. Пойдём в сторонку.

Старик отвёл Артема во дворы, отыскал тихий скверик. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что вокруг ни души, Андрей Антонович вынул из кармана серебристый цилиндрический предмет, упакованный в прозрачном пакете.

— Протяни руку, — скомандовал Андрей Антонович. Когда Артем подчинился, старик вскрыл пакет, достал из него предмет, приставил основание цилиндра к ладони Куркова. В следующее мгновение Артем ощутил, как сильный электрический разряд прошел через его руку. Курков дернулся, подался назад.

— Что вы творите?

Андрей Антонович не слушал его, посмотрел на индикатор цилиндра, располагавшийся сбоку.

— Уже три десятых, — произнёс он, после чего посмотрел на Артема. — Смотри, сегодня вечером, максимум завтра утром связь с сервером-приемником восстановится.

— Они восстанавливаются так быстро?

— Обычно, одной процедуры кровопускания хватает на восемь-десять часов. Ты и так долго продержался, грех жаловаться. Приборчик возьми, он тебе пригодится. Пользоваться просто, этот конец прикладываешь к участку кожи, а на другом конце, вот здесь, есть кнопка, жмешь на нее, получаешь электрический разряд, после чего определяется уровень содержания блюстителей в крови, — объяснив это, Андрей Антонович передал цилиндр Артему. — Прибор полуправильный, поэтому поосторожнее с ним.

— Присаживайся, и поговорим о деле, — сказал он. После того, как они устроились на лавочке, Андрей Антонович продолжил. — Как ты, должно быть, понял, я не являюсь ярым сторонником нынешнего общественного режима. Когда-то давно, будучи таким же молодым, как и ты, я с большим энтузиазмом наблюдал за эволюцией общества, как и ты верил в созидательную силу анархии и капитализма. Вера моя казалась мне основанной на научных фактах, я был убежден, что существующий строй негоден только бездельникам и глупцам. Так было поначалу. Потом собственники стали каждый по-своему, диктовать условия проживания на их земле. Как и ты, я убеждал себя — это правильно. Не позволит же хозяин, думал я, расхаживать в обуви у себя дома гостям, если этого не хочет. Так и собственник имеет полное право распоряжаться своей землей по своему усмотрению и устанавливать те правила и ограничения, которые устраивают лично его. А потом появились блюстители. Это стало последней каплей. Иллюзии разрушились, я стал видеть то, чего раньше по какой-то загадочной причине не замечал. Как бы тебе объяснить... Вспомни, что ты чувствовал, когда тебя уволили?

Артем замялся.

— Откуда вы зна...

— Я знаю, больше, чем тебе кажется. Наверняка, злость, раздражение, может даже ярость. Наверное, желание убить начальство. А вместе с тем страх и жалость к себе. Ты лентяй, который напрасно ест свой хлеб?

— Понимаю, к чему вы клоните. Но идеальной системы никогда не удастся построить...

— Хорошо учился, наверняка мечтал о жизни преуспевающего бизнесмена где-нибудь на западе. Думал, у тебя всё получится. Но провалил экзамены, и шансов не осталось. Вдумайся — один-единственный день преопределил твою жизнь. Уж не знаю, почему ты их завалил. Переволновался, может, переоценил себя. Причины могут быть разными. Не будь у твоих родителей деньги, ты бы всё равно мог поступить. А теперь ответь на вопрос, какой же день перечеркнул твоё грандиозное будущее, отчего ты вынужден был ютиться на выселках, вместо того, чтобы разгуливать по бульварам полисов Запада?

— День сдачи выпускных, — потупив взор, ответил Артем.

— Нет, день твоего рождения! Посчастливилось бы тебе появиться на свет в семье, скажем, крупного собственника, тебе не пришлось бы сдавать никаких экзаменов и руководствоваться какими-либо нормативами при поступлении. По одному лишь праву рождения ты оказывался выше всех остальных. Даже аристократы не могли мечтать о таких привилегиях! Над ними всегда нависала фигура короля. Над сегодняшним собственником не властен никто, на своей земле он царь и бог. Считаешь это справедливым? О каком равноправии может идти речь, когда хозяина земли осудить невозможно? Вспомни, с кем заключает договор охранная компания. Правильно, с собственником. Он им платит — и полицейским, и судьям. Так станут ли они обвинять своего непосредственного начальника? Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, какая власть сосредоточена в руках одного человека? Рабовладельческий строй, тоталитарные и авторитарные режимы прошлого несравнимы со степенью подавления личности человека в нашем счастливом сегодня! Нам гарантируют права, но без подкрепления этих прав экономической базой они ничего не стоят. Не устраивают мои условия — съезжайте, говорят нам собственники. А имеют ли они на это право, могут ли они распоряжаться землей? Я понимаю, ты можешь начать апеллировать к юридической стороне вопроса, неотъемлемому праву на собственность и так далее, но станет ли руководствоваться этими правами собственник, когда решит поставить новое, несравненно более жесткое правило проживания на его земле?

— Все обстоит совсем не так. Если собственник начнет необоснованно ужесточать правила, люди будут съезжать. Закон рынка исключит неэффективных предпринимателей, это общеизвестно.

— А кто сказал, что собственник, ужесточающий правила, неэффективен? Он может сдавать квартиры по низкой цене, и цена эта будет тем ниже, чем большую территорию охватит его ненасытное право на собственность. А с порядками, которые он устанавливает, мириться придётся тем, кому не хватает средств снимать квартиры у других частных, назначающих цену выше.

— И что же вы предлагаете?

Антон Андреевич ещё раз огляделся по сторонам, снова посмотрел на Артема.

— Я считаю, пришло время начать революционную борьбу, пока нас не лишили права и на это. Борьба за настоящую анархию, а не анархию для богатых, дать возможность жить не только богачам, но и таким, как ты, лишившимся работы не по собственной вине, а из-за выгод, которые выискивал капиталист. База для борьбы подготавливается, и я буду рад

принять любую помощь. Нам нужна свежая кровь. Поэтому я предлагаю и тебе вступить в наши ряды.

— В чьи ваши?

— Борцов за настоящую свободу.

— Только вчера один мой знакомый сказал: «Самые жуткие преступления творятся под лозунгом борьбы за свободу», — перефразировал слова Павла Григорьевича Артем.

Андрей Антонович криво улыбнулся.

— Как понимаю, тебя устраивает мир, в котором ты живешь?

— Лучшее из того, что мы могли бы иметь, — честно признался Артем. — К тому же, я не склонен считать наркоторговцев идеальными кандидатами для реализации утопических мечтаний.

Я делаю это для благого дела, деньги мне нужны не для себя! — вспыхнул старик, но потом взял себя в руки и добавил,

— Если передумаешь, найдешь меня там же. Ты продолжишь работать на Гулливера и его людей?

— У меня не остается выбора, — ответил Артем.

— Не пускай себе кровь часто, до добра это не доведет. Желаю тебе удачи. И не забывай следить за уровнем блюстителей в крови.

Андрей Антонович встал с лавки, кивнул и удалился, оставив Артема одного. Тот размышлял о подпольной организации борцов за свободу. Разве мог он предположить, что за фасадом повседневной жизни кто-то ещё рассчитывает совершить революцию, кардинально изменить жизнь общества? Нет, такая возможность никогда не приходила ему в голову. А догадывался ли он, что торговля наркотиками ведётся по всему городу? Мог ли предположить, что сам станет курьером, разносящим запрещенные вещества? Жизнь полна неожиданностей, иногда приятных, иногда не очень.

Домой он решил не возвращаться, гулял по городу, заскочил в пару магазинов, затем в ресторан, где познакомился с симпатичной брюнеткой. Между ними завязался разговор и очень скоро Артем уже поднимался с ней к себе на этаж. То ли дело было в раскрепощенности, которую он ощущал после избавления от блюстителя, то ли еще в чем-то, он оказался на высоте и его подруга испытала несколько оргазмов, сам он в полной мере наслаждался процессом. Уходя, она пообещала позвонить, и только когда за ней закрылась дверь, Артем понял, что так и не узнал её имени. А ещё понял, что ему всё равно. Он проспал до полудня, снова отправился на прогулку. Там познакомился с другой, и события предыдущего дня повторились.

Примерно через две недели он получил письмо следующего содержания:

«Нужны услуги курьера. Завтра, на прежнем месте, в девять. Проверь кровь. Г».

«Как раз вовремя», — подумал Артем. За время беспечных гулянок его кошелек изрядно прохудился.

Слышал же, — Игорь Олейников быстро строчил пальцами какое-то сообщение начальнику охраны. — Дело Гончарова закрыли. Деньги так и не отсудили.

— Это тот, который украл девять миллионов, перевел на счёт сына и пулю себе в лоб пустил? — уточнил Вадим.

— Там сложнее: он давно дела водил с окровителями, вены себе регулярно резал. Когда перевод денег осуществлял, сигнал совсем слабый был. Доказать его причастность не получалось, готовились к допросу на когнитивном детекторе...

— Что еще за детектор?

— Ну, тот, который якобы восстанавливает воспоминания и позволяет читать мысли. Я во всю эту хрень не верю, но Гончаров перепугался, — Игорь оттопырил указательный и средний пальцы, мизинец и безымянный согнул, а большой отставил в сторону, изобразив пистолет. Приставив «дуло» к виску, шевельнул большим пальцем, имитирую движение курка. — В общем, пустил себе пулю в лоб, никаким детектором не прочитаешь. Деньжатки семье достались. Будут теперь до конца жизни на проценты существовать, еще и внукам останется. Хотел бы я, чтобы мой батяка таким же отчаянным был, — сказал Игорь и загоготал. — Оно б не копался в базах данных — знай себе, разъезжай по границам да шампанское пей.

— Странный этот Гончаров, — заметил Вадим. — Смысл пускать себе пулю?

— Говорю же, не сделай он этого, деньги бы отобрали. Если не детектором, то на допросах бы раскололся. Девять миллиардов, ты такое количество нулей представить можешь? На такую сумму не одну — десять жизней прожить можно.

— Так ему-то всё равно не достанутся.

— Зато семью обеспечил. Да ты ж у нас холостяк, от того не поймёшь. Мужик родных содержать должен. Если он настоящий мужик, конечно.

— О, да брось ты этот постиндустриальный бред нести. Ты типичнейший сексист. Сегодня женщина зарабатывает не меньше, а то и больше, чем мужик, но себе в голову представительницы прекрасного пола стрелять не торопятся.

— Ай, да что я тебе объяснять буду! Как семью заведешь, поймешь.

— А я, может, на содержании супруги буду, — хохотнул Вадим. — Ребенка нынче выносить любой может, так чего мне стыдиться?

— Ты это сейчас всерьез? Без шуток? — он всполошился, отвёл свой взгляд от монитора. — Потому как смешного в этом нет ничего. Нас чувства собственного достоинства лишают, а ты так спокойно к этому относишься? Посмотри телевизор — черт его разберёт, мужик на экране или баба. Рядятся, как черти, манерничают, как пидорасы, да ещё жизни нас учат. Я тебе вот что скажу, Вадик. Ты молодой ещё, не шибко сообразительный, но на эти разговоры про равенство полов не ведись. Не дело это, когда мужику в пузо эмбрион запихивают. Баба должна быть бабой, а мужик должен быть мужиком. Задумывался когда-нибудь, почему деньги бабками называют? Ты поразмысли над семантикой слова, может, дойдёт.

— Так почему? — Вадима забавляло, когда Игорь горячился по всяким пустякам. Поэтому обыкновенно он подливал масла в огонь и наблюдал за реакцией Олейникова.

— Потому что бабки от слова бабы. Мужик он как определяется — через секс. Раньше,

пока еще не было этой, как ее, моногамии, когда мы, — Игорь постучал себя ладошкой по груди, — в лесах в одних труселях бегали, а то и вообще без них, тогда мужиком тот считался, кто больше баб оприходовал. А потом люди вместо секса стали деньгами заниматься. И у кого, значит, денег больше, у того, выходит и баб больше, или бабок. Понял мысль?

— А если бабок больше у бабы, выходит она мужик?

— Нет, выходит у нее не муж, а баба. Потому и говорю — задача мужика иметь как можно больше бабок. Коли себе такой задачи не ставишь, только и остается говорить о равенстве полов, обвинять мужиков в сексизме, а самому на морду блески сыпать и помадой губы красить.

— То есть мужик должен работать, а баба за плитой стоять?

— Ой, деревня. Кто говорит работать? Как ты бабки получил, значения не имеет. Вообще, по-честному много бабок не срубишь. Нужно искать, варианты продумывать. Вон Гончаров справился, он настоящий мужик.

— А ему от этого легче?

— И зачем перед свиньей бисер мечу! — раздраженно заметил Игорь. — Сиди себе, да по клавишам щелкай. Тебе только и остается, что детей вынашивать.

— Так мы с тобой вроде вместе сидим. И бабок у тебя не намного больше, чем у меня. Выходит и тебе только детей и остается вынашивать, а жена твоя пускай работает?

Игорь злобно посмотрел на Вадима.

— Ты бы за языком слеживал, да слушал, что умные люди говорят.

— Это ты-то умный? — подколот напарника Вадим.

— Да пошел ты! — Игорь в конец рассвирепел. — Коли б не блюстители, саданул бы тебе, да с работы вылететь не хочу.

Вадим рассмеялся, отмахнулся от друга и погрузился в работу.

...

Профессия Вадима Киселева — охранник-наблюдатель — не считалась престижной. Но получал он неплохо, плюс располагал доступом к данным сервера. Вопреки заявлениям руководителя «Либертарианца» Вячеслава Доронина о том, что база данных фиксирует правонарушения автоматически, используемые нейросети посредственно справлялись с правильной оценкой ситуации, в одних случаях недооценивал опасность, в других воспринимая драку подростков за вооруженное нападение. По этой причине была предусмотрена возможность дешифровки информации охранниками-наблюдателями. Формально они не имели права просматривать архивы без достаточных на то оснований, но место для злоупотреблений оставалось. Киселев и Олейников не стали исключением: они периодически просматривали фрагменты жизни богачей, посмеивались над их причудами и праздным образом жизни, хотя в глубине души мечтали оказаться на их месте.

Однако, слишком часто копаться в жизни других людей у них не получалось: по сравнению с базами данных обычных граждан, базу данных охранника мог просматривать только его напарник, но нейросети сервера-приемника умела выявлять злоупотребления наблюдателей при условии многочисленного нарушения запретов.

Несмотря на разногласия, которые неминуемо возникали между охранниками, Вадим и Игорь поддерживали дружеские отношения, но не из-за взаимной приязни, а скорее от взаимной неприязни. Каждый знал слишком много подробностей из жизни другого и мог их использовать в личных целях. Потому оставалось скрепя сердце и стиснув зубы дружить друг

с другом. Больше того, они заключили между собой пакт, согласно которому без красной лампочки не станут просматривать материалы другого. Красной лампочкой называли индикатор правонарушения, которое требовало отдельного рассмотрения, не входило в список преступлений, по которым сервер-приемник мог выносить постановление автоматически.

Разумеется, Вадим не был доволен своим положением. И от того, что он имел доступ к данным людей состоятельных, становилось только горше. Наблюдая за роскошью, в которой они жили, за праздным, ни чем не омраченным состоянием, регулярными полетами на курорты Северной Африки и Южной Америки, откуда сигнал блюстителей банально не достигал сервера-приемника, Вадим злился. Он буквально ощущал, как зависть пожирает его изнутри, но даже не пытался бороться с этим чувством. Отличался он от большинства остальных завистников, пожалуй, тем, что не был скупым. Иногда Киселев тратил деньги быстрее, чем зарабатывал, а потому постоянно думал о том, что его напарник Игорь называл вариантом. Вадима не интересовал путь, который избрал Гончаров. Дети и жена — это хорошо, но должна быть возможность самому погулять на заработанное.

Главным препятствием на пути к успеху на криминальном поприще служил напарник. Одно время Вадим даже размышлял над тем, как после совершения преступления избавиться от Игоря и уничтожить улики. Но быстро отбросил эту мысль. Убийства охранников случались, и в первую очередь подозревали напарников, которые душегубами и оказывались. Подумывали даже, чтобы данные наблюдателей сервер-приемник обрабатывал в общем порядке, но от идеи пришлось отказаться. Если базы данных наблюдателей станут обрабатываться в общем порядке, они так или иначе могут быть использованы другими наблюдателями в качестве компрометирующих материалов. Глупо было рассчитывать на то, что люди, понимающие, как работает сервер-приемник, не сумеют его взломать, если возникнет такая необходимость, поэтому решили поступить проще и предоставить доступ к базам данных охранников-наблюдателей только их напарникам. В случае же неожиданной гибели одного из них, по второму тут же проводилась тщательная проверка, которая выявляла все возможные вмешательства в программу сервера-приемника и шаг за шагом позволяла вычислить убийцу, если напарник действительно таковым являлся.

...

Домой Киселев возвращался рано утром. График работы был посуточный, несколько неудобно поначалу, но быстро привыкаешь. Вадим поднялся по ступенькам и свернул во дворы. На улице уже гуляли старики со своими собаками. Живых животных почти не было, только автоматы, но выглядели киборги совсем как настоящие, двигались пластично и изящно, поведение абсолютно естественное, отличить можно было с трудом. А вот и старенькая еврейка Шниперсон с технической новинкой — киборг-ребенок. Мальчику на вид около трех-четырех лет. Приятная внешность, но пока не доведенная до совершенства. Разговаривает с трудом, хотя двигается так же плавно и пластично, как собаки. Трехлетнему мальчику это не идет, создается впечатление, будто он слабоумный. Но старушку Шниперсон он, по всей видимости, полностью устраивает.

— Здравствуйте, Фаина Соломоновна, — поздоровался с ней Вадим.

Старушка мягко улыбнулась, помахала ручкой. Мальчонка посмотрел сначала на нее, потом на Вадима, после чего в точности повторил жест старушки. Шниперсон засмеялась.

— Вот умница, Коленька. Поглядите на него. Совсем как взрослый. Умница ты моя, — она наклонилась к нему и поцеловала мальчика в щеку. — Заметили, как он вырос, Вадим

Сергеевич?

— Прямо на глазах, — подыграл ей Вадим. Считалось неэтичным напоминать хозяевам киборгов о природе их питомцев. Люди для того и создают удивительно точные копии, чтобы обманываться. Незачем рушить их иллюзии своими приземленными замечаниями. Жизнь они посвятили работе, одно это заслуживало уважения. Почему бы на старости лет не подыграть им? Не отвалится же у Вадима язык, если он назовет пластикового Бобика живым. Или Коленьку Шниперсона, который никогда не станет выше или умнее, подросшим.

Вадим поднялся к себе на лестничную площадку, уже начал открывать свою дверь, как вдруг из квартиры напротив вышли соседи. Муж — толстый сноб с вечно сальными короткими волосами и отчетливо виднеющимися пятнами под мышками. Жена — красавица, заплатившая за внешность не один десяток тысяч. Хирурги постарались на славу: кожа идеально гладкая, слегка бледноватая на вкус Вадима, но реагирующая на загар; носик маленький, курносый; губы полные, над верхней отчетливо различима маленькая родинка, придававшая внешности супруги щепотку бесстыдства. Имен их Вадим так и не запомнил, про себя называл Колобком и Лисой.

— Вадим Сергеевич, как хорошо, что мы вас встретили, — заискивающе заулыбался Колобок. Все в доме знали, кем работает Вадим, а потому, хоть и не уважали его по-настоящему, но побаивались, старались быть с ним вежливыми и угодливыми. Про наблюдателей ведь всякие слухи ходили.

— Доброе утро, — нехотя поздоровался с ними Вадим.

— Здравствуйте, — хихикнула Лиса, а Колобок протянул свою толстую ладонь с короткими пальцами и крепко пожал руку Вадима.

— У нас к вам серьёзный вопрос, — между тем продолжил толстяк. — Моя супруга ударилась в крайнюю степень либерализма. Ей, видите ли, не нравится моя манера поведения, она, видите ли, сочла меня снобом. Понимаете ли, я не достаточно щедр для нее.

Вадим мельком глянул на полные груди Лисы и припомнил, какими они были, когда парочка только переехала сюда.

«А как по мне, ты настоящий транжира», — подумал Вадим и проникся жалостью к несмышленому толстячку. Как и положено Лисе, эта чертовка съест Колобка с потрохами, и отправится искать себе настоящего волка, а не жалкую бесформенную лепешку, души не чаявшую в своей губительнице.

— Она вдруг решила, что состоятельные люди, — тараторил меж тем Колобок, — обязаны помогать так называемым страждущим, а на деле бездельникам и пропойцам, палец о палец не ударившим ради того, чтобы выбраться из дыры, в которую угодили по собственной глупости. Видите ли, она прониклась жалостью к отребью, решила, что мусор, который по ночам квартируется на лавочках и под заборами на выселках, нуждается в нашей помощи.

— Это называется филантропия, Подушечка, — прервала его тираду Лиса. — Незачем Вадима Сергеевича тревожить по таким пустякам. У него и своих дел невпроворот, неправда ли, Вадим — она сделала паузу, томно вздохнула, — Сергеевич? — закончив, широко улыбнулась, продемонстрировав идеально ровные, белоснежно-чистые зубы. Прямолинейный напарник Вадима Игорь называл такую улыбку конской.

«Скалятся как лошадюки, — повторял Игорь, увидев на постере девушку с подобным оскалом. — А улыбкой это не назвать, в глаза им смотришь, а по ту сторону пустота».

— Нет, не мешай, мы этот вопрос прояснить должны, — настаивал на своем Колобок. — Вот вы ответьте мне, Вадим Сергеевич, скажите как есть, как думаете, начистоту, как мужик мужику. Должен я своими кровно заработанными деньгами делиться с бездельниками и прохиндеями, которым, якобы, не улыбнулась судьба? Рассудите нас, а то ей без толку повторять. Пока кто третий не скажет, не убедится.

— Я не совсем уловил суть вопроса, — сказал Вадим, про себя подумав, что толстяк ужасный зануда и, пожалуй, нечего Лисам жалеть такого, лучше глотать разом и идти на поиски волка, ну или, если еще не наелись, очередного колобка.

— А суть вопроса вот в чем. Как вы относитесь к благотворительности? — сумел, наконец-то, лаконично сформулировать скомканным клубком вертевшиеся у него в голове мысли.

— К благотворительности? В целом отрицательно. Здесь я солидарен с вашим мужем, — он посмотрел на Лису и подмигнул ей. — К примеру, стали бы вы жертвовать что-нибудь из своих вещей на нужды нищих? Хотя бы туфли, которые на вас сейчас надеты. Отдали бы вы их первому попавшемуся обездоленному, если бы он вас об этом попросил?

— Вот, послушай, что умный человек говорит! — обрадовано произнес толстячок, задрав вверх свой бесформенный, расплывшийся по всему лицу нос.

Лиса прикусила нижнюю губу и бросила в сторону Вадима такой взгляд, от которого у него по спине побежали мурашки.

— Мы же говорим о деньгах, а не о туфлях. Туфли — это вещь, а деньги — бумажки, — возразила она, поправляя прическу и неторопливо разглаживая блузку.

«Надо же, — подумал Вадим. — Флиртует со мной на глазах у мужа, а он, дурак, и не замечает. Надо будет с ней переспать, чтобы у этого толстяка открылись, наконец, заплывшие жиром глаза».

— Туфли — всего лишь материальная реализация той идеальной сущности, которую мы называем деньгами, — повторил Вадим фразу, которую заучивал еще в университете, чтобы сдать современные основы философии. — Отдать туфли равносильно тому же, что и отдать деньги. Просто бумажки — это одна из форм материальной реализации феномена денег, а туфли — другая. Поэтому если вы не готовы пожертвовать своими туфлями для нуждающихся, значит вам не в чем упрекать мужа, который не желает жертвовать просто-напросто другой формой денег, воспринимаемой нашими органами чувств, как бумажки. По сути-то, бумажки равносильны туфлям, а коэффициент равенства есть количество бумажек, на которые некто готов обменять туфли.

— Какая глубокая мысль, — восхитилась Лиса, хлопая длинными ресницами и медленно проводя пальцами левой руки над ложбинкой между грудями.

— К сожалению не моя, а философа Пустобрехова. Это именно он заложил основы философии современности и разработал метафизическую диалектику денег, — с трудом извлек из своей памяти окончание абзаца Вадим. — А что касается выселок и бездельников, лично я считаю, давно пора повысить арендную плату и пускай эти нищие катятся в свои богом забытые промышленные городки, где не продохнуть от дыма. Там хочешь не хочешь, работать придется или копыта отбросишь.

— Вот-вот! Слушай и запоминай, что умные люди говорят, — сказал толстяк с таким важным видом, будто он сам процитировал философа Пустобрехова.

— С вашего позволения я пойду, спать очень хочется, — сказал Вадим.

— Конечно, Вадим Сергеевич, — засуетился толстяк. — Простите, что отнял ваше

время, большое вам спасибо, что убедили эту дуреху, — произнося это, толстяк умудрился ухватить Вадимову руку и на протяжении всей тирады тряс её.

— Да, спасибо вам большое, Вадим Сергеевич, — сказала жена, после чего подошла к нему вплотную и обняла, буквально вжавшись в него. Вадим отчетливо ощутил близкую к естественной упругость грудных имплантов, возбудился.

Толстяк замялся, растерялся. Очевидно, выходка жены ему не понравилось, а ее прощание с Вадимом затянулось.

— Ну, всё, нам пора, — сказал он, схватив супругу за локоть. — Еще раз огромное спасибо!

— Обращайтесь, — ответил разомлевший Вадим, не сводя взгляда с Лисы. Она продолжала призывно улыбаться.

Наконец, толстяк сумел утащить ее следом за собой в лифт и уже из-за закрывшихся дверей донесли упреки, которыми муж сыпал в ее адрес, но прислушиваться Вадим не стал. Толстяк боялся Киселева и даже если застучает Вадима со своей женой, ничего предпринять не посмеет.

Вадим, наконец, открыл дверь своей квартиры, вошел внутрь. Замыкаться не стал, сбросил с себя всю одежду и повалился спать. Нужно отдохнуть. Сегодня ему перечисляли зарплату, хотелось немного покутить.

Проснулся он уже вечером, чувствовал себя не выспавшимся. Сильно хотелось есть. Поставив вариться пельмени, Вадим начал гладить свои прогулочные вещи и чтобы не было так тоскливо, включил телевизор. Шли новости. Молодая конопатая репортерша оживленно рассказывала о каком-то событии, потрясшем Новоград. Вадим сделал погромче.

— Марш негров, официально признавших в том, что они негры прошел без происшествий. «Гордость негров», как сами участники называют данное мероприятие, собрал порядка трех тысяч человек. Нам удалось взять интервью у одного из них.

На экране появилась довольная физиономия чернокожего мужчины, широко улыбавшегося в камеру.

— Понимаете, я долго жил, отрицая свой цвет кожи, но многие знакомые, друзья, даже родственники догадывались, что я негр. Я долго обдумывал свое решение, но в конце концов понял — нужно примириться с собой, честно сказать — я тот, кто я есть и я этим горжусь.

— А какую цель преследует ваша акция? — задала следующий вопрос репортерша.

— Наша акция? О, это замечательное мероприятие. Другие люди узнают, что мы негры, понимают — нас нечего бояться, незачем притеснять. Мы такие же люди, как и вы.

— Но все это общеизвестные истины, — возразила репортерша. — Я же спрашиваю вас о цели марша.

— Мы должны привлечь к нашим проблемам общественность, мы хотим тех же прав, что и представители других рас.

— А разве вас притесняют по расовому признаку? — спросила репортерша.

— Просто вы не знаете, что значит быть негром. Это ежедневная борьба с невеждами, считающими тебя неполноценными, это необходимость объяснять неграмотным обывателям, так мало слышавшим о темнокожих...

— Простите, что перебую, но не могли бы вы просто объяснить, с какой целью проводится данный марш?

— Девушка, я же вам объясняю, а вы всё время меня перебиваете! Почему вы так поступаете? Вы расистка? Мы хотим тех же прав, что и представители других рас. Мы

хотим, чтобы у наших женщин рождались белые дети, мы не хотим свидетельствовать против других негров в суде, мы требуем уважительного отношения ко всем неграм на планете. Именно для достижения этих целей и проводится марш.

— И как он поможет вам достигнуть этих целей?

— Власти увидят, что мы монолит, единое целое, поймут — нас нельзя игнорировать, будут вынуждены прислушаться.

— А как вы относитесь к законам, запрещающим проведение марша «гордость негров» в восточных городах?

— Крайне негативно. Необходимо принять меры, продолжать бороться за право открыто называть себя негром. Запомните, братья, мы темнокожие и гордимся этим!

Дальше представитель национальных меньшинств начал рассуждать о необходимости выборов темнокожих в органы власти, легализации права светлокожих официально признавать себя неграми, стал призывать в свои ряды молодежь. Но дослушивать его Вадим не стал. Одежду он погладил, а пельмени как раз закипели. Выключив телевизор, наспех поужинав, он собрался и отправился в один из центральных ресторанов. Отдыхали здесь люди состоятельные, и равняться с ними Киселев не мог, но иногда хотелось почувствовать себя собственником. Не простым рабочим, всю жизнь вынужденным платить арендную плату, а человеком, эту плату собиравшим. Приятно было послушать разговоры богачей, а иной раз и принять в них участие, выдавая себя за приезжего деловара. Денег подобные визиты съедали не мало, но не смотря ни на какие соображения, Вадим не мог отказаться от походов в элитные заведения.

Оказавшись внутри, он первым делом направился к стойке и заказал коньяк с лимоном. Поглядывая по сторонам, заметил молодого человека в окружении привлекательных девиц и нескольких парней-лизоблюдов. Взгляды окружающих были прикованы к этому человеку, он небрежным жестом приглашал к себе официанта, угощал всех выпивкой, позволял себе распускать руки, когда одна из девушек, кокетливо виляя задом, подходила к нему достаточно близко. Наблюдая за ним, Вадим ощутил приступ зависти. Парень его ровесник, а уже окружен вниманием и подхалимами, готовыми согласиться с каждым его словом, посмеяться над самой глупой и плоской шуткой, вознести безвкусный и кичливый наряд.

Барменша — низкая блондинка лет тридцати — принесла Вадиму заказ.

— Не подскажешь, — обратился к ней Вадим, поднимая рюмку, — кто этот человек?

— Один из постоянных. Артем Курков. Месяца два как стал здесь чуть ли не каждый вечер появляться. Денег спускает столько, что неприлично даже говорить. И каждый вечер уходит с новой девчонкой.

— Вот как, — протянул Вадим, опустошив рюмку наполовину.

Молодой человек не походил на богача. В манерах чувствовалась простота, жесты слишком размашистые, а поведение вызывающее. Напоминало жителя выселок. Что-то здесь было не так.

— А не знаешь, откуда он взялся?

Барменша пожала плечами.

— Полагаю, из новых, — ответила она. — Денег не считает, его тут каждый официант надул.

— О, как! — хмыкнул Вадим. — Как же умудрились блюстители обмануть?

— А они когда деньги берут, на них не смотрят, сразу себе в карман, пальцами нужную сумму отсчитают, и в кассу. Такое шельмовство даже блюстители не уловят.

— Хитрецы!

— Да ты и сам держи ухо остро, — барменша подмигнула ему.

— Спасибо за предупреждение, — поблагодарил ее Вадим, достал бумажник, расплатился за коньяк и с рюмкой в руке направился к столику, за которым сидел Артем со своей свитой.

Говорил Курков оживленно, никому слова вставить не давал, но словечки нехарактерные для элиты. Те разговаривали важно, неторопливо, лениво шевелили руками, не отводили глаз от собеседника. Артем же галдел, как сорока, смотрел то на одного, то на другого, суетился, мельтешил руками. Вадим попытался было задать ему пару вопросов, но Курков, казалось, не замечал новенького. Догадавшись, что разговорить таинственного богача не получится, Вадим оставил столик, допил свой коньяк, расплатился и ушел. Может быть, Курков из тех везунчиков, что стремительно разбогатели и, не осознав своего счастья, кинулись тратить нежданный выигрыш? Погуляет этот Артем еще пару месяцев, деньги кончатся, и он исчезнет, как появился — так же внезапно. С другой стороны, Вадиму с трудом верилось, что такой недалекий человек — а на первый взгляд Курков производил впечатление дурака — сумел разбогатеть.

«Что-то здесь нечисто», — подумал Киселев. Только как выяснить что? Если Артем приезжий, база данных сервера ничего не даст. Прибывающим в город бизнесменам с запада не прививают блюстителей. Но если Артем в городе на постоянном жительстве... О, тут открывалось море интересных возможностей. Оставалось узнать, как получить доступ к базе, чтобы Олейников об этом не узнал. «Утро вечера мудренее», — рассудил Вадим. Завтра он придумает, как повернуть свой план. А пока следует вернуться домой и попытаться выспаться, как следует.

Придя на работу, первым делом Вадим залез в базу данных «Либертарианца» и принялся собирать сведения об Артеме Куркове. Родился и вырос в городе, семья состоятельная, оценки в школе были отличными, но выпускные экзамены завалил. Отец оплатил обучение в третьесортном колледже. В итоге Курков стал инженером. Сведения о месте работы были закрыты по закону о защите частной жизни.

«Ничего себе, инженеры нынче зарабатывают», — подумал Вадим. Без базы данных, собранных блюстителем, не обойтись.

Олейников, сидевший по соседству, как назло проявил интерес к деятельности своего напарника.

— Так, так, Артем Курков. Чем он обязан интересу с твоей стороны?

— Подозреваю его в совершении преступления.

— Сейчас гляну, — Игорь подошел к серверу, принялся энергично скакать по вкладкам, в поисках штрафов и наказаний, вынесенных Артему Куркову.

— Слышал кстати, что на юге творится? — как бы между прочим спросил Олейников.

— Нет.

— Диверсию на производстве кто-то провернул. Комбайны, трактора, грузовики — всё повредили какой-то новомодной штукой. Хозяева голосят о недобросовестной конкуренции, обвиняют Свиридовых в диверсии.

— Свиридовы — это которые?

— Да те самые, что у нас проездом заведуют. В общем, кто технику попортил, неясно, зато теперь ихний собственник собирается отказаться от услуг своего частного охранного предприятия, к нашим обратиться. Скоро и там начнут блюстителей в кровь брызгать. Но это в лучшем случае. Ходят слухи, что за диверсию террористы ответственны. Собственники обеспокоились, внеочередное собрания крупных промышленников и землевладельцев собирать решили. Если версия о террористах анархистского толка подтвердится, войска мобилизуют. Телевизор-то сегодня смотрел?

— Не.

— Там уже почву готовить начинают. Помнишь, как нас в школе учили, мол, индустриальный и постиндустриальный государственный период отметился кровопролитнейшими войнами, прекратившимися только тогда, когда собственники получили право распоряжаться принадлежащими им вещами по своему усмотрению, без вмешательства извне.

— Такое не забудешь. Хорошо помню карикатуру в учебнике — толстый президент отнимает у бедного капиталиста деньги и хлеб, а за спиной капиталиста голодающие рабочие тянут руку, просят подаяния.

— Точно-точно. Называлась карикатура «Государство грабит народ». Так вот, сегодня включил я, значит, новости, а там крутят передачу о том, как устанавливался нынешний строй. Мол, капиталисты отобрали у государства награбленное и вернули все народу, но не просто так, а силой. И подводят, значит, зрителей к выводу, мол, готовьтесь защищать частную собственность ценой своей жизни. Понимаешь, к чему дело идет?

— Не совсем.

— А сейчас мобилизацию объявят, срочный набор и давай бороться с террористами с

оружием в руках. Мне сегодня один знакомый по секрету рассказывал, якобы на Дальнем Востоке пара городов провозгласила обобществление.

— Это как?

— А вот так. Собственника на фонаре повесили, ЧОПы разогнали и сами, значит правят. Выборы проводят, землю обозвали общей, призывают другие города к ним присоединиться. Про это пока никто не знает — сам понимаешь, какой удар по престижу капиталистов будет нанесен, если информация станет доступна широкой общественности.

— Пожалуй, что и так.

— Ну а история с южными городами — это просто предлог для мобилизации. На самом деле готовят поход на восток. Говорят, зарплаты у солдат будут о-го-го какие.

— Подышать за собственника у меня нет ни малейшего желания, — сказал Вадим.

— Так ты не за собственника, ты за себя подышать будешь. Объяснял же тебе вчера, задача мужика обеспечить семью бабками. Жизнь проходит — деньги остаются. Сколько оставишь, почитай столько твоя душа и стоит. Если и есть какая бессмертная сущность, то это деньги.

— Ты прям как философ Пустобрехов.

— Что за философ?

— Да в свое время учил его изречения. Говорит примерно тоже, что и ты.

— Выходит умным мужиком был твой Пустобрехов.

— Ты правда считаешь, что деньги дороже жизни?

— Не так. Всё-то ты никак не поймешь. Твоя жизнь стоит ровно столько, сколько у тебя денег. Это давным-давно в крупнейших религиозных системах мира поняли. Вспомни период постиндустриальной государственности. Сколько денег люди жертвовали на нужды церквей, пророков, ясновидящих. Всё ради чего? Да преувеличить хотели свою духовную сущность, купить себе бессмертие. Дурачье! Для этого деньги не отдавать надо было, их откладывать следовало. Зато служители культа процветали, и свою бессмертную сущность, свой капитал, в размерах увеличивали. И не так уж важно, в какой форме этот капитал: будь то ритуальное помещение, кладбище или иная собственность, в основе-то всегда лежит одно — определенная сумма денег. Понимаешь?

— А чего тут не понять.

— То-то. Могу пример и посовременнее привести. Возьми, к примеру, смертность. Знаешь, сколько у нас ежедневно умирает? Я тоже точно не знаю, но положим человек тысяча. Просто к примеру. Ты хоть раз на похоронах был?

— Приходилось, — сказал Вадим.

— И сколько народу там было?

— Да немного, человек сорок-пятьдесят.

— А человек богатым был?

— Не бедным.

— Собственник или нет?

— Нет, конечно.

— Во, — Игорь оттопырил указательный палец. — А я раз на похоронах собственника был. Таковую церемонию закатали, тысячи три человек, всех накормили, все об умершем плакали. То и дело слышишь причитания, мол, какой хороший человек ушёл. У всех глаза на мокром месте, к родственникам подходят, соболезнования выражают. А ведь собственник-то был мелким. Представляешь, сколько на похороны собственника земли придет? Тысяч сто. И

все оплакивать его будут, выказывать уважение, почтения. Люди, заметь, малознакомые или вовсе лично не знакомые с почившим. А на тех похоронах, на которых ты был, сильно по покойному плакали? Посторонних много было? То-то и оно. Мысль, которую я до тебя хочу донести, выразила одна старушка, сидевшая тогда за столом неподалеку от меня. Оплакали, говорит, покойного как надо, место ему в раю. А оплакивали его почему? Уважали его почему? А все потому же — из-за денег. Выходит и место в раю он не заслужил, а прикупил, и душу свою бессмертную не продал, а положил в банк под проценты. Потому его душа будет расти и дальше. А что с душами таких как мы приключится, арендаторов? Проценты по кредитам сожрут нашу бессмертную сущность и ничего от нее не останется. Теперь понимаешь, почему мы не знаем, сколько у нас в городе ежедневно умирает? Как раньше сговорились, пускай, к примеру, тысяча человек умирает, а ты хоть об одном помнишь, имя его слышал? Нет! Пройдет время, о нем и родня забудет, могилу перероют, на его месте нового похоронят, а собственника попробуй забудь. А все почему? Да потому, что память о собственнике сожрала память об остальной тысяче человек. Если хочешь, душа собственника — хищник, души таких как мы — удобрение, питательная среда для этого хищника.

— Так ведь душа — это деньги.

— Правильно, деньги. Ты когда умрешь, куда твои деньги денутся? К тем же собственникам и перетекут. Дошло?

Вадим отмахнулся от Игоря.

— Ты давай копай по Куркову, а не заговаривай мне зубы.

— Так уже накопал. Ничего серьезного нет. Штрафы за переход в неполюженном месте. Не судим, на очереди на выселение не стоит, проценты исправно выплачивает. Подвела тебя твоя интуиция.

— Слушай, а не закроешь глаза на мелкое должностное преступление?

— Залезть к нему в базу хочешь? Не пойдет.

— Говорю тебе, с ним что-то не так. Давай если я окажусь прав, вся слава за его поимку моя. Если прав ты, я закрою глаза на три твоих должностных преступления.

— Так уверен в своей правоте?

— На все сто.

— Хорошо, давай взломаем его базу. Но славу делим пополам. Потом придумаем повод, как нам его с поличным взять.

Вадим подмигнул напарнику и стал шарить пальцами по информационной панели.

...

— Это еще ни о чем не говорит, — сказал помрачневший, но в то же время оживленный Олейников.

— Ручаюсь, он пускал себе кровь. И не просто ее пускал, а намерено гасил сигнал и проворачивал какие-то темные делишки. Знаешь, где я его встретил? В «Парусе».

Игорь присвистнул.

— Ты-то там чего делал? — спросил Олейников, посмотрев на напарника.

Вадим смутился. Зря он рассказал Игорю об этом. Теперь Олейников сочтет напарника богачом, начнет копать под него, глядишь чего и накопает.

— Не имеет значения, — решил уйти от ответа Киселев. — Факт в том, что для инженера отдых там не по карману.

— А тебе по карману? — с усмешкой спросил Игорь.

Вадим посмотрел на напарника исподлобья.

— Да не бойся ты так, — захохотал Игорь. — Знаю я тебя, рисоваться туда ходил, мол, смотрите, какой я богатый. У тебя ж на лице написано — люблю прихвастнуть.

— Один ты у нас правильный, — пробурчал Вадим.

Игорь не стал отвечать, позволил Вадиму продолжить.

— Я клоню к тому, — сказал Вадим, — что паренек не чист на руку. Чем там у нас нынче окровители промышляют?

— На выселках грабежом, в центре и предположить не могу.

— Я тебе подскажу — наркоторговля. Сам знаешь, какая позиция по этому вопросу у нашего собственника.

— Строжайший запрет, — кивнул Игорь.

— А те, кто побогаче, любят баловаться веществами. Если начать копать в этом направлении, мне кажется, мы раскопаем организованную банду. Просто с этого момента действовать нужно осторожно.

— Для начала нам предстоит подумать, как обосновать взлом системы.

— А не будет никакого взлома, — сказал Вадим. — Я подставлю его. У нас появится повод покопаться в его базе и якобы тогда мы и нападём на след. Как тебе?

— Подставишь?

— Не забывай, я сам когда-то жил на выселках, знаю некоторые хитрости.

Игорь с сомнением посмотрел на напарника.

— Ты хотя бы понимаешь, как мы с тобой рискуем? Если у начальства появится повод досконально проверить наши базы, они ведь обо всем догадаются.

— А мы вытрем за собой, никакие проверки не помогут. По рукам?

— Черт с тобой. Но смотри, промашки быть не должно. У меня жена и двое детей, без меня семья пропадет.

— У меня нет ни малейшего желания гнить в нищете, или того хуже — попасть в тюрьму. Промашки не будет, — заверил Вадим.

...

На следующий день Киселев пустил себе кровь. Сделал он это предельно аккуратно, при помощи шприца — у блюстителей не было ни шанса заподозрить правонарушение. После неглубоко порезал себе левую руку в районе локтя, аккуратно перебинтовал место пореза. Можно было идти на выселки.

Затея Вадима была проста, как таблица умножения на два: он хотел подкинуть Куркову наркотики. Когда Вадим рассказывал напарнику об обороте нелегальных веществ в городе, он несколько исказил реальность, перенеся вину на богачей. На деле, наркотики употребляли не только выходцы из состоятельных семей. На выселках подобный товар пользовался большим спросом. Как и всякий молодой человек, родившийся в семье арендаторов, Вадим прошел через выселки, тогда же он и познакомился с нелегальными веществами. Произошло это случайно — знакомые угостили его какими-то особенными грибами, от которых Вадим отходил пару дней. Потом было еще несколько экспериментов и даже кровопускание, но проделал свои манипуляции Киселев на удивление удачно. Когда он проходил собеседование на соискание должности охранника-наблюдателя, во время медкомиссии на тщательнейшем осмотре хирург так и ничего и не заподозрил.

Вадим знал, где и как достать наркотики, но не хотел, чтобы об этом догадывался его напарник, потому и решился на довольно рискованный поступок — пустил себе кровь. Зато

на пару часов он избавился от наблюдения. Быстро собравшись, он отправился на выселки. Предстояло закупиться наркотиками, смотаться в квартиру к Куркову и подбросить их ему. А дальше поступит сигнал, первыми на него откликнутся Киселев с Олейниковым и дело в шляпе.

Выселки всегда производили на Вадима мрачное впечатление. Эти обшарпанные дома, детишки, не редко игравшие сдохлыми мышами и кошками, прыгавшие по гаражам и жестоко разыгрывающие прохожих, люди, вечно хмурые и враждебно настроенные. А идти Киселеву предстояло в самый опасный район выселок — окраины. Здесь жили нищие, те, кого сосед Вадима Колобок называл страждущими. Безработные, отчаявшиеся, они находились на грани. Одни пускали себе кровь и начинали грабить, другие требовали социальной поддержки собственников, третьи впадали в глубокую депрессию и таки выбирали наиболее приемлемый для этих людей вариант — сводили счеты с жизнью. На окраине выселок можно было отыскать самых дешевых в городе проституток. Выглядели они соответственно: все вены в порезах, глаза заплыли, ничего не выражали, на лицах изможденность и злоба. Тем не менее, к их услугам частенько прибегали малоимущие жители выселок, хоть впоследствии и хранили свои визиты в тайне от знакомых.

Именно здесь велась торговля наркотиками. Все знали, у кого их можно купить, и насколько опасны эти люди. Явившись сюда, спустя столько лет, Вадим сильно рисковал. Его вряд ли кто-нибудь помнил, а торговать с незнакомым человеком опасно. Собственнику земли часто советовали уничтожить район, а жильцов выселить, он обещал подумать об этом, но то и дело пускал всё на самотек.

Свернув на заросшую травой и сорняками тропинку, Вадим миновал валявшихся на земле людей. Они походили на мертвецов: бледные, худые, с лицами, заросшими густой бородой, в рваной одежде, на теле виднелись множественные шрамы, глаза, казалось, утонули, представлялись двумя большими темными ямами. Вадим нащупал у себя за пазухой пистолет. Он лучше кого бы то ни было знал, на что способны такие вот персоны, лишившиеся всего и не сильно-то ценившие собственную жизнь. Сейчас они походят на спящих, а в следующую секунду прижимают к твоему горлу нож и без раздумья режут, после чего выгребают из карманов все деньги и убегают. Так может продолжаться до тех самых пор, пока их не пристрелят или сами они не откинут копыта от передоза.

Впереди замаячила беседка, с вальяжно раскинувшимися там наркоторговцами. Судя по красным лицам и расчерченным сосудами глазам, они сами недавно употребляли собственный товар. Зная правила игры, Вадим оголил руку, стянул повязку и направился прямо к ним, открыто демонстрируя свежую рану. Один из них, сидевший посередине приземистый детина, посмотрел затуманенными глазами в сторону Вадима, глянул на порез, удовлетворенно кивнул.

— Присаживайся, — сказал другой, устроившийся в беседке слева, чуть поодаль от своего товарища. Пальцем он указал на лавочку, специально пристроенную у стены. — Рассказывай, зачем пришел.

— Прикупить у вас хочу для поднятия настроение.

— А почему я тебя раньше не видел?

— А когда я тут раньше жил, ты не работал.

— Выходит, вернулся.

— Вернулся, — согласился Вадим.

— И хочешь настроение себе поднять?

— Очень хочу.

Наркоторговец ухмыльнулся, откинулся назад.

— Знаешь, у нас ведь в городе далеко не либеральное отношение к таким товарам. Ты в курсе, что за это здесь светит?

— Выселение, — предположил Вадим.

— Раньше выселение, а теперь тюрьма. Но сам посуди, где тут справедливость. Юрий Палыч, собственник здешней земли, как говорит. Мы, говорит, боремся с наркоманией. Я, говорит, либерал, я, говорит, анархист, я, говорит, капиталист, но наркотики, говорит, не приемлю. Потому сажают теперь наркоманов. К нам нередко заходят. Владельцы тюрем так ручонки и потирают от возможности извлечения прибыли. Прикинь, час работы в тюрьме они оценивают в десять раз дешевле, чем на свободе. Нормально? А по делу-то чего получается. Ломают молодежь. От наркотиков вроде как защищают, а в тюрьме ломают. Кто ты после срока? Да никто. С копеечной работы на копеечную работу перебиваешься, о семье забудь, там того и гляди снова на зелье подсядешь, а потом напрямик на нары, и пахать. Так до смерти. Чем не рабство? — наркоторговец оглянулся, посмотрел по сторонам, наклонился, чтобы быть поближе к Вадиму. — Знающие люди рассказывают, что Юрий Палыч не просто так с наркотиками борется. Владельцы тюрем ему процент отстегивают, за халявную рабочую силу, и процент этот не маленький. Гребет деньги, даже не вкладываясь. То ли дело на Западе. Там все либерально, правильно. Хочешь кури, хочешь колись, хочешь нюхай, хочешь ешь. Не можешь себя контролировать — отправляйся в могилу. Не, ну правильно, мы все взрослые люди, так почему мы не можем открыто употреблять. Какая ж это свобода, когда я своей жизнью распорядиться не могу? Посуди сам, чем рискует Юрий Палыч, легализуй он наркотики? Да сюда разом народ потянется. Население бешено расти начнет. А сейчас что? Все на Запад рвутся, потому как там настоящая свобода. Взрослые люди сами знают, как проводить свободное время, нечего им указывать, не дети давно. А они все лезут, с этими устаревшими, я бы сказал государственными методами.

— Не перегибай палку, — вмешался другой торговец, до того сидевший с безучастным лицом.

— Прости, прости шеф. Так вот, суди сам, что это если не внеэкономическое преступление — запрещать потреблять наркотики, а? И после этого Юрий Палыч зовет себя либералом, анархистом, капиталистом, а на деле комму...

— Эка тебя понесло, друг, — поморщился шеф. — Отборными матами решил крыть. Хватит о политике, поговорим о деле, — он посмотрел на Вадима. — Мы тебя не знаем, верить тебе или нет?

— Никаких проблем не будет, — пообещал Вадим.

— Так все говорят. Ты из какого района?

— Из соседнего, — уклончиво ответил Вадим.

— И что хочешь?

— Я же сказал — расслабиться.

— Я понял. Чем именно расслабляться собираешься? У нас ассортимент богатый.

— Да самую простенькую травку, недорогую. Стресс снять. Дорогую не потяну.

— Сто тридцать цена двенадцати порций. Меньше не продаем

— Не уступишь?

— Бери или уходи, — отрезал торговец, нахмурившись.

Стараясь вести себя так, будто ему неохота распрощаться с чуть ли не последними

деньгами, Вадим отсчитал указанную сумму и отдал ее торговцу. Тот пересчитал, кивнул напарнику. Последний встал с места, взял Вадима под руку. Киселев несколько занервничал.

— А как же расслабиться? — спросил он.

— Иди-иди, — сказал оставшийся на своем месте торговец, а его напарник настойчиво тащил Вадима за собой.

«Если обманут, — подумал Киселев, — вернусь сюда с ребятами и так отколошмачу этих выродков, что они свои имена забудут. А потом вышвырну их из города».

— Шеф мой, — между тем триндел провожающий, — тему не сечет. А меж тем Юрий Палычу подумать нужно, серьезно так, о легализации. Сам посуди, такие районы, как наши выселки, с лица земли пропадут. Купить можно будет, где хочешь, да еще намного дешевле. Таких, как мы, сама экономика пинками под зад с рынка вытолкает, никаких охранников не понадобится. Оно на Западе потому без всяких блюстителей и обходятся, что вещества разрешены, не то бы и там пришлось в вены всякую гадость колоть.

Они выбрались на лужайку, провожающий запустил руку в карман Вадима, после чего развернулся и пошел обратно.

— Не пались, — бросил он напоследок.

Киселев проверил карман — внутри оказался пакет с каким-то порошком. Самое трудное он сделал. Но как раз сейчас его начали грызть сомнения. А стоит ли выводить Куркова из игры? Или, быть может, это та самая возможность, о которой Вадим мечтал всю жизнь? Не нужно будет придумывать никаких хитрых схем, шантажом выйти прямо на бандитов и заставить их платить проценты. Чем дольше Киселев об этом думал, тем привлекательнее казалась ему эта мысль. Когда он спускался в метро, новый план окончательно сформировался у него в голове. В предвкушении грядущих перемен, Вадим забрался в вагон и отправился домой к Артему Куркову.

...

Парень ни о чем не подозревал, шел неторопливо, глазел по сторонам. Рассеянный, ненаблюдательный, по всей видимости, ещё и легкомысленный — с таким союзником далеко не уедешь. Но с его помощью, Вадим в этом не сомневался, можно выйти на крупные фигуры. И тогда пешку Артема можно будет разменять.

Когда Курков проходил мимо скамейки на которой сидел Вадим, их взгляды встретились. Киселев приветливо улыбнулся.

— Погоди-ка, разговор есть, — остановил он Артема. Курков озадаченно посмотрел на него. — Слушай внимательно, потому как от этого твоя жизнь зависит. Я сотрудник охраны. Мне все известно.

Услышав это, Артем сделался бледным, как стена, отшатнулся, казалось, собирался бежать.

— Не паникуй и без глупостей. Ничего страшного не случилось. Пока. Есть разговор. Приватный. Побеседуем прямо сейчас, после того, как ты подготовишься, — сказав это, Вадим недвусмысленно постучал себя указательным пальцем по запястью. — Возможно, мы придем к соглашению. Всё понятно?

Курков, похоже, старался сохранить самообладание.

— Если это какой-то трюк, у вас ничего не выйдет.

— Подготовься к разговору! — рявкнул Вадим. — Ты меня слышишь? Никаких трюков. Время работает против тебя. Я останусь в выигрыше в любом случае. Ты мне нужен только потому, что я рассчитываю на сумму покрупнее обещанной.

Артем хотел было что-то сказать, но Вадим оборвал его жестом.

— Сейчас мы идем прямо к тебе, ты готовишься, и тогда мы беседуем. А пока — рот на замок. Спрашиваю последний раз — понял?

Артем кивнул, подозрительно изучая Вадима взглядом. Тем не менее, они поднялись на этаж Куркова, вошли к нему в квартиру, Артем замкнулся, ушел в ванную и пустил воду. Возился он там порядком, Вадим успел заскучать, но торопить Куркова не стал. Наконец, тот вышел. Парень осунулся, побледнел, правой рукой прижимал уже успевшую пропитаться кровью марлю к порезанной в месте сгиба руке.

— Какой ты отважный, я бы так глубоко резать не стал, — сказал Вадим.

— Чего ты хочешь? — холодно спросил Артем.

— К делу, так к делу. Мы тебя вычислили, я шел сюда, чтобы подбросить тебе наркотики, — Вадим вытащил из кармана пакетик и швырнул его на стол. — Если бы я так поступил, сервер-приемник предоставил бы нам санкции на расшифровку твоей базы и подробнейшее ее изучение. Мы бы непременно вышли на провалы в сигналах от твоих блюстителей и, соответственно, заподозрили бы в тебе окровителя. Это, в свою очередь, позволяет установить за тобой слежку. Собираем достаточно доказательств, и ты в лучшем для себя случае вылетаешь из города. Но как правило процессы над окровителями заканчиваются частной тюрьмой. А там, знаешь ли, не сказка. Работа с утра до вечера без перерыва и выходных. Да и кормят не ахти как, а из зарплаты вычитают львиную долю на эти поганые обеды. Я как-то бывал в одной из таких тюрем, проводил инспекцию. Заключение злые, как собаки, но друг друга никогда не трогают, боятся. Любая провинность, и ты отправляешься на урановые рудники. Средний срок жизни заключенного там — семь-десять месяцев. Камеры в тюрьмах знаешь какого размера? Чуть больше четырех квадратных метров. А размещают там знаешь сколько народу? Иной раз по пять шесть человек. Экономят. Как перспектива такой жизни? Радует?

Артем отрицательно покачал головой.

— Я вот тоже думаю, повода для радости нет. На твое счастье, о маленьком секрете знаю только я. И в принципе, не так, чтобы заинтересован в твоём аресте. Но служба обязывает. С другой стороны, если бы ты мог предложить мне нечто такое, как бы сказать, интересное. К примеру, рассказал бы о перспективах совместного сотрудничества со справедливым распределением достатка, я мог бы смягчиться, позабыть о служебном долге и оказать тебе протекцию. Как смотришь на такой вариант?

— Сколько вы хотите за молчание?

— Сто тысяч в месяц, — сказал Вадим, глядя прямо в глаза Артему. Тот так и ахнул.

— За кого вы меня держите? Столько я и за год не зарабатываю.

— Врать не хорошо. Ты в одном «Парусе» спускаешь состояние ежедневно.

Артем хмыкнул.

— Откуда вы знаете про «Парус»? Хотя чего я спрашиваю, и так понятно. Я не плачу денег за свои кутежи. Скажем, это маленькая компенсация за риск быть пойманным такими, как вы.

— Компенсация, говоришь, — Вадим пристально изучал лицо Куркова. Похоже, тот говорил правду. Неужели наркоторговцы имеют выход на владельца «Паруса»? В этом случае масштабы преступной сети поразительны, обсуждать финансовые вопросы нужно не с мелкой сошкой, а с руководством. — Тогда давай поступим иначе. Ты сведешь меня с людьми, которые всем этим заведуют. Я общаюсь с ними, мы беседуем, а ты активно

способствуешь заключению между нами соглашения.

— Они не станут платить вам сто тысяч.

— Тем хуже для тебя, — улыбка стерлась с лица Вадима, он презрительно окинул Куркова с ног до головы.

— Вы не понимаете, так просто устроить встречу не получится. Они не шибко-то и доверяют мне. Я не так давно в этом бизнесе. Если расскажу им о случившемся, они, скорее всего, просто убьют меня.

— А ты подстрахуйся. Напиши их имена или клички, словесные портреты. Глядишь, я и без твоей помощи сумею их отыскать. На худой конец, можешь их шантажировать этим фактом. Скажи, он знает всё о вас и в любой момент расшифрует базу, поэтому не резон причинять мне вред. Подействует.

— Я не уверен.

— Так! — Вадим вскочил со стула, вплотную приблизился к Артему. — Я сюда не упрасивать тебя пришел. Сам придумывай, как будешь договариваться со своими хозяевами, меня это, честно говоря, не волнует. Сроку — неделя, не справишься, я так или иначе доберусь до тебя и посажу. Понял?! Если не понял, тебе же хуже. Проводи меня!

Артем растерялся, прижался спиной к стенке.

— Дайте хотя бы месяц. За неделю я не смогу.

— Сказанное мной остается в силе. Ты либо справляешься сам, либо отправляешься в тюрьму. Надеюсь, дилемма тебе ясна? До скорой встречи, и от тебя зависит, столкнемся ли мы в следующий раз лбами или пожмем друг другу руки.

Вадим твердым шагом направился к выходу, потом замедлился, выдержал паузу.

— Я не заинтересован никого подставлять. Вот, — он закатал рукав и продемонстрировал Артему окровавленную повязку. — Я не какая-нибудь крыса, наш разговор не хитроумная уловка. Я готов сотрудничать. Донеси это до своих хозяев. Обрисуй перспективы, которые открываются для нашего, — Вадим выделил слово «нашего», — бизнеса, если вы будете действовать совместно с охранником-наблюдателем. Возможно, я несколько погорячился с суммой, готов снизить цену, скажем, до двадцати пяти тысяч, — он снова сделал паузу, якобы собрался уходить, но остановился в проходе и, не оглядываясь, произнес. — И передай им, что если я не получу согласия, ты станешь первым, но далеко не единственным, кто отправится в тюрьму. Я вскрыю весь этот гнойник, и твои хозяева будут пахать на частных там же, где и ты, если, конечно, доживут до суда. Собственник земли, знаешь ли, равнодушен к наркоторговцам. Сын, говорят, у него погиб из-за этого. Вот и происходят всякие случайности, когда то один, то другой торговец не доживает до суда. Запомнил? Так им и передай.

Произнеся это, Вадим ушел, оставив Артема одного.

...

Перед следующей сменой Киселев страшно нервничал. Ему следовало рассказать о случившемся Игорю, но не открывать подробностей соглашения, которое он предложил заключить Куркову. Дело осложнялось ещё и тем, что Олейников мог в любой момент просмотреть данные Артема и выяснит правду. Поэтому нужно первым залезть в базу и подчистить её, но сделать это так, чтобы Игорь ничего не заметил.

Олейников пребывал в хорошем расположении духа, много шутил, напевал что-то себе под нос. Вадим обрадовался. Блюстителю в крови не успели восстановиться, поэтому он беспрепятственно успеет забраться в базу данных и удалить начало разговора с Артемом.

Нужно только разговорить напарника, сделать так, чтобы он случайно не заглянул в информационную панель Киселева. Но Вадиму ничего придумывать не пришлось, Игорь сам начал болтать на отвлеченный темы, оставалось только направлять разговор в нужное русло.

— Рассказывали вчера про эти, как их называют, социальные города, — болтал Игорь. — Не смотрел?

— Нет. А о чем передача?

— Да все о том же, — неопределенно протянул Игорь.

— А конкретнее, — Вадим бросил взгляд в сторону напарника, якобы для поддержания разговора, на самом же деле хотел убедиться в том, что Игорь не смотрит на его панель. Однако, Олейников копался в собственном информационном мусоре.

— Никогда не слышал о социальных городах? Экий ты безграмотный, — сказал Игорь. — Эксперимент такой, ну или что-то в этом роде. Собственники-филантропы любят такими заниматься. Берут, значит, и организуют на своей земле сектор, да не простой, а социальный и строят там, значит, дешевенькие квартирки, для малоимущих. Арендная плата низкая, да они ее сильно и не требуют. Кричат же всякие социал-демократы, мол, дайте нищим шанс, они выберутся из ямы, в которую вы их затолкали своим неразборчивым, эгоистичным управлением капиталом, — Игорь сделал паузу.

— Ну и чего? — подначивал его Вадим, одновременно с этим косясь глазами в сторону напарника. Тот был занят. Пытаясь успокоить сердце, колотившееся, как отбойный молоток об асфальт, Киселев начал процесс расшифровки данных Артема Куркова. Процесс длительный, заговорить Игоря нужно на славу.

— Чего-чего. Эти дураки-филантропы и повелись. Настроили, значит, у себя этих секторов всевозможных. Расселили там нищих, да ещё границы открыли. Мол, приезжайте к нам малоимущие. Рассчитывали получить дешевую рабочую силу, начали рассуждать о пользе, которую приносит благотворительность. А в итоге?

— Что в итоге?

— Да ничего. Съезжаться в эти социальные зоны стали лоботрясы всех мастей. Ещё бы — за жилье платишь копейки, иногда вообще просрочку прощают. На работу никто устраиваться не торопился. На кой им это, если и так всё с неба ссыплется? Нищали они, нищали, а сектора эти, социальные, значит, районы, обрастали коростой грабежей и насилия. Женщины становились проститутками, мужики в банды шли. Изнасилования и убийства в этих секторах становились обыденным делом. Когда об этом говорили, я ещё подумал, во что бы такие сектора у нас в городе превратились, с блюстителем. Да потом вспомнил — за блюстителю-то платить нужно, не расплатишься, вылетаешь с территории города. Так что у нас эти нищие долго бы не продержались. Так вот, сектора, значит, превратились в настоящие язвы. В конце концов, все нормальные люди оттуда просто побегали. Некоторые говорили, мол, лучше на улице жить, чем среди убийц и бандитов. Страшные вещи рассказывали: и трупов они в подъездах находили, и стрельбу по ночам слышали, грабежи и драки так вообще привычными для них стали. Все, значит, рады были выбраться оттуда. Ну а осталась в этих социальных секторах самая мразь, зло в единственно верном смысле этого слова. Насильники, убийцы, маньяки и прочая шваль. Капиталисты стали понимать — эксперимент не удался. Финансировать дома перестали, арендную плату взвинтили. Так те головорезы, что в секторах обитали, за оружие похватались и давай погромы в городе чинить. Местные охранники не справляются, пришлось отряды добровольцев задействовать, чтобы мятеж подавить. Перемерло народу, что твоих мух.

Забили они, значит, этих бандитов, кого пристрелили, кого в тюрьгу отправили, кого просто выгнали. Капиталисты разорились в конец, пока с напастью боролись, их соседи поудачливее, да поумнее прикупили землю по дешевке, а бывшие владельцы сначала мелкими собственниками сделались, а потом вообще в арендаторов превратились. Правда, были филантропы, которым средств хватило побороть кризис малой кровью. Они беспорядки не без труда, но пережить смогли. И берут, значит, у одного из таких интервью. Он сначала рассказывал всё то же самое, что и я, а потом его спрашивают, скажите, говорят, а вот ваше мнение к людям изменилось или вы как были, так и остались филантропом. Он репу свою почесал, а потом махнул рукой, да как начнёт. Я, говорит, в одном убедился: нищие потому и нищие, что наполовину люди, а наполовину скоты. Чем больше, говорит, у человека денег, тем он достойнее. Не просто, говорит, так деньги эти заработать. Мне, говорит, думаете они с неба упали? Нет, говорит, пахал, как ишак. Вот и эти нищие, говорит, пускай пахут. Не должны, говорит, мы никому помогать, а если возьмемся, только самым гадким, самым мерзким поможет стать еще гаже и мерзостнее. Бедность, говорит, не порок, а вдвое хуже. О какой вывод!

Процесс перекачки данных почти закончился, но к концу подходила и история Игоря.

— Ты сам-то с этим согласен?

— Я-то? Конечно. Говорил же тебе много раз, коли мужик — деньги завсегда заработаешь. А коли не мужик, значит ничтожество. Есть, значит, в тебе что-то такое, чего быть не должно. Знаешь, как в народе говорят — бог шельму метит. Но обычно поговорку эту неверно истолковывают, начинают виноватых среди рыжих, да безногих искать, а на деле метка эта — нищета. Говорят же, вот не везёт бедолаге, туда деньги вложил, сюда вложил, все порастерял. А почему порастерял? Да потому что человек гнилой. Оно если высших сил и нету, то высшая справедливость всяко имеется. Кто чего заслуживает, то по жизни и получает. Хорошему человеку завсегда везти будет, а неудача — как раз та самая метка, которую оставляет Бог на шельмеце. Так-то, — удовлетворенно хмыкнув, Игорь закрыл документы на своей панели и откинулся на спинку кресла. Вадим чертыхнулся про себя, загрузка завершилась, осталось найти нужный кусок и вырезать его, но нельзя, чтобы Олейников смотрел на монитор.

— А не знаешь, есть в сети этот фильм? — спросил Вадим.

— Какой еще фильм? — удивился Игорь.

— Ну, про который ты мне сейчас рассказывал.

— Да то не фильм, то передача. Что, интересно стало? — хмыкнул Игорь. — Сейчас погляжу, — он снова погрузился в свою панель. Вадим быстрее прежнего стал копаться в визуальной информации, поступающей с блюстителей Артема.

— Самое интересное — реакция этих лже-политиков, социал-демократов. Оно-то все одно, что социал-демократия, что, извини за выражение, коммунизм. Подумай над их болтовней о социальной справедливости, желании все забрать и поделить. Это выходит, отнять у хороших людей нажитое добро и отдать подлецам, которых только трудом и переделать. Не зря ведь говорят, мол, труд сделал из обезьяны человека. Если хочешь жить как человек — паши. Нет такого желания — оставайся обезьяной, а за чужим лапы не протягивай. Да ты попробуй то мартышке объяснить, не выйдет же ничего. Так же с этими социал-демократами да прости за выражение, коммунистами. Хотят отобрать у людей и передать обезьянам. Разве ж это дело?

Вадим как раз закончил вырезать кусок, начал процесс шифровки и вскоре сохранил

базу на диске сервера-приемника. Можно было расслабиться и не слушать бредни Игоря.

— Но самое поразительное во всем этом знаешь что? Есть особенная категория бездельников, как их называют, деятели искусств. Так вот, они, уподобляясь социал-демократам, вечно становятся на сторону отбросов общества и прочих обездоленных. Всячески преувеличивают их страдания, зачастую опускаясь до лжи и глупых выдумок. Подобная односторонность объяснима, пишут-то они для таких же бездельников, как и сами, пудрят им мозги. Но отчего-то лживые софизмы писак, натуралистичные картины художников, якобы трогательные фильмы режиссеров производят впечатление не только на тех, кого обычно называют обездоленными. Эти лжепророки забираются к нам в души, и пытаются убедить в том, что черное — это белое, а белое — это черное. Был, правда, период в истории, и я верю, что в скором будущем он повторится, когда эти злодеи не тратили свои силы понапрасну, а восхваляли дворянство, писали о лучших людях в ущерб простолюдинов. Но даже тогда всякий так называемый творец подчеркивал необходимость заботиться о нищих, подавать просящим, делиться с нуждающимся. А глупые дворяне верили этому, раздувались от чванства и считали себя господами среди черни, устанавливали гуманные законы, восхваляли быт крестьян, находили что-то романтическое в жизни попрошаек — иначе для чего все вышедшие из этого сословия деятели искусств нет-нет да и обращались к теме обездоленных, каждый глядел на нее под своим углом — одни говорили, что о крестьянах должны заботиться господа, другие требовали для них полной свободы, третьи уравниловки — но все сходилось в одном, мол, обездоленных нужно жалеть. А ради чего, спрашивается? Если помнишь историю, были два основоположника бича человечества — коммунизма. Звали их Маркс и Энгельс. Когда о них начинаешь говорить, без крепких слов не обойтись. Оба поверхностные мыслители, вторившие французам, оба выходцы из сословия, которое презирали. Так вот, они говорили, будто как за феодализмом следует капитализм, так же за капитализмом следует социальное равенство. Несусветная глупость! Если хочешь знать, мы должны быть благодарны установлению капитализма и революциям двадцать первого века, отобравшим у государства право навязывать социальное равенство кому ни попадя. Я многократно думал о том, что произошло, если бы революции подавили, капиталисты не добились сначала послабления налогов, а потом и расформирования государственного аппарата. Бездельников всегда больше работяг, неудачников отчего-то больше, чем успешных. Но нельзя отрицать, что в конкурентной борьбе, без вмешательства третьих сил в лице неповоротливого и грузного аппарата государства, без ненужной налоговой нагрузки и социальных выплат, человек обретает себя, становится человеком. Желание купить подешевле, а продать подороже — естественное, неотъемлемое желание. Извлечь выгоду за счет своей сообразительности, обскакать кучу простаков — вот в чем секрет успешного развития. Представь на секунду, что революция провалилась, что государство лишило нас права свободно торговать, устанавливать на товары те цены, которые нас целиком и полностью устраивают. Это же застой, деградация. А что взамен? А взамен сомнительное социальное равенство и якобы гуманность. Только за равенство мы платим свободой, равенство лишает предприимчивых возможности расти, а неудачникам дает право и дальше попусту растрачивать свои силы. И как итог нас ждет повсеместное обнищание, нехватка продуктов первой необходимости, голод. К чему я веду: в отличие от лжепророков социального равенства я говорю прямо, капитализм — венец социального устройства, нет ничего лучше и справедливее. И мы должны быть благодарны тем, кто стоял у истоков крушения государств, а не социал-демократам, из столетия в столетие взывающих

тратить средства на нищих и обездоленных, и не дуракам-капиталистам, слушающим их и всякий раз несущим убытки. Поэтому и бездельникам-бумагомаракам следует петь оды не обезличенному народу, а конкретным личностям, благодаря которым мы достигли самой высокой из возможных ступеней свободы и равенства.

Вадим зевнул, посмотрел на часы. Болтовня Игоря порядком поднадоела ему. Видимо, программа произвела на Олейникова глубокое впечатление — раньше он не особо размышлял о высоких материях и сути социал-демократии. Тем неожиданнее оказался переход беседы на новые рельсы.

— Ты, кстати, почему о Куркове молчишь? — спросил Олейников.

Вадим встрепенулся, растеряно посмотрел на друга.

— Рассказывать пока нечего, — растерявшись, ответил он.

— И на какой стадии находится твой план сейчас?

— На предварительной. Готовлюсь. Думаю, как всё повернуть.

Игорь вздохнул, испытующе посмотрел на напарника.

— Я со стороны может и кажусь глупым, но на деле сообразительнее многих. Ты мне лапшу на уши не вешай, а рассказывай как есть.

— Так и говорю, — Вадим примирительно улыбнулся. — Но могу и подробнее. Где достать порошок я узнал, теперь вот собираюсь понаблюдать за домом Куркова, как появится возможность, проберусь туда и оставлю порошок на видном месте. Ты ведь не ребенок, должен понимать: такие дела быстро не делаются.

— Темнишь ты, — протянул Игорь, не сводя пристального взгляда с напарника. — Смотри, не пытайся меня обмануть. Ничем хорошим это не закончится.

— И в мыслях не было, — соврал Вадим.

Игорь вернулся к работе, время от времени продолжая делиться своими мыслями о капиталистическом устройстве и политике. Вадим почти не слушал его, а размышлял. Олейников что-то подозревает. Поверил ли он Киселеву? Вряд ли. А если и поверил, это лишь временная победа. Рано или поздно он догадается, что затеял Вадим. Как быть тогда?

«Тогда и посмотрим», — легкомысленно решил Вадим. Возводить долгосрочные конструкции в своей голове он не собирался, как правило, чем тщательнее составлен план, тем скорее он даст сбой. Положившись на удачу, Вадим стал бесцельно лазить в бездонном океане информации.

Голова трещала, глаза слезились, в ушах шумело. Вадим не сразу понял, где он находится. Вокруг темно, лицо щекочут то ли ветки, то ли листья какого-то дерева. Сам Вадим лежит на жесткой деревяшке. Киселев принялся протирать глаза, но от этого они только сильнее заслезились, боковые стороны ладоней словно бы соком перца намазали. Приподнявшись, он сумел сесть, оперся руками о деревяшку, после чего понял — он на скамейке. Зеленым водопадом сверху вниз струились листья плакучей ивы, накрывая лавочку, достигая головы и плеч Вадима. Узкие изящные листочки от малейшего дуновения ветра приходили в движение и щекотали лицо и руки Киселева. Приняв вертикальное положение, Вадим ощутил, как кровь отливает от головы. В виски словно бы гвозди вбивали. Киселев задыхался, стал жадно глотать воздух, листья и ветки ивы словно бы не пропускали сюда кислород. Упав на карачки, Вадим выполз из-под кроны дерева, оказался на широкой аллее, застеленной асфальтом. С обеих её сторон произрастали кусты и деревья, асфальт потрескался, то там, то здесь из трещин виднелись колоски травы.

Дышать стало легче, а глаза перестали слезиться. На земле прямо под собой Киселев увидел пакетик с порошком, те самые наркотики, которые он собирался подкинуть Куркову. Пакет полегчал раза в четыре. Вадим потянулся было за ним левой рукой, но распрямив ее, ощутил резкую боль, стиснул зубы, прикусив при этом язык, повалился на бок. На внутренней стороне руки от запястья до места сгиба тянулся уродливый грубый свежий порез. Кое-где он успел поджечь, но выпрямив руку, Вадим нарушил целостность болячки, в нескольких местах появились тонкие струйки крови. Он стянул с себя майку, грязную и рваную, которую никогда раньше не видел, кое-как перебинтовал ею порез и согнул руку в локте. Оказавшись по пояс голым, Вадим увидел свой торс, покрытый рваными ранами, болячками и царапинами.

— Да на мне живого места нет! — перепугался Киселев. Он ничего не понимал и не помнил, тщетно пытался привести мысли в порядок, каждая такая попытка отзывалась нестерпимой болью в висках. Глаза снова стали слезиться, а дыхание перехватило, словно бы Киселев рухнул с высоты своего роста прямо на спину. Казалось, он умирает, но приступ тут же отступил. Больше терпеть это было невозможно. Правой рукой Вадим открыл пакетик, поднес его к носу и всей мощью своих легких вдохнул. Пару секунд ничего не происходило, а потом мир вокруг заискрился. Вадим словно бы взлетел, настолько легким стало его тело. Боль ушла на задний план, осталось лишь слабое приятное головокружение. Воздух наполнился какими-то сказочными, незнакомыми ароматами, цвета сделались яркими, а внутри разлилось тепло. Сердце, до того рвавшееся из груди, сбавило темп, а взор стал ясным. Вадим ещё раз окинул местность, на которой находился: позади него стыдливая ива своими листьями, словно подолом, прикрывавшая ствол, вдоль аллеи тянулись лавочки. Многие из них заросли мхом, зато на некоторых даже краска не облупилась. А совсем неподалеку, практически на соседней лавочке, Вадим увидел человека — девушку с удивительного цвета волосами. Бледно-розовый, разбавленный то ли коричневым, то ли оранжевым. Потом Киселев вспомнил название этого цвета — циннвальдитовый. Незнакомка словно бы не замечала валявшегося посреди аллеи Вадима, погрузилась в чтение своей книги. Она была хороша собой — прямой нос, большие миндалевидные глаза, полноватые губы, тонкие брови, ярко накрашенные ресницы, небольшая правильной формы

грудь, точеные худые руки и конечно же пышные, струящиеся по плечам и достигающие талии циннвальдитовые волосы. Вадим засмотрелся на красавицу с раскрытым ртом. Опомнившись, он встал и направился напрямик к ней. Только когда их разделяло каких-то пять шагов, девушка оторвалась от книги и посмотрела на Вадима. Она быстро, но не суетливо отложила книгу в сторону и, отведя левую руку себе за спину и упершись ею в лавочку, пристально посмотрела на Киселева. От ее взгляда внутри Вадима вспыхнул настоящий огонь. Он растерялся и не знал, что сказать, стоял и пялился, в правой руке сжимая пакет с наркотиками, а левую держал согнутой. Девушка хмыкнула, улыбнулась, посмотрела на зажатый пакет. Вадим словно бы прочитал ее мысли, протянул порошок. Она несколько недоверчиво выхватила пакет из руки Вадима, взвесила в руке, снова взглянула на Киселева.

— Не пожалеешь? — спросила она. — Прилично ведь стоит.

Вадим глупо улыбнулся.

— Бери, чего уж там, — ответил он.

Она улыбнулась ему в ответ, уверенней, чем прежде, высыпала немного порошка себе на ладонь, поднесла к носу и вдохнула, после чего смешно фыркнула, зажмурилась, затряслась, скрестила руки на груди, обхватив ладонями свои плечи, томно вздохнула, открыла глаза, звонко засмеялась. Вадим тоже засмеялся, откинув голову назад, при этом чуть было не упал, но успел отставить ногу и удержался.

— Сто лет не пробовала такого хорошего, — сказала девушка, поднимаясь на ноги и отбрасывая свои роскошные волосы за спину. Она закружилась, принялась танцевать и напевать себе под нос, потом резко остановилась и посмотрела на глупо улыбавшегося Вадима. — У нас тут знаешь какую бурду продают? А ты мне угодил, красавчик.

Она снова захохотала, а Вадим подхватил ее смех.

— Только где ты так измазался-то? — ее смех оборвался так же резко, как и начался.

Вадим сначала не понял, о чем она, но потом вспомнил о болячках на торсе, вымазанных и порванных джинсах, пожал плечами.

— А с рукой что? — спросила она, поглядев на левую руку, которую Вадим продолжал держать согнутой. — Покажи мне, не бойся.

Она подошла к нему вплотную, Вадим ощутил горячее дыхание своей новой знакомой. Она нежно взяла его за запястье левой руки, заставила ее разогнуть, медленно сняла майку и, увидев порез, ахнула.

— Ты окровитель! — сказала она, глядя Вадиму в глаза. — Бедненький!

Одной рукой она погладила его по волосам.

— Тебе больно?

— Немного, — честно признался Вадим, продолжая улыбаться.

— Ну, иди сюда, я тебя приласкаю.

Задорно хихикнув, она потащила его к лавочке, заставила сесть, устроилась у него на коленях и нежно прикоснулась своими губами сначала ко лбу, потом к щеке, а в конце и к губам Вадима. Страсть охватила Киселева и, утратив контроль над собой, он обхватил девушку за талию, прижал к себе, левую руку запустил в ее удивительные циннвальдитовые волосы, и, не обращая внимания на боль, приподнял девушку и положил ее на скамейку, где они и предалися акту любви.

Когда всё закончилось, сидели на лавочке, прижавшись друг к другу. По порезанной руке Вадима струилась кровь, но он не обращал на это внимания, полным восхищения

взором смотрел на свою поразительную подругу, а она, улыбаясь лишь краешком губ, обнимала его и напевала какую-то песенку. Книжка, которую девушка читала, отлетела в сторону и валялась на земле, обложкой вверх. Вадим сумел разобрать имя автора «Ф. Тютчев». Наверное, автор государственного периода истории, потому что этого имени Киселеву слышать не приходилось.

— О чем книжка? — нарушил благословенную тишину Вадим.

Подруга посмотрела на него, широко улыбнулась, продемонстрировав свои жемчужные зубы.

— Про любовь.

— Веришь в любовь?

— Еще бы не верить, — ответила она.

Вадим едва заметно пошевелил бровями, приподнялся и поцеловал девушку, она хихикнула, ответила на поцелуй, потом опустила голову его грудь, заставляя Вадима снова опуститься, и так, растянувшись на лавочке, они пролежали ещё некоторое время. Но ничто не вечно. Краски блекли, ароматы рассеивались, легкость сменялась ломотою в костях и тупой болью — действие наркотика сходило на нет. Девушка не казалась такой уж красивой, волосы ее теперь вызывали скорее озадаченность, чем восхищение. На время рассеявшиеся мысли горой придавили Вадима к земле. Где он? Как очутился здесь? Последнее, что он запомнил — возвращение домой с дежурства, того самого, после которого собирался надавить на Куркова и, если тот откажется сотрудничать, подбросить ему наркотики и вместе с Игорем провести задержание опасного преступника. Откуда на теле Вадима столько ран, почему такой глубокий порез на левой руке? Если бы Вадим хотел пустить себе кровь, он бы сделал это в разы аккуратнее. Выходит, руку порезал кто-то другой. Нужно было начинать искать ответы на вопросы, а не бросаться в объятия первой встречной проститутки. Снова стало трудно дышать.

— Прости, — Вадим оттолкнул девушку. — Не могла бы ты подвинуться, мне не хватает воздуха.

Она с тревогой посмотрела на него, выполнила просьбу. Вадим выпрямился и стал глубоко дышать, стараясь придти в себя. Стало легче. Девушка, тем временем, подобрала книгу с земли, положила ее на ручку скамейки, стала натягивать джинсы. Отдышавшись, Вадим также надел свои рваные и грязные штаны, не глядя на девушку, спросил:

— А где мы находимся?

Наверное, она озадаченно посмотрела на него, потому что ответила далеко не сразу.

— В пригороде.

Этого еще не хватало! Пригородом назывались территории, права собственности на которые принадлежало промышленникам. В основе своей эту территорию населяли рабочие заводов, фабрик и предприятий. На улицах пригорода всегда царил запустение, существовали полностью брошенные районы, оставленные разорившимися собственниками. Соваться в пригород было опасно — здесь не распространялась деятельность влиятельных охранных предприятий, разумеется, ни о каких блюстителях в крови жителей речи идти не могло. Среди так называемой золотой молодежи — детей богачей и крупных собственников, проживавших в городе — считалось модным развлечением гулять в пригороде. На достаточном удалении от города сигнал блюстителей не достигал сервера-приемника, потому можно было отрываться на полную катушку. Опять-таки, риск пребывания в пригороде будоражил молодую кровь. Поговаривали, что убивают здесь даже за косой

взгляд. Хотя в подобные слухи Вадим не верил, он предпочел бы находиться подальше отсюда.

Пошарив по карманам, Киселев понял, что у него нет денег. Нужно как-то возвращаться в город, но в таком виде его сразу же схватят охранники. И как только они заметят разрез на руке, разом вытолкают его обратно, за пределы города. Да и опасно сейчас возвращаться. Вадим понятия не имел, что с ним произошло. Сначала нужно во всем разобраться, а потом уже принимать решения.

— Слушай, а какой сегодня день? — обратился он к девушке.

— Четверг.

— А число? — спросил он, а в голове пронеслось: «Два дня выпало из памяти!».

— Семнадцатое.

Так и есть — Вадим ничего не помнил о событиях среды и вторника. И что ему теперь делать? Выбор, в общем-то, был не велик.

— Слушай, — начал Вадим. — Если честно, я понятия не имею, как сюда попал и что со мной произошло. У меня ни копейки денег, но могу отдать тебе весь пакетик. Мне очень нужна твоя помощь.

— Это ни к чему, — обиженно сказал девушка, указав на пакетик. — Я помогу и просто так, мы теперь не чужие люди.

— Спасибо, — выдавил из себя смутившийся Вадим.

— Ты не первый, кто вот так сюда попадает, — между тем продолжила девушка. — Вечно кого-нибудь здесь находят. Обычно мертвых. Тебе больше повезло.

— Если тут так опасно, почему ты одна?

Она грустно улыбнулась.

— Волков бояться, в лес не ходить, — отвела взгляд в сторону, лицо ее напряглось, губы поджались. — Иногда становится грустно, что всё вот так приключается. Иной раз думаешь, а почему я не могу пойти туда, куда хочу? Зло берёт, срываешься и идёшь. И ничего страшного: каждый раз прихожу сюда, когда хочу побыть наедине. Тут ведь красиво. У нас в поселке ни деревца, а тут целый лес. Бродишь, бывает, потом сядешь на лавочку и читаешь запоем. Бумажные книги теперь редкость, вдвойне приятно пролистать пару страниц, ощутить их аромат. Бумага пахнет по-особенному, ты знал?

Она схватила книгу Тютчева и сунула ее прямо под нос Вадима. Запах и вправду был, но слабый и скорее неприятный, потому как первые ассоциации, пришедшие в голову Вадима, когда он ощутил его, были затхлость, пыль, сырость.

— Нравится?

Вадим неопределенно пожал плечами.

— А мне нравится, — сказала она и понюхала книгу. — Так ты собрался?

Вадим кивнул.

— Тогда идём, — она схватила его за руку и потащила за собой вдоль аллеи.

Вокруг и правда удивительно красиво. В городе, конечно, было несколько парков, но им не сравниться с величием дикой природы. Кустарники и деревья здесь росли спонтанно, никаких рядов, свидетельствовавших об искусственном происхождении, никаких следов ухода, трава густыми зарослями стелилась по земле промеж деревьев. Пару раз Вадим заметил белок, не сводивших с него своих глаз-бусинок. Из деревьев здесь росли не только ивы, но и осины, и клены, даже пару дубов встретилось по дороге. Иной раз попадались и хвойные деревья: ели, сосны, елки. Просто удивительно, как такое дикое разнообразие

уживалось тут. Девушка между тем рассказывала историю этих мест и байки, которые она подслушала в беседах.

— Сложно поверить, — говорила она. — Но давным-давно, наверное, еще в государственный период, эти места были частью города. Старики рассказывали, что аллея сохранилась лучше, чем дорога, которую еще лет пятьдесят назад можно было видеть с обеих сторон. Я, поначалу, не верила в эти рассказы, но потом оказалось, что это чистая правда. Видел когда-нибудь старинные карты? Почти никто не видел. А один мой знакомый эти карты достал, и оказалось, город раньше был куда больше, чем сейчас, да вот только жители побросали свои дома и ушли. Я долго пыталась понять, отчего так получилось. Поначалу думала, дело в банкротстве собственников: обанкротились, землю за гроши продали, а рабочие остались без зарплат и разъехались кто куда. Но я ошибалась. Оказывается, землю стали бросать, когда собственники ее начали приобретать и накручивать арендную плату. Те, кто посостоятельнее, перебрались в центр города, я имею в виду старый город, бедным пришлось отправляться в поселки промышленников. Когда жители уехали отсюда, хозяин опомнился, стал снижать арендную плату, но почему-то никто уже не рвался снимать здесь жилье. В итоге землю продали, она скакала из рук в руки, в конце концов, её бросили. Теперь и черт не сыщет хозяина этой аллеи, да и не нужна она никому — заводы здесь не построишь, город расширять сюда смысла нет. А ведь когда-то в этих местах кипела жизнь. Как подумаешь обо всём этом, мурашки по коже бегут. А у тебя такое бывает — представляешь себе прошлое, и настоящий восторг охватывает, так и хочется очутиться в те древние времена, когда люди почти ничего не знали, посмотреть, как жили раньше?

— Нет, — коротко ответил Вадим.

— Слухи про эту аллею всякие ходят. Я, правда, редко кого здесь встречала, но сама видела, как отсюда несколько раз выезжала машина с покойниками. Говорят, похищенных людей свозят куда-то в эти места и в заброшенной больнице вырезают органы. Якобы, потом эти органы пересаживают тем людям, чьи родители не сумели заплатить генным инженерам за формирование здоровых хромосом ребенка. В эти сказки я не верю. Если уж человек может позволить себе купить контрабандные органы, заплатить инженеру его родители в состоянии.

— А как же новое поколение предпринимателей?

— Да это тоже сказки, — отмахнулась девушка. — Ты видел хоть одного из них? Я ни разу. Все только и твердят — придут молодые предприниматели, купят землю, начнут дело, рынок всё расставит по своим местам. А на деле — умирают родители, собственниками становятся их дети. Если обанкротятся, так дети других крупных собственников на подхвате, выкупят землю или заводы себе. Так и кочует собственность от одной семейки богачей к другой, а арендаторам никогда и ничего не перепадет. Другие, — вернулась она к истории аллеи, — рассказывают, что здесь промышляют торговцы наркотиками. В городе-то нельзя, засекут охранники, а здесь сколько влезет. Якобы детки богатеньких сюда приезжают, закупаются и отрываются на полную катушку. Родители их на такие развлечения смотрят сквозь пальцы. Как думаешь, может быть эта версия правдой?

Вадим пожал плечами.

— Можно и в городе достать, если есть желание, — заметил он. — Сама городской товар нюхала.

— Я тоже думаю, о наркоторговцах это басни. А скорее всего здесь просто промышляют банды. Разбираются друг с другом. Гильзы от патронов знаешь, сколько раз здесь находила?

Не сосчитать. Оно у нас в поселках и так стреляют часто, а собственники, якобы, подначивают. Говорят, будто бы таким образом они от конкурентов избавляются, но пока безуспешно. У нас тут полно заводов и у каждого свой хозяин. Правда, от смога не продохнуть.

Только после этих слов Вадим понял, в чем дело, почему ему так трудно дышать. Воздух здесь и вправду тяжелый, сероватый, неприятно пахнущий. Неудивительно, что поначалу он задыхался, наверное, с непривычки.

— А как же забота об окружающей среде? — несколько удивился он.

Фраза отчего-то насмешила девушку. Она долго хохотала, хлопала в ладоши.

— Фильтры дорогие, собственники на них никогда тратиться не станут, а заставлять их некому. Правда, как-то раз собрались в нескольких поселках демонстрации, так собственник земли издал закон, согласно которому, на его территории демонстрации запрещены. Не устраивают условия — съезжайте. Так и сказал. Повозмущались-повозмущались, да только делать нечего, разошлись. Ходят слухи, что из-за газов этих люди меньше жить стали. Один старик своего сына в пример приводил. Говорит, сын уже старше его выглядит, а всё потому, что в детстве газов надыхался. Он хоть сейчас к станку идти готов, а сын совсем уж развалюха, чуть поработает и тут же с ног валится. А ещё рассказывают, что давным-давно, в государственный период, а то и раньше, был такой город — Лондон. Ну, так вот, якобы там от смога несколько тысяч человек однажды умерло. В это мне не верится.

— У-у-у, — неопределенно протянул Вадим. Душещипательные истории его никогда не трогали.

— Но есть и преимущества по сравнению с городом. Арендная плата низкая. Площади, правда, небольшие. Бывает, на двадцати квадратных метрах по пять-шесть человек живет. Неудобно, а что делать-то? Денег нет переезжать. Ты спрашивал, чего я сюда хожу. А потому и хожу — от семьи и соседей отдохнуть надо, дома даже спать тяжело, окна узенькие, солнечного света почти нет. Не люблю я там сидеть. Когда-то даже в город мечтала перебраться.

«В публичный дом тебя, пожалуй, взяли бы», — подумал он, вспомнив, какой умелой девушка оказалась в амурных делах.

— А то у нас по-настоящему страшно жить. Я хоть тебе сразу и не призналась, но здесь себя спокойнее чувствую, чем в поселке. Сама знаю нескольких человек, которым в голову пулю пустили посреди бела дня. А есть ещё у нас болтуны. Противные такие, гадости про нас, рабочих, рассказывают. Вы, говорят, и не люди вовсе, а так, и на землю плюют, — она вдруг всхлипнула.

Вадим озабоченно посмотрел на нее.

— Есть, говорят, Европа, а есть Азия. Где Европа, там хорошо, где Азия — плохо. Вот говорят, где мы, там плохо, там и Азия, народы, что в государственный период сформировались, якобы несут в генах метку, из Азии они или из Европы. Вот, говорят, если уехать в Европу, там и рабочие другие, живут в нормальных условиях, чисто у них, убрано, никто не мусорит. Потому что народ другой. А вы на варварском языке разговариваете, на котором давным-давно никто не говорит, да еще и с меткой в генах «Азия», вот потому, говорят, так и живете. Я им: глупости всё это, будь такая метка, генные инженеры ее бы давно исправили. А они только в ответ смеются. Нет, говорят, народ вы гнилой, мы хоть с такой же меткой, да только признаем, что гнием, а раз признаем, значит выздоровеем. А вот когда таких как вы не станет, которые себя ущербными не признают, тогда только и заживем

хорошо. Глупости ведь, правда?

Она посмотрела на Вадима в поисках поддержки. Её глаза налились слезами, было видно, что чьи-то там слова девушку сильно задевают.

— Конечно, правда. Нет никакой метки. И здесь, и на западе, и на востоке одинаково живут, просто нам небылицы специально рассказывают, как о новых собственниках. Надо же нам во что-то верить и надеяться. Вот и придумывают.

Слова Вадима утешили его подругу, она снова заулыбалась.

— А ты умный, — сказала девушка, и от этих слов Вадиму отчего-то стало приятно.

Между тем окружающий пейзаж менялся. Лес редел и исчезал, ему на смену приходили разваленные домишки, покрытые мхом и повитью. Лужайки у домов заросли клевером и отцветшими одуванчиками. Строения выглядели жалко: разваленные стены, изрисованные баллончиками, исписанные ругательствами, вокруг здоровые камни, битые бутылки, обломки бытовых приборов. В стороне от домов можно было различить трансформаторные подстанции, с которых давно сняли и провода и трансформаторы. Всюду бегали довольно крупные собаки. Чем они питались неизвестно, но выглядели тощими и облезлыми. Удивительно, но у некоторых домишек можно было различить следы пребывания людей. Больше того, попадались и сами люди: на развалинах крутились дети, одетые в обноски; вдоль дороги шли взрослые, несмотря на теплую погоду, кутавшиеся в вязаные платки; полуголые старики валялись под заборами, по виду они пили без просыху не первый год. Встречались и совсем уж опустившиеся личности: у этих глаза бегали, из одежды иной раз были только трусы. Вели они себя агрессивно, выкрикивали ругательства в адрес прохожих, подхватывали с земли камни и бросались в Вадима с девушкой, голосили во всю глотку, выкрикивали бессвязные лозунги. Однако, смелостью не отличались — большинство из них держалось в стороне от дороги, сделав гадость, они подобно детям стремились быстро убежать, скрыться в ближайших развалинах. Правда бывали и исключения. Один из тех, кого Вадим отнес к вконец опустившимся, стоял у покосившейся калитки и, заметив Киселева и его подругу, бросился навстречу. Вадим напрягся, приготовился ударить того, но мужчина застыл в нескольких шагах от них и, двигаясь спиной вперед в том же темпе, в котором Вадим шел, стал строчить (нормальной речью назвать это было нельзя):

— Вы помните Александра Макендонского из ФСБ? Говорят, он выполнял задание, не погиб в Афганистане еще в догосударственный период. Я был с ним знаком. Мы, кстати, встречались в университете продуктоведения? Насколько я помню, под семнадцатым номером числился Исаев, он тоже работал в ФСБ, правда, его никогда не существовало. Тогда был мокрый денек, а я весь сухой и чистый, как будто принял душ. С Македонским столкнулся, когда потерял патрон. Меня представил Исаев, да только шел дождь, а продукты купить не успел. У меня тут деньги, нужно заплатить за хлеб, а то ветчина кончится, а съесть не успеем. Вы, кстати, не видели моего родственника? Он большой, серый и с кнопкой, открывается, если на кнопку нажать... — он говорил ещё много, но Вадим так толком и не вник в суть. Речь вроде бы и связная, а понять о чем говорит невозможно. Наконец, мужчина от них отстал.

— Сумасшедший какой-то, — выдавил из себя напуганный туманной и бессвязной речью незнакомца Вадим.

— А их тут много, — ответила девушка. — Содержание в больнице дорогое, не все родственники готовы платить за сумасшедших, собственники клиник работают только с платежеспособными клиентами. Тех безумцев, за которых платить некому, выгоняют за

пределы города. Они разбредаются по поселкам, но и там их не принимают, так они и оказываются в подвешенном состоянии, бродят туда-сюда, селятся в брошенных домах. Я их здесь постоянно вижу, где они находят пропитание, ума не приложу. Но собственники их недолюбливают. Если сумасшедший умирает, хоронить его приходится за счет капиталиста. Мне дед рассказывал, что собственники редко когда платят за погребение, чаще предпочитают выкидывать трупы в ямы на необжитых землях, этакие братские могилы. Как яма до края заполнится, бульдозер ее землей засыпает, так проблему и решают. Вроде бы по деньгам дешевле выходит, чем платить за место на кладбище. Дед говорит, кладбища раньше были огромные, и было их куда больше, а теперь, когда хоронить обездоленных приходится капиталистам, могил стало куда меньше, потому что от трупов избавляются массово.

— Всю совесть порастеряли, — налюбовавшись окружающей обстановкой Вадим уже ни в чем не сомневался, был готов поверить в любую байку, которую ему расскажут об этих местах.

— Это ещё что, — продолжила девушка. — Знаешь где больше всего убийств происходит? Как раз здесь, в предпоселочных секторах. Охранные фирмы и так неохотно работают с поселками, заплатить много рабочие не могут, а некоторые и не платят, чаще всего те, кто грабежами и планирует промышлять. Собственник эту землю забросил, говорят, нашему хозяину хочет спихнуть, да только тому она не нужна. Сам видишь, что здесь творится. Вот и промышляют здесь бандиты. Ты спрашивал, страшно ли мне, когда я одна сижу на лавочке в аллее. Нет, мне не страшно. А когда иду через этот участок, внутри вся дрожу. Подруга рассказывала, её брата прямо у нее на глаза здесь застрелили. Бандит бесцеремонно обшарил его карманы, забрал всё ценное, потом и у сестры потребовал отдать. Та так напугана была, что и думать не думала перечить ему, карманы вывернула, с шеи цепочку сняла, которая ей якобы от прабабки досталась, лишь бы живой остаться. Он её так и не тронул. Поговаривают, это осиное гнездо не бередят только потому, что охранники сами имеют процент с разбоя, который здесь чинят. У вас в городе хорошо — собственник за охрану платить обязал. А нашего сколько об этом не просили, всё не в какую. Люди говорят, это оттого, что ваш с охранниками соглашение заключил, процент имеет, а наш до этого не додумался, да и порядок здесь наводить ему ни к чему — он больше с разбоя заимеет. В таких условиях только низкооплачиваемые рабочие и соглашаются трудиться, а ему другого и не нужно. Они-то приезжают работать, в надежде поскорее перебраться в город. Думают, чуть здесь поработают, денегат поднакопят и переедут. Раз город недалеко, так и добраться туда несложно. Ан нет. Вон по соседству с нами живет семья, ничего для них не меняется. Как с хлеба на соль перебивались, так и продолжают перебиваться. Глава семьи все время ворчит, дед, так тот открыто возмущается, жена молчит, терпит дети — брат с сестрой — от всего этого уже порядком устали. Одна у них радость и надежда: увидели, что девочка смазливой выросла, давай щебетать — красавица ты наша, найдешь себе мужа городского, про нас не забывай. Мы тебя выкормили, вырастили, рядить тебя будем. И правда, покупают платья на последние деньги, а есть дома нечего. Хотят отправить учиться в городской университет. Вся семья на дочь работать собирается. Как подумаю об этом, противно становится. Они ведь не для девочки стараются, а для себя, она для них разменная монета, словно товар какой-нибудь. Выдать замуж, как на рынке сбыть. Сердцу же не прикажешь — не полюбит она городского, что тогда? Я с ней в хороших отношениях, заметила, что она сама не в восторге от происходящего, посоветовала ей поговорить с родителями. Так только она заикнулась, что не горит желанием становиться содержанкой, мать на неё, как на

сумасшедшую посмотрела. Ты, говорит, иди тогда гуляй с лунатиками(мы так сумасшедших называем). Городской, говорит, тебя не устраивает. Да если бы у меня, говорит, твоя внешность была, никогда бы здесь не сидела. Их пацану, помнится, ту же самую лапшу на уши вешали, на успех его настраивали. Толкали его в город — учился он неплохо — получить какой-нибудь грант собственников-промышленников. Надеялись, он конкурс выиграет, денег на подготовку не жалели. А в итоге? Продул с позором. Здесь-то он звездой был — ещё бы, один закончивший все восемь классов, в поселке у нас таких нету — шестнадцать лет как исполнилось, давай сразу на работу, на заводе пахать. Дед их по этому поводу всё время издевается, мол, чтобы вытачивать запчасти, физика с математикой не нужны. Теперь вот на дочку надеются. Так и живем. Тяжело мне на всё это смотреть, понимать, что происходят мерзкие неправильные вещи, а поменять ничего нельзя. Знаешь, о чем мечтаю? Путешествовать хочу, уехать отсюда поскорее, забыть весь этот кошмар, да по миру поездить.

— А что ты там не видела? — спросил Вадим.

— Западные города, восточные анклавы — много чего не видела. Хочется узнать, как живут люди в других местах.

— Был я и в западных городах, и в восточных анклавах, поверь мне, смотреть там не на что. На востоке работают, на западе потребляют. А мы тут застряли в подвешенном состоянии. Не знаем, чего нам делать — то ли работать, то ли потреблять. Если работать, то нечего возмущаться приедем с востока и юга. Они за куда меньшие деньги готовы впахивать. А если потреблять, так нужно учиться деньги копить и тратить. Ехать на запад нужно, но только на постоянное жительство. Там между городами и путешествуй. А на востоке делать нечего, — Вадим приложил указательный и средний пальцы к шраму на правой стороне его груди. — Заработал на юге, когда там впахивал. Там сначала стреляют, потом разбираются. И все мечтают уехать. Правда, лицемерят куда больше нашего. Друг перед другом нахваливают своих собственников, да родные города, но только им шанс представится, сразу сюда, на север, а отсюда на запад. Так что путешествовать нечего — на запад поедешь, денег не хватит, на восток рванешь, могут и убить. Если уезжать отсюда, то только на запад и навсегда.

— А как же рассказы про благородных арендаторов, которые всё бросают и едут на восток, узнавать другую сторону жизни? — спросила она.

— Я таких не встречал. Да только если они и существуют, ничем от ваших лунатиков не отличаются. В жизни один смысл и зависит он от того, где ты живешь. На западе ты деньги должен тратить, на востоке производить то, на что тратят деньги на западе. Это как пищевая цепочка: восток травоядное, а запад хищник, даже, пожалуй, всеядное, вершина цепочки. А я хочу быть на верху, а не ждать, пока кто-нибудь меня сцапает.

— Но ездят же на восток и жители запада, тратят там деньги.

— Ты о курортах? Есть такие места, чуть ли не стенами огороженные. Всё этим заповедникам нипочем: война ли за стеной, нищета ли, голод, на курорте спокойно — купайся себе в огороженной зоне, дальше ста метров от берега не заплывай, людей столько, что не протолкнуться, трати кучу денег. Но роли от этого не меняются. На востоке так и продолжают работать, чтобы деньги получить, а на западе их только тратят.

— Не могу понять, откуда тогда деньги берутся на западе?

— Сразу видно, что ты не образована, — Вадим вспомнил очередную цитату из Пустобрехова. — Со времен величайшего в истории человечества изобретения — кредитных

карт — деньги утратили свою материальную сущность целиком и полностью. Как колесо перевернуло человеческое сознание и заставило восхищаться гармоничностью круга, так и кредитные карты заставили восхищаться своим нематериальным наполнением, позабыть о том, откуда деньги берутся и куда они деваются.

— Я ничего не поняла, — честно призналась девушка.

— А чего тут понимать. Деньги — это цифры, спрятанные в кредитной карточке. Какие цифры нужны, такие и рисуют. На западе их рисуют большими, на востоке маленькими, едва хватает на пропитание.

— Но не могут же эти цифры быть просто подвешены в воздухе. Должны же они чем-то обеспечиваться. Помню, когда я училась, нам говорили, что деньги — это золото.

— Ты видела это золото? Нам тоже глупости в школе рассказывали. Есть, мол, золотохранилища, которые обеспечивают цену денег, обязательства Центральных банков, курсы между валютами определяются путем перетока золота и обязательств из одного города в другой. Только я этих хранилищ и обязательств никогда не видел, а вот цифры на карточке — тысячу раз. От этого давай и будем отталкиваться. Метод Пустобрехова — анализ реальности, данной нам в ощущениях.

— Тогда почему западу отвели роль всеядного, а востоку травоядного?

— Законы рынка, — расплывчато ответил Вадим, потому как и сам не знал ответа на этот вопрос, а ударить в грязь лицом перед девушкой не хотел. Правда, тут же он вспомнил подходящую цитату из Пустобрехова. — На востоке собственникам легче производить, а на западе тратить. Закон анизотропии пространства академика Гнилина. Плюс ко всему, на западе демократия, права человека охраняются, а на востоке их нет, там у народа другой менталитет. Собственников они недолюбливают, всё забрать да поделить между собой рвутся.

— Если дело обстоит так, как ты говоришь, и деньги берутся из неоткуда, тогда почему коренные жители запада так недолюбливают приезжих с востока?

— А ты думаешь неоткуда резиновое? Деньги, как квинтэссенция субстанции неоткуда, тоже не резиновые, кончатся сразу, как только их тратить будет не на что. До гениального простая мысль высказана философом Пустобреховым. Он первый дал строгое и совершенно ясное определение деньгам. Только вдумайся: деньги — нематериальная субстанция, существование которой обусловлено оборотом материи неодушевленной материей одушевленной. Денег только тогда много, когда мы их тратим. Отсюда следует великий парадокс Пустобрехова — чем больше денег мы тратим, тем больше их становится. Поэтому долг каждого человека — тратить, тратить и тратить. Брать кредиты, покупать что угодно по какой угодно цене, главное — не задерживать товарооборот, набирать темпы. Нечего откладывать на будущее, заботиться о старости. Пустобрехов так и говорит — живи сегодняшним днем, трать всё, что у тебя есть и тебе зачтется. Ведь чем больше денег мы потратим, тем больше их станет, а значит в будущем и нам что-нибудь да достанется. Понимаешь?

Девушка с циннвальдитовыми волосами с нескрываемым восхищением смотрела на Вадима. Это не укрылось от Киселева, воодушевило его, потому он продолжил делиться философскими идеями, которые извлек много лет назад из электронной книги.

— Сейчас и я ясно понял главную причину того, почему на западе люди богаче, чем на востоке. Сама не догадалась? А всё дело в том, что на востоке всегда откладывают, копят, не хотят тратить. Ну, разве можно представить себе хоть одного жителя востока, который

спустит всю зарплату на брендовую вещь? Да никогда. По себе суди. Вы ведь нет-нет, да и откладываете на черный день. Так этот день непременно настанет, если на него копить. Деньги — самый милосердный из всех богов, но бог этот особенного рода. Его, как и остальных богов придумали люди, но в отличие от Зевсов, Яхве и Перунов деньги реальны, осязаемы и требуют самого гуманного жертвоприношения — самих себя. Тех, кто пренебрегает поклонением божеству, оно непременно наказывает, в том числе черными днями, на которые эти глупцы и копят. Жалеешь деньги, жалеешь и для денег. Теперь видишь, отчего режимы, так или иначе ставившие своей целью какие-то невнятные идеалы, будь то социальное равенство или правовое, терпели крах? Да потому что в отличие от капитализма они не провозглашали архиважности растраты средств. Только капитализм позволяет тратить не столько, сколько стоит вещь на самом деле, а в десятки, сотни, тысячи раз больше! Начни сейчас продавать продукты по аховой цене и денег разом станет больше — тратить-то придётся тоже больше.

Девушка задумалась, хоть Вадиму и казалось, что он разжевал мысль дальше некуда.

— У нас в поселке попадаются люди, которые не согласятся с твоими словами, — поразмыслив, сказала она. — Они уж точно не считают деньги чем-то вроде бога. Они говорят о другом и говорят, надо признать, так же убедительно, как и ты.

— О чем же они рассказывают?

— О том, что деньги — это от дьявола, а не от бога.

Пока они беседовали на отвлеченные темы, поросшая травой дорога становилась шире, плавно превращалась сначала в грунтовку, а затем обрастала асфальтом. Впереди маячил поселок рабочих.

Лишь многоэтажные строения, никаких мелких домиков и развалин, всё плотно скомпоновано, словно бы невидимая преграда не позволяла строить вширь. Грозно возвышаясь, дома выглядели уродливыми и старыми. Верхние этажи облеплены копотью, нижние размалеваны красками. Машин здесь непривычно много. Чем ближе к поселку приближались Вадим и его подруга, тем оживленнее делалось движение. Вокруг стоял специфический резкий неприятный запах выхлопных газов и чего-то ещё. На горизонте виднелся стройный ряд труб, каждая из которых чадила непроницаемо черным дымом. В стороне высилась цепь труб поменьше, но дым валил из них пугающе яркий — красный, синий, оранжевый — и подниматься вверх, подобно черному, он и не думал, а напротив, вырвавшись из жерла трубы, каскадом устремлялся вниз, к земле. Неудивительно, что поблизости от меньших труб не располагалось никаких зданий. В принципе, поселок походил на город, только был в разы грязней. Вид полуобнаженного Вадима по всей видимости никого не удивлял, а отсутствие реакции всё больше удивляло Вадима.

— У нас бы такого, как я давно повязали. Где же ваша служба безопасности?

— Тсс. Меньше говори и тебя никто не тронет, — ответила девушка.

Они некоторое время петляли по кривым улицам поселка, пока не выбрались в спальный район.

— Куда тебя вести? — спросила она. — Могу, конечно, и к себе, но квартирка у нас совсем маленькая. Может лучше в больницу? Только туда без денег не пустят, а у меня ни копейки с собой.

Вадим пожал плечами.

— Мне буквально на день, одежду найти, привести себя в порядок. Может, знаешь кого-то, кто позволит мне переночевать?

— Есть и другой вариант. Мы достанем денег, — сказала она. — За твой пакетик здесь хорошо заплатят.

— Там осталось всего ничего.

— Все равно. Продадим?

— А ты знаешь, кому? Уверена, что нас не поймают?

Она усмехнулась.

— Нам в школе рассказывали, якобы в государственный период полицейские получали часть прибыли наркоторговцев, но с тех пор, как частные фирмы взялись за охрану, эту порочную практику удалось прекратить. Не знаю как где, но у нас эта история не подтверждается. Если торговцы не наглеют и вовремя платят, охранники их не трогают.

— Хорошо, пошли, — согласился Вадим, понимая, что других вариантов у него нет.

— Заскочим к моему приятелю, а потом пойдем к торговцу, сбыхаем твою наркоту, — приятно улыбнувшись, сказала девушка.

Она жестом пригласила Вадима следовать за ней. Миновав двор, они вышли к пустырю, через который неизвестно с какой целью тянулся забор. Нырнув в отверстие, вырытое прямо в земле, для чего пришлось согнуться в три погибели, Вадим с девушкой перебрались на другую сторону. Здесь было тихо, никого вокруг не видно. Киселев выпрямился, осмотрелся.

— Куда дальше? — спросил Вадим.

— Жди, — ответила девушка и ушла.

Ожидание затянулось, Киселев начал нервничать, но тут в проходе, через который они сюда пробрались, послышался шум.

— Что-то случилось? — донеслось откуда-то из-за забора. Голос показался Вадиму знакомым.

— Иди сюда, тут товарищу помочь надо, — сказала девушка.

В следующую секунду в проходе появился согбённый мужчина. Вадим сразу узнал человека — то был Артём Курков. Киселев попятился, но было поздно — Артем тоже заметил его.

Запыхавшаяся, с растрепанными волосами и трепещущим сердцем, Агния Доронина прижалась всем телом к своему любовнику. Он обнял ее, посмотрел прямо в глаза, а уже в следующее мгновение оба поднялись на вершины блаженства. Удовольствие пульсациями растекалось по всему телу, Агния громко застонала. Кирилл впился ей в шею, его горячее дыхание обдало плечо женщины. Потом они лежали в объятиях друг друга, наслаждались тишиной, нарушаемой лишь их шумным дыханием. После секса двух влюбленных даже молчание становится по-особенному ожидаемым. Всё ясно и без слов: Кирилл смотрит на Агнию, а она на него, взгляды полны радости и счастья, той особенной категории счастья, которое по-настоящему можно разделить с другим. Агния никогда не начинала разговоры в постели первой: хотелось позабыть обо всём на свете и побыть в обособленном мире с любимым, где каждая секунда приятнее и длиннее целой жизни, чуть дольше.

Кирилл отвел взор, тяжело вздохнул. Всё-таки мужчины слишком погружены в повседневные заботы, им не дано познать всепоглощающей радости любви, они чрезмерно приземленные. Увы, но парить в одиночку женщины не могут, вслед за мужчинами опускаются вниз.

— Ты знаешь, мы могли бы уехать. Сегодня же, — сказал Кирилл. — Я проверил счета, нам нет нужды ютиться на выселках, нам по карману квартиры западных сити. Так почему мы остаемся здесь?

— Ты знаешь, — тихо ответила Агния. Она не хотел поднимать эту тему, перемытую не один десяток раз.

— Знаю, — сказал Кирилл. — Но это не может продолжаться вечно. Твой брат рано или поздно поймет, что может обойтись без нас.

— Давай не будем говорить об этом сейчас, — попросила Агния.

Кирилл помолчал, словно бы раздумывал, делиться с нею своими мыслями или нет.

— Сегодня на одной из точек продали «гремучку». Клиент вроде как раньше жил на выселках, поэтому ему поверили. И вены вроде были порезаны, — Кирилл снова вздохнул. — А потом выяснили, кто это. Он и правда жил тут раньше, пока не устроился охранником-наблюдателем.

Агния встрепелулась, испуганно посмотрела Кирилла.

— Под нас копают, пока неофициально. Но мне все равно страшно. Заметила, как часто мы меняем курьеров? А твой отец, вспомни, о чём он нам рассказывает? Рейды в пригородах участились, из центральных областей доходят вести о мобилизации. Что-то намечается. Очень крупное, нам не по зубам. Я тебя прошу, поговори с отцом, попробуй упросить сына, хоть на колени перед ним встань. Пойми, Агния, нужно уезжать, и чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

— Он меня не слушает, — потупив взор, ответила Агния.

— Он взрослый, сам решает, как жить. Ты не можешь нянчиться с ним и дальше. Подумай о себе, обо мне. Ты ведь знаешь, я без тебя никогда не уеду!

Агния молчала. Она обиделась на Кирилла. Он не имел права говорить ей обо всём этом. Зачем, зачем было снова возвращаться к теме, которую она многократно просила не поднимать?!

Тут зазвонил телефон. Кирилл нехотя ответил.

— Алло, — сказал он. Из трубки донеслась торопливая речь. Разобрать слов Агния не смогла, но узнала голос Бормана. — Что?! — крикнул Кирилл, его лицо исказилось гневом. — Решай его, решай! Почему нельзя? Да, будем. Скажи, пускай приезжает немедленно. Да плевать, когда он пускал себе кровь в последний раз, пусть сделает это снова. Всё, до встречи.

Кирилл повесил трубку и посмотрел на Агнию полными тревоги глазами.

— Борман, — сказал он. — Курьер, на которого ты нас навела. К нему сегодня пришел некий охранник-наблюдатель. Предложил сотрудничать. За помощь требует двадцать полновесных. Угрожает, говорит, арестует сначала курьерчика, потом за нас примется. Собирайся, идти нужно.

...

Закончив рассказ о встрече с охранником, Артем стыдливо опустил глаза. Агнии было по-человечески его жалко. Он так напоминал ей сынам — те же волосы, те же глаза, даже своей доверчивость и простотой он в точности копировал Толика. Она вспомнила, как встретила его впервые. Такой же расстроенный, как и сейчас, он ходил из кухни в комнату и обратно, бормотал что-то себе под нос и неловко торговался, стараясь сбить цену. Тогда ей стало нестерпимо жалко этого паренька. Поэтому она и рекомендовала его Кириллу. Да, втягивать мальчишку в наркоторговлю — не слишком-то большая помощь, но Агния видела, что происходит с сотнями таких, как он, которые однажды переезжают из центра на выселки. Поначалу, когда у них еще есть деньги, они убеждают себя, что выкарабкаются. «Я найду работу», «Они еще пожалеют, что уволили меня», «Теперь передо мной открываются перспективы», «Я займусь своим делом» — эти и многие другие дежурные фразы день ото дня повторяют они. Но жизнь не становится лучше. С очередным отказом они мрачнеют, если же их принимают, они так и загораются надеждой. Но даже когда находят работу, платят им копейки, едва хватает покрыть аренду. Через год-два, самообман перестает действовать, они начинают пить, пить по-черному. Хуже всего, если к этому сроку они обзавелись семьей. Вспылит такой отщепенец однажды, поднимет руку на супругу, его штрафуют, снова бросится на благоверную, которая теперь и рада от него избавиться, выселяют. Так их жизнь и заканчивается, за пределами города, в каком-нибудь богом забытом поселке, где их настигает цирроз, нож в спину во время пьяной потасовки или до банальности глупый и до слез в глазах несчастный случай. Все они, вынужденные перебраться из центра на выселки, заканчивают одинаково. Агния не знала, отчего так, ведь выбираются отсюда люди, да и здесь живут, всяко лучше, чем в промышленных поселках, где дышать и то невозможно. Но видимо те, кто возвращаются на выселки, в глубине души сломались. Они сами не верят в свою ложь с самого первого дня, понимают — вернулись сюда навсегда, а потому не видят смысла стараться и дальше, сдаются и живут по инерции. Сколько протянет каждый из них, зависит от того, какую финансовую массу он успел сколотить за предшествующие годы.

Агния не хотела, чтобы Артем закончил так же, поэтому и предложила сделать его курьером. К тому же, она сразу поняла, что он недавно пускал себе кровь. Слабость была различима в каждом его движении, неестественная бледность и длинные рукава в теплую погоду довершали картину.

Тогда Агнии казалось, что она спасает его, но теперь, похоже, ей суждено стать причиной гибели этого несчастливца.

— Что мне делать? — отчаявшись дожидаться ответа, нарушил затянувшееся молчание

Артем.

— Это ты у меня спрашиваешь? — Кирилл, метавшийся из угла в угол, остановился и вперил в него свои пылающие очи. — Тебя предупреждали — не кути, не шляйся в «Парус» часто, рано или поздно деньги станут предметом зависти и пересудов. А там и до подозрений недалеко. Нет налоговых, говорил мне ты. Они меня не вычислят, пытался меня убедить. А я ведь повторял тебе снова и снова: денежные вопросы всегда интересуют окружающих. И без налоговой найдется какой-нибудь доброхот, который захочет узнать, откуда у тебя столько. Блюстители, кричал ты, неприкосновенность личной жизни, они не посмеют. Ан нет, вышло, как говорил я, посмели!

Кирилл подскочил к нему, схватил за грудки и прижал к стене.

— Теперь ты поставил под угрозу нас всех. Ты осознаешь, что у них есть методы заставить тебя говорить? Понимаешь, что нам ты не нужен живым?

— Он предупреждал — если убьете меня, они начнут тщательное расследование. По его словам у нас в городе не бывает нераскрытых убийств, — затрепетал Артем.

— Значит, твоё станет первым! — рявкнул Кирилл, но при этом отпустил Куркова.

— Я думаю, — снова заговорил Артем, — нам нужно принять предложение. Знаю, моей доли не хватит, чтобы покрыть его запросы, но быть может мы могли бы договориться. Я бы начал больше работать, к тому же он мог помочь нам найти новых покупателей.

Кирилл захохотал.

— У нас свои методы поиска новых покупателей, твой охранник нам ничего дать не может, — сказал он. — Ты хочешь привести его сюда, а откуда нам знать, что это не уловка? Вдруг они пытаются выйти на нас? В суде у них ничего не будет, а так мы сами предоставим доказательства своей виновности, фактически, явимся с повинной.

— Но я видел — у него порезаны вены.

— Ух ты! Порезаны вены — непременно окровитель. А ты не думал о том, что можно просто порезаться, остановить кровь, а потом явиться на встречу с подозреваемым, наплести ему с три короба и при этом разговор будет фиксироваться блюстителем?

Артем замолчал, осознав, что Кирилл дело говорит.

— Шеф, — в разговор вмешался Борман. — Есть и другой выход. Избавиться от охранника.

— Ты-то куда? — разгоряченный Кирилл сразу перешел в наступление. — Ладно, этот ничего не смыслит, — он кивнул головой в сторону Артема, — но ты-то должен знать — убить охранника безнаказанно не получится. Только проблем себе наживем.

— Кто сказал убить? — ухмыльнулся Борман. Взгляды всех присутствующих в момент оказались прикованы к нему.

— Тогда рассказывай, чего надумал, — разрешил заинтригованный Кирилл.

— «Гремучка» с опиумом или героином по слухам дает неплохой эффект, — невозмутимо продолжил Борман. — Мозг, — он постучал себя по черепушке, — вырубает по полной. Сколько наркош с катушек слетело из-за этого? Ввести состав ему в вену и вышвырнуть где-нибудь за городом. Даже если головой не повредится, вынесет себе печень. После тщательно подобранной дозы такого коктейля долго не живут.

— Это всё равно убийство, — возразил Кирилл.

— Но подумай, как выглядит со стороны. Охранник-наблюдатель обрубил блюстителей, значит, пускал себе кровь, ушел в загул, захотелось побаловаться наркотиками, но по неопытности дозу не рассчитал и отбросил коньки. Начнут его проверять и всё сойдется.

Шлялся по дорогим заведениям, любил пустить пыль в глаза, подкатывал к богатым девушкам. Значит, завидовал, не доволен был своей жизнью. Хотелось большего, а получить не мог, отчаялся и решил искать другой способ удовлетворить свои потребности. Ну, или еще сотни трактовок его поведения, которые придумают следователи по делу. Главное — на убийство ничего не указывает.

Кирилл задумался, почесал голову.

— Ты знаешь, а ведь может выгореть, — сказал он. — Только сперва нужно убедиться, что он не крыса. Сделаем так. Ты, — он ткнул пальцем в сторону Артема, — назначишь ему еще две встречи: одну на сегодня, другую на завтра. На первой просто заговаривай ему зубы, да наблюдай. Есть кто вокруг, нету. Обязательно проверь кровь аппаратом. А во второй раз веди его к нам. Разом навалимся на него, да угостим «гремучкой» и чем-нибудь из опиатов. Понял?

Артем кивнул.

— Вот и славно. А теперь проваливай и молись своему богу, чтобы все у нас получилось. Иначе, даю тебе слово, ты не доживешь до конца этой истории.

— Хорошо, — сказал Артем и поспешно покинул подвал.

Убедившись, что он ушел, Кирилл продолжил.

— Я надеюсь, все понимают — нам скоро нужно будет искать нового курьера.

— Хочешь слить и этого? — спросил Борман. Кирилл кивнул. Агния, до того молчавшая, вмешалась.

— Не нужно. Где мы еще найдем такого?

— В любом дворе выселок, — ответил Борман.

— Но он-то из центра! Неужели не понимаете выгод?

— Поможем парню с выселок с переездом, — парировал Кирилл.

— Не ты ли убеждал, что и без отмерших в государственный период налоговых найдется, кому считать чужие деньги? Соседи сразу зададутся вопросом, откуда средства на переезд.

— Уж не знаю, чем тебе этот дурень так нравится, но цацкаться с ним мы не будем. Прости, Аглая, но свое право на ошибку он потерял давным-давно, — сказал Кирилл тоном, не терпящим возражений. После посмотрел на Бормана. — Готовься, ищи ребят, работать будешь без нас. Я так думаю, уьем разом двух зайцев.

— Подозрительно, — сказал Борман. — Этого лучше просто увезти за город и кончить, труп где-нибудь спрятать.

— Правильно. Безработный, его никто не хватится, а если и хватятся, то долго искать не будут.

— Кирилл, я тебя прошу... — Агния решила попытаться вступить за Артема. Но на этот раз её ждал жесткий отказ.

— Нет! — рявкнул он. — Мои решения не обсуждаются. Иди, ты нам больше не нужна. Об остальном договорюсь с Борманом.

Женщина не решилась спорить и торопливо ушла, оставив наркоторговцев наедине.

...

Не спалось. Агния встала, отодвинула занавески и посмотрела на ясное ночное небо. Холодные бледные звезды блеклыми искорками освещали безмерное пространство. Люди тысячелетиями смотрели на звезды в поисках ответов, в минуты сомнений или просто так, без повода. Говорят, это помогает.

Агния снова вспомнила сына. Какой же он был красивый, стройный, пышущий молодостью. Сколько лет она его не видела? Не меньше пяти. Когда он стал слишком часто посещать родного деда, Агния не заподозрила ничего серьезного. Но после этих визитов мальчик словно бы становился другим: мало ел, постоянно о чем-то думал, стал пропадать ночами, сделался бледным и мрачным. Она тогда спросила его, в чем дело. А сын только отмахнулся. Как и любая обеспокоенная мать, Агния начала искать причину странного поведения своего чада, и как всякий романтик, решила, что дело в любви. Она стала расспрашивать сына о знакомых девушках, иногда наполовину намекая, наполовину шутя говорила, что может быть ему пора обзавестись семьей. Если бы хоть кто-нибудь объяснил ей в чем истинная причина перемен... Но нет. Сын подыграл, наверное, не хотел тревожить мать. Агния с удовольствием давала мальчику свои советы, по-матерински наивные и практически бесполезные. Ей казалось, она помогает Толику. Агния любовалась им и не могла поверит, что хоть одна девушка в здравом уме и твердой памяти откажет ему. «Всё дело в твоей нерешительности, — говорила она сыну. — Не бойся, заговори с ней, признайся в чувствах, поверь, она не откажет». Он кивал, обещал так и сделать, а потом приходил бледнее белого, трясся и, ничего не говоря, бежал в ванную, где проводил по часу-полтора. Наконец, Агния заподозрила неладное. Стала приглядываться к сыну, заметила — он перестал носить одежду с коротким рукавом. Всеми правдами и неправдами она докопалась до истины. Забравшись к сыну в комнату посреди ночи, изучила его руки. Они были покрыты шрамами, незажившими ранами. Он пускал себе кровь!

Как смертельно больной, она убеждала себя — всё пройдет, всё наладится, нужно подождать. «Может быть, я напутала, может быть, свет упал по-особенному?» — спрашивала она себя, вспоминая страшные шрамы. В конце концов, она набралась мужества и спросила о порезах. Сначала он ничего не говорил, потупил голову и молчал. Но когда Агния начала его упрекать, вспылал, загорелся.

— Посмотри вокруг, мама! — горячился он. — Неужели ты не видишь? Они влили нам в кровь какую-то неорганическую гадость, они вынудили нас работать по четырнадцать часов в день, они превратили города в свалки. Неужели ты не понимаешь, что мы калеки, моральные калеки. Что ты знаешь о своем отце, о брате? Когда ты последний раз с ними говорила? Что ты знаешь обо мне? Выйди на улицу, поговори с людьми. Не о чем же говорить. Одно на уме — как потратить деньги. Нас превратили в войлочных животных, одержимых одной мыслью — идти. Двигаться, куда и зачем не важно — движение ради движения. Религия умерла, надежды на социальное равенство умерли, осталась одна работа. Нет места состраданию, идеалы, которые некогда воспевались, позабыты. Люди с голоду умирают, а никому до того нет дела. Бездомных вышвыривают, от немощных избавляются, больные считаются проклятьем. Если родителям не хватит денег заплатить хорошему генному инженеру, надеяться остается на матушку-природу, которая нет-нет, да и подводит. Да и может ли простой, естественный, пускай даже здоровый ребенок, справиться с выносливым, работоспособным, умным, старательным мулом, выведенным в пробирке под надзором ученых? Какие шансы у таких, как я, родившихся в небогатой семье? Какие шансы у других? Я не знаю, не могу понять, почему люди мирятся со всем этим, но больше так жить не могу. Мне надоело подчиняться и работать на собственника, надоело наблюдать за абсурдом превращения земли в собственность. Люди до своего рождения становятся должниками и арендаторами, скоро и воздух начнут приватизировать, удивляюсь, как такая светлая идея не пришла никому в голову. Не понимаю, как прожив столько лет, ты никогда

не обращала внимания на ужас, творящийся вокруг!

— А чего ты хочешь, чего ты ждешь от меня? Помогли дядя и бабушка, вспомнили обо мне, когда отец оставил нас с тобой? Один отсудил у меня всё имущество и стал крупным собственником, второй вечно витал в облаках, погруженный в эмпирию и заботу о благе всех, кроме родной дочери! Это от него ты набрался этих благоглупостей?!

— Это не глупости, мама. Я намерен бороться, намерен изменить мир или умереть, пытаюсь! Я не хочу, чтобы мои дети жили так, как живем мы!

И тогда Агния поняла. Ее мальчик, несмышлениш, который, казалось, ещё недавно неуклюже бегал по квартире без трусов, без перебоя выкрикивая агу-агу, связался с революционерами! Безумцы, устраивавшие теракты в крупных городах, требовавшие обобществления средств производства, свержения капиталистов, считались главными и единственными непобежденными врагами нынешнего строя. Их убивали, казнили, сажали, но число их, казалось, от этого только росло. Молодые, оболваненные речами демагогов и пустословов, со всей прытью и задором молодости они с головой погружались в свою революционную деятельность, борьбу во имя общечеловеческого блага, губя десятки, сотни, а, быть может, тысячи и десятки тысяч жизней. Она не могла позволить сыну вступить в ряды этих безумцев. Лучше бы он был кем угодно — наркоманом, окровителем, убийцей, вором — но господи, только не революционером!

— Сынок, да что ты такое говоришь! — разволновалась она тогда. — Одумайся! У меня нет никого, кроме тебя, у тебя нет никого, кроме меня. Мы всегда так жили, я столько сил тратила, хотела, чтобы из тебя вырос честный, порядочный человек. А ты хочешь свести меня со свету своими выходками. Во что ты впутался?

Толик только покачал головой.

— Прости мама, я ничего не буду тебе рассказывать. И так слишком много наболтал.

— Это революционеры? Мой отец тебя надоумил? Или кто-то еще?

— Тише, — Толик перепугался. Напрасно. Блюстители давно отправили тревожный сигнал, еще тогда, ночью, когда она пробралась к нему в постель и увидела шрамы на руках. Ни уговоры Толика, ни убеждения Агнии помочь не могли. На Толика вышли охранники. Его схватили прямо у дома. Если бы дело дошло до процесса, его посадили бы или выслали за пределы города. Агнии не оставалось ничего, кроме как идти на поклон к брату.

Собственник «Либертарианца» Вячеслав Доронин не слишком-то приветливо встретил сестру.

— Он окровитель, расследования не избежать, а какой у меня интерес помогать тебе? — прямо сказал он.

— Чего ты хочешь?

— Того, что я хочу, ты мне предложить не сможешь.

— За какую сумму ты согласишься помочь Толику, — настаивала Агния.

Вячеслав засмеялся.

— Ко мне приходили банкиры, крупные бизнесмены и промышленники, тоже предлагали денег за то, чтобы я закрыл глаза и разрешил остаться им не привитыми. Отказ они воспринимали очень болезненно.

— Но я ведь твоя сестра, а он твой племянник! — взмолилась Агния.

— Пойми меня правильно, Агния, родственные узы не входят в список деловых интересов бизнесмена. Мне жаль, что так вышло, но альтруистом я никогда не был. Ни тебе, ни племяннику я помогать не обязан. Тем более рисковать своим положением в городе ради

него. Кстати, раз уж на то пошло, ты должна понимать, твои блюстители, функционируют как и прежде, поэтому приходиться ко мне было не самой лучшей твоей идеей.

Агния с болью в сердце вспомнила тот разговор. Брат не помог — сына выслали за пределы города. Потом, когда она стала тесно сотрудничать со Славиком, часто задумывалась, как бы сложилась ее жизнь, займись она торговлей запрещенными в городе веществами раньше. Сын бы остался рядом с ней, она с радостью приняла предложение Кирилла и втроем они уехали на запад, где зажили бы счастливо и благополучно. Хотя как знать, она ведь могла никогда не повстречать Кирилла, если бы Толик не стал окровителем.

Прошло больше года со дня ссылки сына, когда они познакомились. К тому моменту Агния опустила, обнищала, решив пустить свою жизнь под откос. Она много пила, но погасить боль не удавалось. Тогда захотелось попробовать чего-нибудь новенького. И она вскрыла вены. Освободившись от контроля охранников, пустилась во все тяжкие, покупая наркотики и регулярно употребляя их. Так и познакомилась с Кириллом. Он еще не был Гулливером, так, мелкий торговец. Неизвестно почему, но он не стал продавать ей «гремучку», а был единственным, кто торговал новым наркотиком. Только после он от нее не отвянулся, ходил по пятам, якобы случайно встречал ее на улице, старался заводить непринужденную беседу. Агния приняла его ухаживания, а Кирилл помог ей выбраться из того ада, в котором она добровольно очутилась. Первым делом он заставил ее отказаться от наркотиков, сам пообещал завязать с торговлей, но слова так и сдержал, а когда выяснил, кто ее брат, замыслил невиданное — создать полноценный наркокартель в черте города. Производить и торговать наркотиками.

— Спрос будет невероятный, цена на несколько порядков выше, нежели в Европе, где их давно легализовали. Прибыли, соответственно, также окажутся астрономическими, — мечтал он, когда они лежали в постели у него дома. — Ты не представляешь, сколько богатеев ездит сюда и покупает. Просят еще, да достать неоткуда. Барыжат-то только мелкие торговцы, крупного уже давно накрыли бы. Но с твоим братом мы сможем всё.

Сначала она отказывала Кириллу, но, в конце концов, он сумел ее убедить.

— Только подумай, мы уедем отсюда, возьмем с нами твоего сына и отправимся в Европу. Там нет блюстителей, преступником Толика не сочтут, собственники предоставят нам возможность проживать на их земле.

Мечта эта заняла все мысли Агнии, и днем и ночью она думала о своем воссоединении с сыном, наконец, решилась. Пустила себе кровь и направилась к брату. Формально, он не считался гражданином города, потому блюстителей ему в кровь не вводили. С ним можно было говорить начистоту.

— Мне нужна твоя помощь. И на этот раз я могу сделать конкретное предложение, — прямо, хотя и несколько неуверенно, начала она беседу. Вячеслав с сомнением посмотрел на нее.

— Теперь я никак не могу помочь твоему сыну.

— Речь не о Толике, — она закатила рукав и продемонстрировала ему порез на руке.

— Ты что, рехнулась! — взъерепенился Доронин. — Приходить ко мне в таком виде! Да ты отдаешь себе отчет в том, какой скандал поднимется, если выяснится, что ко мне в кабинет заваливается окровитель!

— Скажем, сто тысяч в месяц замнут скандал?

— Какие еще сто тысяч? Ежемесячно, — он хмыкнул. — Убирайся отсюда, я не собираюсь тебя покрывать.

— Я никуда не пойду, пока ты не ответишь. Тебя интересует ежемесячная прибавка к доходам в размере ста тысяч.

— Нет.

— Ста пятидесяти.

— Уходи!

— Двухсот. Это последнее слово. Я не шучу. Нас никто сейчас не слышит. Двести тысяч в месяц. Как тебе сумма?

Доронин пристально изучал ее лицо, видимо, разглядев там нечто особенное, он сдался, смягчился, указал на стул.

— Коротко и по делу, что ты предлагаешь?

— Уничтожь базы некоторых граждан, а сигналы их блюстителей исключи из реестра сервера-приемника. Только десять человек. За это ты ежемесячно будешь получать двести тысяч.

— Чем планируете заниматься?

— Торговлей.

— Сейчас уходи, я подумаю. Если решусь, тогда позвоню тебе завтра и назначу встречу.

Он выполнил просьбу без лишних вопросов.

Прибыль росла, платить ему стали по полмиллиона в месяц. Куда он тратил деньги, Агния не знала, но Доронин продолжал настаивать на расширении торговли и увеличении собственной доли.

Деньги полились на нее, как из рога изобилия. Тогда они уже жили вместе с Кириллом, она целиком доверяла ему, потому переводила свою долю на его счета. Примерно через два года он сообщил ей, что нужная сумма собрана и нет нужды оставаться здесь. Можно ехать и до конца дней тратить заработанное.

— Еще и на внуков хватит, — уверил ее Кирилл.

Тогда Агния пустилась на поиски сына. Она пошла напрямик к отцу, но на вопрос, организует ли он их встречу, старик не дал конкретного ответа. Когда же она навестила отца в следующий раз, он сказал, что Толик не считает нужным встречаться с матерью. Его не интересует отъезд, здесь много дел, пояснил старик. Тогда она впервые за долгое время по-настоящему поругалась с отцом. Она употребляла такие слова, от которых даже на лице негра темной ночью можно было бы разглядеть румянец, бросалась в него посудой из его же шкафа. В конце прокляла его за то, что втянул сына в свои темные делишки. После ей стало стыдно, она просила у него прощения, но встречи с Толиком так и не добились. Всякий раз намекая на отъезд из города, она просила отца позволить ей поговорить с сыном, но он отказывал, оставаясь до жестокого суровым.

За те несколько лет, что прошли со дня ссылки сына, она ни разу его не видела. Оставалось только верить на слово старику, которого она возненавидела, и повторять, что с сыном все в порядке, он жив и здоров. Себе Агния дала слово, что никогда не уедет из города без Толика. Чтобы не случилось, она отыщет его. По мере возрастания влияния их банды, росли и возможности Агнии, Кирилл раскинул свои сети на прилежащие к городу территории, охватывал площадь, населенную более чем двенадцатью миллионами человек, зарегистрированных легально! Шансы отыскать Толика увеличивались.

Поэтому Агния не теряла надежды снова встретиться со своим блудным отпрыском. Память — как сеть, потянешь за одну ниточку, достанешь целый клубок воспоминаний. Она вспомнила, как сидя за письменным столом в гостиной Кирилла, они вдвоем выдумывали

себе клички.

— Гулливер, — настаивал Кирилл. — Он персонаж популярной еще в государственный период книги. Звучит грозно, сильно, внушительно. То, что мне нужно.

— Глупость, — возражала Агния. — Только послушай: Гу-л-ли-ве-р, — намеренно растягивая звуки, произнесла она.

— Ты ничего не понимаешь. Он был великаном, вот, смотри, — на информационной панели, за которой сидел Кирилл, замелькали рисунки гиганта, нарисованного на фоне маленьких человечков. — Имя отражает его сущность. Гулливер звучит как имя гиганта, для которого человек не больше мух. Именно такое впечатление должен производить на остальных. Меня должны бояться и уважать.

— Гули-вер. Гули-гули — так каких-то животных, кажется, подзывают. Таких, знаешь, с перьями, клювами, как курицы, только лапы другие. — Агния никак не могла вспомнить название этой птицы.

— Вон, слушай: персонаж нравоучительных книг некоего Свифта, в которых повествуется о его похождениях, участии в войнах и походах против могущественных государств древности. Гулливер олицетворял дух свободы угнетенного государством народа, который стремился свергнуть оковы правителей, но не мог это сделать, не устроив революцию. А ты говоришь смешно! Гулливер — так и чувствуется угроза.

— А я, значит, Аглая.

— Ты Аглая. А чем тебе не нравится? Почти как Агния.

— Я понятия не имею, что это значит.

— Пишут, имя государственного периода. Наименование цвета. Синоним слова алый. Подходит же, ты вся такая румяная.

— Была, пока не начала пускать себе кровь, — парировала Агния.

Кирилл не стал развивать эту тему, погрузился в работу с информационной панелью.

Агния вспоминала эти дни, слабо улыбаясь. Тогда они только начинали, не верилось, что их затея осуществится, потому мечтать было проще. Теперь всё изменилось. Мечты стали реальностью, нужно было делать следующий шаг, но Агния не могла.

Посидев еще немного, она собралась ложиться спать, не дожидаясь Кирилла, но тут щелкнул ключ в замке входной двери. Он все-таки пришёл. Агния выскочила к нему навстречу. Кирилл выглядел уставшим, измотанным. Тяжелые веки приспущены, взгляд его был виноватым.

— Извини, что там накричал на тебя, — сказал он первым делом. — Но ты понимаешь, я не могу позволить подрывать мой авторитет.

Агния кивнула, давая понять, что извиняться не обязательно.

— Я не хочу, чтобы вы убивали Артема, — сказала она.

— Решение уже принято. Пойми, у нас нет другого выбора. Разве только...

— Договаривай.

— Разве только мы сегодня же уедем, — он разулся, подошел к ней вплотную. — Исчезнем из города раз и навсегда. Убежим от твоего брата, от этих глупцов. Там, на западе, нас никто не поймает, никаких доказательств нет.

— Но Толик...

— Если согласишься, соберем вещи прямо сейчас, я найму машину, и мы покинем город. Никого не придется убивать, смоем всю кровь, которой успели выпачкать свои руки.

— Я не могу без сына.

— Он взрослый, самостоятельный. Позволь ему жить своей жизнью. Он сделал выбор, так пускай несет за него ответственность.

Агния опустила голову, не знала, что сказать.

— Так как, Агния? Ты можешь спасти жизнь несчастному дураку. И его, и нашу шайку, скорее всего, арестуют, но ведь никто не умрет. Они отсидят срок и выйдут на свободу. Возможно, проживут лучше, чем сейчас. А так, кто знает, чем мы закончим, если пойдём дальше. Чем шире разворачиваемся, тем сложнее скрывать нашу деятельность. Собственник, тот уже давно о чем-то подозревает, вот-вот выйдет на нас. Собираемся и едем? — спросил он, приковав свой взор к её лицу.

Так хотелось махнуть на всё рукой и ответить да. Она представила себя на берегу Средиземного моря или, быть может, Атлантического океана, с коктейлем в руках, прислугой, кружащейся около нее. Ей хотят угодить, разговаривают с ней почтительно, заискивают. Как же хотелось, чтобы эта мечта когда-нибудь стала реальностью. Когда-нибудь, но не сейчас. Агния не могла забыть сына.

— Нет, — ответила она.

Кирилл вздохнул.

— Тогда у твоего протеже Куркова не остается шансов. Прости.

На том и закончился их вечерний разговор.

...

На следующее утро Агния проснулась поздно — в двенадцать часов дня. Кирилла дома не было, а на кухонном столе лежала записка следующего содержания:

«Звонила твоя племянница, обещала приехать в гости. Уж не знаю, что ей надо. Я ушел по делам, вернусь поздно, не жди».

Исчезновение Кирилла не удивило Агнию. Он постоянно пропадал, часто не на один день, так что в этом она не видела ничего страшного. А вот визит племянницы казался удивительным и пугающим в контексте происходящих событий. Тамара Доронина была любимицей отца, но не только и не столько потому, что была его единственным ребенком. Главная причина — она приходилась внучкой Юрию Павловичу Костицыну, собственнику городской земли и ряда крупнейших промышленных предприятий на территории города и в округе, на арендуемой земле. Тамара не была прямой наследницей, маловероятно, что она могла рассчитывать занять место деда, но Вячеслав был доволен самим фактом родства с Костицыным. Поэтому дочку свою Доронин хаял и лелеял. Она получила превосходное образование, была хороша собой, холодна и расчетлива, обладала исключительным здоровьем (в свое время Славик жаловался на то, сколько денег заплатил генным инженерам, но следом добавил: «С лихвой окупится»). Идеальная наследница состояния Доронина. К тете Тамара никогда не питала привязанности, за все время самостоятельной жизни она ни разу не навестила Агнию, совершенно не интересовалась ее жизнью и здоровьем. Тем загадочнее становился её предстоящий визит. Тамара явно не чаевничать собиралась.

Часов в двенадцать пополудни позвонили, автоматически включился домофон. То пришла племянница. Выдавив неестественную широкую улыбку, Агния открыла дверь ипустила ее внутрь.

— Подросла-то как! — восхитилась Агния. — В такой интересный цвет перекрасилась.

— Да. Циннвальдитовый. Нравится? — у племянницы был приятный низкий голос.

— Тебе любой подойдет, заходи, — она помогла Тамаре раздеться и проводила ее в

прихожую.

— Уютненько тут у вас, — сказала племянница.

— Чем богаты. Детьми мы, правда, пока не обзавелись.

— А что Толик? Так ничего о нём и не слышно?

Агния нахмурилась. Она не хотел разговаривать о родном сыне с девчонкой, которую видела второй раз в жизни.

— Нет, — грубо ответила Агния. Тамара, похоже, поняла, что тему поддерживать не стоит, заговорила об интерьере комнаты, нахваливая теткин вкус и сравнивая ее с дизайнерами, о которых Агния слыхом не слыхивала. Немного поболтав, Агния пригласила гостью на кухню, та отказываться не стала. Тамара оказалась девушкой словоохотливой и образованной, она с удовольствием делилась своими наблюдениями и замечаниями по поводу современной жизни.

— Вот все повторяют, капитализм — это самая эффективная система, самая правильная и самая лучшая. Ресурсы используются экономичнее, рынок отбрасывает неспособных и дает выиграть самым лучшим, — рассуждала Тамара. — А между тем, что мы наблюдаем сегодня? Состояния выбившихся в люди родителей растрачивают их дети, ресурсы спускаются в воздух, а всё из-за чего? А всё из-за того, тетя, что мы упорно продолжаем держаться за традиционный уклад, традиционные ценности. Да, революция и капитализация общества дали нам многое, но революция произошла в обществе, а не в умах. Мы уничтожили государство снаружи, но не смогли расправиться с ним изнутри. Вот смотрите, если хорошо подумать, почему все воспевают дифирамбы семье, так высоко ценят доверительные отношения между родственниками? Чем, к примеру, для капиталиста сын отличается от любого другого работника? Почему отец оставляет состояние своему возможно и не приспособленному для несения столь почетной ответственности чаду? А всё потому, что нелепо следует по сути глупым, неоправданным биологическим импульсам. Да, никто не отрицает, геновая инженерия подняла шансы рождения у богатых способных и умных детей, но ведь роль воспитания никто не отменял. Одни исследователи продолжают настаивать на геном детерминизме, другие стоят на позиции ключевой роли воспитания и, пожалуй, я солидарна с последними. Скольких замечательных, перспективных ребятишек загубило дурное влияние внешней среды! Когда я училась в университет, знавала многих талантливых выходцев из состоятельных семей. О, мой университет, наверное, был лучшим в мире. И я там далеко не самая богатая, но выбивалась в лидеры. Был только один паренек, тощий, чахлый, но при этом невероятно умный. Казалось, он живет одним только духом. И вроде гены у него отборные, инженеры работали лучшие из лучших, а вон что вышло. Его не сильно заботили внешность, внимание. От того, наверное, он меня и раздражал. Я не могла обойти его в учебе, как ни старалась, но хуже того, ему до моих стараний не было никакого дела. Он погружался в какие-то наивные мечты о социальном равенстве, совершенном обществе. Как итог, этот гений-отличник, лучший из лучших на курсе, разорился через год после смерти своего отца. Казалось, перспективный, но что-то в нем было не так, не создан он для управления крупным предприятием. То ли дело я, уже сегодня руковожу кучей филиалов, которые приносят невероятный доход. А ведь уступала ему, во всем уступала. Достанься состояние его отца кому-то еще, мне, к примеру, и была бы возможность приумножить капитал, а так лопнул очередной пузырь. Шума много, толку мало. Поэтому я и говорю — семья не должна цениться так высоко, как она ценится сегодня. Семейные узы, как оковы, мешают капиталу перетекать из одного русла в другое с максимальной

эффективностью. Я за то, чтобы модифицировать наследственное право. Капиталисты должны передавать свое состояние тем, кто лучше справится с управлением, а не тем, кто в силу случайности является их близким родственником.

— Просто у тебя нет детей, — нехотя возразила Агния. Вступать в спор с племянницей у нее не было ни малейшего желания, но и молчаливо согласиться со всем сказанным Тamarой она не могла. — Тогда бы ты поняла, насколько важно что-то оставить своим потомкам, позаботиться об их благополучии.

Тамара снисходительно улыбнулась.

— Право, тетя, ты не понимаешь. Разве священники в католицизме имели право заводить детей? Разве монахи и монашки оставляли что-то своим преемникам, которых, зачастую, у них и не было? Древние жрецы даже в брак не вступали, они предано служили своему богу, отказываясь во имя его от любых земных радостей. Так же и настоящий капиталист, должен отказаться от своих привязанностей. Собственник — это жрец, его бог — деньги, которым он служит верой и правдой. Ради них можно пожертвовать своим счастьем и благополучием, семьей и обыденными радостями, взамен ты получишь гораздо больше. Семья — это для таких, как ты, тетя, тех, кто не готов выйти за рамки своей довольно скучной жизни. Капиталист же получает доступ к удовольствиям сверхчеловеческим, о которых вы можете только мечтать. Деньги открывают все дороги. Посмотри вокруг, и ты увидишь, с каким почтением относятся к служителям единственного истинного бога. Нет, я убеждена, что подобно жрецам древности, капиталист должен передать состояние не своим детям и родне, а лучшему управленцу, готовому служить деньгам с тем же рвением, с которым служил он сам. Пойми ты, чтобы стать богатым, необходимо обладать особым складом характера — деньги нужно любить больше жизни. Только тогда они ответят тебя взаимностью.

— Ты говоришь, как фанатичная верующая, — усмехнулась Агния, которой совершенно не нравились речи племянницы. — Этому вас учат в университетах?

— Это не вера, это действительность. Понимаю, тебе никогда не приходилось читать философа Пустобрехова, а между тем он очень наблюдателен и последователен в своих суждениях. Сначала читаешь и думаешь — бред. Деньги и есть деньги. Стоит подумать о них, первое, что приходит на ум, банковские карточки. Но если копнуть глубже, начинаешь гадать, а не стоит ли что-нибудь еще по ту сторону кредитки. И чем больше об этом думаешь, тем крепче убеждаешься в правильности выводов Пустобрехова. А он говорит: капитализм сегодня это не только общественно-политическое устройство общества, это нечто большее, религия, быть может, единственная по-настоящему мировая религия, культом которой являются деньги. И поклонение этому культу объединяет всех, абсолютно всех людей, вне зависимости от склада ума, образования, цвета кожи, социального происхождения. Просто поразительно, сколько копий сломали философы прошлого, так и не сумев придти к столь простому и, в общем-то, очевидному выводу. Каких только глупостей не наговорили в государственный период. Но деньги никогда, подчеркиваю, никогда не ставили на первое место. Жажда власти, сексуальная неудовлетворенность, эгоизм, альтруизм — что угодно называли основным мотивом, движущим людьми, но ни один философ древности не догадался, что общий и единый мотив, движущий людьми — преумножение собственного богатства. Ради денег капиталист будет работать денно и нощно, не покладая рук, забыв о личной жизни, ради денег он пожертвует собственным временем, собственными силами, во имя денег, он принесет в жертву даже человеческую

жизнь, если это принесет ему прибыль. Так почему же никому в древности не пришла простая до очевидности мысль — увеличение количества денег и есть тот основной мотив, которым руководствуются люди на протяжении тысячелетий? Деньги — первопричина. Как пишет Пустобрехов, если бы денег не было их стоило бы придумать. Но не быть их не могло, ведь конечной целью существования человека, вершиной его эволюции является момент рождения обмена. Продать дороже, купить дешевле, извлечь выгоду, избыток в результате сделки и есть деньги. И если думать в таком ключе, мы сразу же приходим к заключению, что человеческая история — это история борьбы за деньги. Война — продолжение политики другими средствами. Но политика — это борьба за преумножение собственного капитала. У кого больше денег, тот и прав. Вот она истина в последней инстанции. Ничего глубже нет, как нет и ничего более поверхностного. Диалектика и метафизика всего человеческого общества в одном флаконе.

«Неужели, — думала Агния, — она правда в это верит? Бедная девочка, видимо родители совсем не уделяли ей внимания».

Пространные и показавшиеся Агнии скучными рассуждения племянницы подошли к концу. Тамара принялась есть, изредка нахваливая кулинарное мастерство тети. Но и здесь не обошлось без колкостей.

— А почему ты сама готовишь? Неужели вам даже на заказ еды средств не хватает?

Агния вздохнула. Хотелось встать и отвесить хамке оплеуху, но она сдержалась.

— Хватает, — сквозь зубы ответила она. — Но я люблю постоять у плиты.

Глаза Тамары округлились.

— Я думала, никогда не встречу такой женщины, — с усмешкой сказала она. — Ты как будто из прошлого. В государственный период ведь также бытовала точка зрения, что кроме плиты и семьи женщину ничего больше не должно интересовать. Трудно в это поверить, но тогда даже существовало специальное движение, называемое феминистками или суфражистками, сейчас точно не вспомню, якобы боровшееся за права женщин. Сама наивность, они полагали, что должны сравняться в правах с мужчинами. Зачем? У капиталиста нет пола, не верно переводить борьбу с государством, на борьбу полов, не имеющую в историческом плане никакой перспективы. Хотите стать равными мужчинам? Заберите у них деньги. Хотите оказывать влияние на политику, станьте крупными собственницами. Но тогда этого не понимали. А ведь сколько сил и средств они потратили на бесплодную борьбу, сколько ресурсов спустили в воздух. Не меньше, чем сегодня тратится на поддержание так называемых семейных уз.

— Ты хочешь сказать, семья не нужна? — не выдержала Агния.

— Нет, — твердо заявила Тамара.

— Что же ты предлагаешь взамен? Без семьи человечество просто вымрет, если женщины перестанут рожать детей...

— Сплошные заблуждения, тетя. Ты отстала от прогресса, современной научной и технической мысли. Воспроизведение потомства действительно важная цель. Чем больше людей, тем больше денег можно производить. Поэтому поддерживать рост населения планеты невероятно важно. Но нужна ли семья, должна ли женщина растрчивать девять месяцев своей жизни на выращивание плода, а затем в муках производить на свет потомство? Нет, нет и еще раз нет. Все это не обязательно! Задумайся только, чего люди достигли за период развитого капитализма. Мы умеем лечить наследственные заболевания, выбирать цвет глаз и волос своим детям, придавать их телосложению произвольные

особенности, с высокой степенью точности подбирать черты лица. Все, у кого есть деньги, непременно красивы и здоровы. Так неужели ты считаешь, что при активном финансировании исследований мы не сумеем добиться того, чтобы плод на всех этапах выращивался искусственно? Скажу по секрету, многие, осознавая перспективность такого капиталовложения, уже сегодня переводят громадные деньги соответствующим медучреждениям. В народе их институтами сирот называют. Представь, сколько клиенто-женщин появится у этих учреждений, как только их откроют! Невероятные прибыли! Сама подумай, тетя, ты бы не отказалась от тех девяти мучительных месяцев, которые провела, вынашивая плод? Не заплатила бы ты любые деньги, чтобы избежать родовых мук? Да, услуга будет доступна только состоятельным людям, но это совершенно справедливо. Время дорого капиталистам, бедные же расходуют его неэффективно, поэтому у общества не будет, если неспособная заплатить за искусственное выращивание плода женщина выносит его самостоятельно. Но представь, какие убытки понесет капитал, если хотя бы на полгода из игры выйдет крупная капиталодержательница? Разумеется, затраты на её бездействие окажутся выше, чем траты на искусственное выращивание ребенка.

Немного поразмыслив над словами Тамары, Агния пришла к выводу, что ни за что не согласилась бы выращивать своего ребенка искусственно — эмоциональная связь теряется, младенец перестает восприниматься, как часть тебя. Однако, спорить с племянницей она не собиралась.

— Пускай так. Но что же с семьей? — спросила Агния. — Ведь ребенок нуждается в родителях, в заботе.

— Нет, ребенок нуждается в воспитателе, которого капиталист опять-таки в состоянии оплатить. Да, малыш, вероятно, не будет питать особенных чувств к родителям, но это и не нужно. Не забывай — мы растим слугу капитала, а не собственного ребенка. Системы специальных интернатов существуют испокон веков, здесь и придумывать ничего не надо. Время капиталистов — это деньги, а, как я уже тебе говорила, ничего важнее денег для капиталиста быть не должно. Поэтому состоятельному человеку незачем тратить своё время на воспитание детей, на ухаживание за женой или мужем. Как истинный священнослужитель, он должен проводить основную часть своей жизни в заботе о преумножении капитала. В идеале стоит отказаться от ряда традиционных процедур. Равно как и успешным детям не стоит заботиться о своих родителях. Сегодня традиционные представления о преемственности поколений совершенно утратили актуальность. Настали дни, когда тебе не хватает сил служить капиталу дальше? Нужно было думать об этом раньше, откладывая деньги и смотреть в будущее. Если халтурил, спускал всё на самотек, виноват сам. Твои дети не должны тебя тянуть из пучины, в которую ты добровольно погрузился. Поэтому я и говорю — семья не нужна. Капиталист испытывает потребность сблизиться с другим человеком? Замечательно, пускай так и сделает. Ему наскучил этот человек? Так нечего церемониться, найди себе другого. После революции поняли, что институт брака излишен, потому и отменили официальную регистрацию, оставив лишь гражданские формы. Да, по инерции некоторое время процветали традиционные церемонии, так называемые свадьбы-венчания, но их бессмысленность вскоре стала очевидной. Отцы-основатели совершенно нового общественно-политического строя предвидели, что и институт семьи утратил свою актуальность, надеялись, вскоре и он прекратит свое существование. Но, увы, он оказался живучим и гирей тянет нас в прошлое. Полный отказ от семьи и от семейных уз — вот к чему мы должны прийти. Капиталист сам

решает, кого поддерживать, и с кем проводить своё время в часы, когда он не служит деньгам, но в остальных ситуациях он обязан руководствоваться единственным мотивом — преумножением своего богатства. Никакие эмоции, никакие привязанности не должны примешиваться в этот момент к холодному и расчетливому рассудку. Будучи преданным служителем денег, капиталист не имеет права взять на работу, к примеру, свою любовницу, если она совершенно не квалифицирована, он не должен оставлять свое состояние собственным детям, если они не способны им управлять, нельзя доверять управление капиталом человеку, только потому, что ты привязался к нему. Вот в каком смысле следует отказаться от семьи. Иначе мы никогда не достигнем достаточной степени эффективности. Хотя подвижек в решении этого вопроса я пока не наблюдаю, но продолжаю надеяться на его скорейшее разрешение с разработкой полноценного метода искусственных родов. Тогда женщины, как мне кажется, лишатся той особенной привязанности, которую они испытывают к своим чадам. Хотя тебе это и неприятно будет слышать, тетя, но основа этой так называемой любви лежит в нестерпимой боли, которую ты испытывала во время родов. Тебе кажется, что своей болью ты расплатилась за жизнь младенца, и мысль, что ты страдала тогда напрасно, тебя пугает. Но как только этот мотив исчезнет, и дети будут появляться на свет так же, как новые автомобили, разве только не сходя с конвейера, чувство, которое называют родительской любовью, материнским инстинктом, ну и множеством других схожих выражений, медленно угаснет. А следом за этим принимать решения о распределении капитала станет гораздо легче.

Закончив, Тамара удовлетворенно вздохнула, отпила немного воды, доела остатки салата, отставила тарелку в сторону. Агния молча принялась убирать со стола. Ей не терпелось избавиться от назойливой родственницы, наговорившей гадости в ее доме.

«Сколько лет тебя не видела, дай бог не видеть столько же», — думала про себя Агния.

Но уходить Тамара не собиралась. Она сидела за столом и смотрела на улицу — то ли любовалась пейзажем, то ли размышляла о чем-то своем не по-женски серьезном. Закончив с уборкой, Агния села на кушетку и молчала, демонстративно давая понять, что Тамаре здесь не рады. Однако племянницу это не пробрало. Она продолжала пялиться в окно как ни в чем не бывало. Спустя примерно десять минут Агния не выдержала.

— Тамара, тебе не пора уходить? — спросила она.

— Нет, тетя. Я жду, возвращения твоего любовника.

Агния напряглась. Откуда она знает о Кирилле? Решила не играть с Тамарой в игры.

— Зачем он тебе нужен?

— А ты не догадываешься? — спросила племянница с усмешкой.

— Нет.

— Я давно в курсе всех дел. Отец узнал о ваших проблемах, прислал меня разобраться. Хочу, чтобы вы вдвоем рассказали мне обо всем по порядку.

Услышав это, Агния превратилась в статую. Ей было непонятно, зачем брат втянул в их бизнес внучку собственника земли. Костицын открыто выступал против наркотиков, жестко боролся с распространением дурманящих препаратов в черте города. Если он узнает о наркокартеле, который работает у него под носом, закончится может кровопролитием. Возможно, когда она спровадит племянницу, то поговорит об этом с братом, но сейчас главное избавиться от Тамары.

— О чем ты хочешь поговорить? Я не понимаю, — попыталась выкрутиться Агния.

— Не бойся, тетя, — племянница словно бы прочитала ее мысли. — Я никак не связана

с дедом и не собираюсь ему ни о чем рассказывать. Меня послал отец, если желаешь, можешь позвонить ему и убедиться в этом.

— Кирилл вернется поздно, — предупредила Агния.

— Я подожду, — спокойно ответила Тамара.

Напуганная и сбитая с толку Агния встала и ушла из кухни. Запершись в своей комнате, достала телефон и позвонила брату. Выяснилось, что Тамара говорила правду — ее послал Вячеслав.

Пришлось вместе дожидаться возвращения Кирилла. Тот, не горя желанием, рассказал ей правду, стараясь сглаживать наиболее острые углы. Например, он не стал говорить о том, что они замыслили убить курьера, да и распространяться по поводу того, как они собирались поступить с охранником не стал, просто сообщил о том, что одурманят его. Тамара внимательно его слушала, когда же он закончил, деловито посмотрела на Кирилла, как если бы он был ее подчиненным.

— По большей части меня все устраивает, — сказала она. — Отец попытается оказать вам поддержку, но существуют некоторые несовершенности. Охранника мало одурманить, его нужно убить. Но ни в коем случае не в городе. Нельзя рисковать. Поступим так. Вы сделаете, как планировали, а потом отвезете его, куда вам скажут наши люди. Дальше о нём позаботится отец. Со вторым, курьером, разбирайтесь как хотите. Его судьба нас совершенно не интересует. Договорились? — она сменила тон с покровительственного на дружеский. Кирилл, неуверенно поглядев в сторону Агнии, кивнул.

— Замечательно. И вот ещё что, — Тамара на секунду замаялась, но потом всё-таки продолжила. — Наверное, не стоит об этом говорить, но, как-никак, мы родственники, — она подмигнула Агнии. — В мире что-то намечается. Об этом прямо не говорят, но в ряде обнищавших городов собственники объявили мобилизацию. Они начинают формировать армию, опираясь на низкостатусные охранные агентства. Жители этих городов хоть и опустили в конец, но уже почуяли неладное, стали разъезжаться целыми семьями. А заметили, как изменился тон новостей, которые сейчас крутят? В университете у нас был небольшой курс, посвященный технологии управления массами и пропаганды. Там, в частности, рассказывали, что все грандиозные социальные потрясения прошлого со времени, когда популярные политические издания стали одним из средств борьбы за власть, можно было предсказать, наблюдая за тем, как менялся тон статей ведущих журналов. Когда возникала необходимость, в прессе массировано начинала обсуждаться та или иная тема, в общем-то не представлявшая большого общественного интереса, но отчего-то снова и снова всплывавшая на страницах газет. Вбрасывая в информационное пространство порции пускай бездоказательных, но эмоциональных статей, можно было добиться того, что у подавляющей части населения сформировалось определенное мнение и конкретная нравственная оценка события. Так, например, можно было убедить население, что война в другой стране имеет невероятно большое значение для положения этого самого населения, склонить граждан государства, стремящегося начать интервенцию, к убежденности в необходимости этой самой интервенции. Так вот, пусть и не бесспорно, но по ходу течения войны информационной можно было судить о дате начала войны реальной. А вы заметили, как резко поменялись акценты, расставляемые прессой за последние несколько лет? Война перестает рассматриваться ими как абсолютное зло, начинают обсуждаться иные точки зрения. Между тем акции ряда заводов, занимающихся выпуском военной техники, стали расти. Взгляд на капиталистов, как людей, подаривших планете мир, сменяется взглядом на

них, как на президентов карликовых государств. При том подчеркивается историческая необходимость начала роста этих карликовых государств. Забытые тезисы о развитии истории по спирали снова становятся актуальными. Капиталист, говорят сегодня, может эффективно управлять наделами куда крупнее, вред от монополий преувеличен. Поэтому ничего страшного не произойдет, если собственники земли начнут скупать большие площади для дальнейшего их развития. При этом подчеркивается, что отказ мелких собственников от сделки приносит вред обществу.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, — перебил её Кирилл, уставший от обильного словоизлияния Тамары.

— Я клоню к тому, что готовится передел собственности, возможно, грядет реставрация государства. Повышенная производственная активность оружейных заводов приведет к необходимости внедрения таких средств контроля за населением, как блюстители. Вполне возможно, что их применение станет повсеместным. Но для оправдания такого шага на демократичном Западе нужен серьезный повод. И этим поводом может стать вспыхнувшая у нас война!

Кирилл засмеялся.

— Хочешь сказать, у нас здесь развяжут войну, чтобы внедрить блюстители на Западе?

— Вполне возможно. Поэтому предупреждаю вас — будьте осторожны. Вы в любой момент можете стать не нужны. Назревает серьезная заварушка и ужесточение контроля. Сами понимаете, торговать наркотиками в таких условиях крайне опасно. Поэтому советую вам уехать из города при первой же возможности. Это я говорю не по поручению отца. Дружеский совет племянницы своей тетке, — сказав это, Тамара встала, попрощалась с Агнией и Кириллом и ушла.

— Что думаешь? — спросил Кирилл. — Она говорит о том же, о чём и я — пора уезжать.

— Не знаю, — нерешительно ответила Агния.

Утром, когда Кирилл оставил ее одну, Агния отправилась на прогулку. На выселках не было парков или аллей, улицы грязные, вокруг шастают сомнительные личности. Поэтому она пошла на автобусную остановку и поехала к озеру, именуемому на выселках Гулящим. Такое прозвище дали ему за то, что жители окраины часто туда ездили расслабляться, устраивали сабантуи, пьянки, иногда и мордобои с последующим приездом охранников. Но за уборкой и вывозом мусора следили: озеро находилось вблизи престижных районов, и хотя состоятельные люди редко там гуляли по причине большого количества высельчан в округе, убирать дворникам приходилось — нельзя было запускать прилежащую к районам территорию. Конечно же местные богачи старались как-то прижать высельчан, чуть ли не запрет на посещение озера в нетрезвом виде ввести, но собственник земли не пошел у них на поводу, дав понять — он не намерен нарушать право на свободу перемещения в городских границах, если человек не нарушает правила, установленные самим собственником. Поэтому если арендовавших квартиры в том районе что-то не устраивало, им оставалось только переехать или смириться. Большинство предпочло второе.

На жителях же выселок спор между собственником земли и богачами не оказал никакого влияния. Молодые высельчане любили приводить сюда своих подружек, те, что постарше и уже обзавелись семьями, справляли здесь знаменательные даты, любимейшими из которых были дни рождения. Утеху на Гулящем мог найти и холостяк, и гулящий муж — множество привлекательных девушек торговали здесь своим телом. Впрочем, проституция давно уже не считалась чем-то унижительным, потому к этим особам относились спокойно. Более того, именно продажные женщины были одной из немногих причин, заставлявших жителей приличных районов сюда заглядывать. Неизвестно почему, но состоятельных людей влекло к женщинам ниже их по статусу. Агния объясняла себе это желанием мужчины превосходить женщину во всем. К тому же высельчанки редко когда оказывались сильно эмансипированы, они с удовольствием принимали помощь от своих ухажеров, мечтали жить на содержании, в отличие от дамочек, арендующих жилье в престижных районах. Размышляя об этом, Агния часто приходила к выводу, что сколько бы не превозносили важность женской красоты и обаятельности, но ни то, ни другое не сравнится с покладистостью.

Агния любила гулять здесь в одиночку. Аккуратные пешеходные дорожки, полукольцом опоясывающие озерце, змейкой вились вокруг пологой горки, ведя на вершину. Вдоль дорожек были установлены лавочки, по обеим сторонам от которых стояли урны, а чуть в стороне росли клены, газоны были ухожены, на полянах росли удивительные цветы.

Но даже красоты Гулящего не помогли Агнии отвлечься от тяжелых мыслей. Она думала о сыне и об Артеме, которые в ее сознании фактически слились в одного человека. Ну почему Курков так сильно напоминал ей сына? Отчего она не могла позабывать о своём ребенке, как это сделали другие родители, иной раз безумно радуясь, когда дети переезжали на съемное жилье?

«От прихлебателя избавились», — хвалились такие родичи.

Но Агния любила сына, по-настоящему любила. Возможно такое чувство, как материнская любовь и правда отмирало. Вспомнить хотя бы Тамару, уверенно провозглашавшую необходимость искусственного выращивания детей. Сложно поверить, что племянница любила бы сына, если б он у нее был. А Агния не могла отбросить свои чувства.

Она поднялась до самой вершины горки, немного полубовалась солнцем, важно плывущим среди пушистых облаков, а потом стала спускаться обратно. Утомившись, она села на первую попавшуюся лавочку и заметила книжку в красном переплете, завалившуюся между досками лавочки. Агния взяла ее: совсем тоненькая, потертая, пахнущая плесенью книжка походила на блокноты, которые сегодня изготавливались только по эксклюзивным заказам. Писать на бумаге было дорого, считалось непродуктивным, использовалась только электроника, в том числе и для ведения записей.

Заинтригованная Агния, раскрыла книжку. На заглавной страницы красивым девичьим почерком с использованием паст разного цвета было выведено «Ежедневник». О том, для чего предназначалась эта книжка, Агния догадалась, только когда начала читать. Подобные записи личного характера в прошлом называли дневниками.

На первых страницах паста высохла и стерлась до такой степени, что текст невозможно было разобрать. Но где-то в середине буквы ещё сохранились.

«12 мая. Сегодня я встретила его. Раньше считала рассказы про любовь с первого взгляда глупостями, хотя то и дело читала старенькие, доставшиеся мне от деда, который хранил их со времен государственного периода, книжки об этом. Но правду говорят: лучше один раз получить выплаты по процентам, чем семь раз услышать обещания об их уплате. Ну что за ерунда, что за глупости! Наверное, когда стану перечитывать это, буду дико хохотать. Как можно писать подобные глупости, когда случилось ТАКОЕ!

Мама обещала поговорит со своим начальником о работе для меня, сказала подойти часам к четырем к ней в офис. А я замоталась дома, затеяла зачем-то уборку. Опаздываю, тороплюсь, в голове крутится — упустишь свой шанс, и сидеть тебе до конца жизни безработной. Но мне не верилось, что сегодня я получу работу. Если уж папа не сумел меня устроить, то у мамы и подавно ничего не выйдет. Она такая мягкая, податливая, никогда не может настоять на своем, предпочитает уступить, а не спорить. Как ей убедить начальника взять совсем молодую девчонку, которая школу-то еще не закончила, на ответственное место секретаря?

Я волновалась, чтобы успокоиться и начала возиться: сначала собрала вещи, разложила их по полкам, потом стала пылесосить, мыть полы, наводить порядок. Начала бы и готовить, но случайно взглянула на часы и поняла, что непременно опоздаю. Оглядываясь назад, понимаешь: всё это — уборка, готовка — делалось специально. Я опоздаю и отказ, который непременно последует, можно будет объяснить этим опозданием. Да, мама отчитает меня за рассеянность, отец пожурит, но не придется признаваться самой себе в том, что ты никчемная и никому не нужная работница.

Итак, я засуетилась, наспех надела первую попавшуюся юбку и мой счастливый аквамаринный топик, натянула на ноги сандалии, побежала на остановку. Казалось, транспорт прекратил свое движение. В конец отчаявшись, я бросилась бежать вдоль дороги, ежесекундно поглядывая на наручные часы. Стрелки безжалостно отсчитывали дорогие для меня минуты. Поглядев на часы в очередной раз и, прокляв свою нерасторопность, я зазевалась, споткнулась о вывернутый бордюр и полетела на землю. Непременно разодрала бы себе колени и выпачкалась, если бы не появился Он. Не представляю, каким чудом он умудрился подхватить меня и удержать. Робко посмотрев в его сторону, я забыла о том, что нужно дышать. Пронзительные карие глаза, густые брови и отчего-то показавшиеся мне тогда мужицкими усы. Волосы слишком короткие, пожалуй, его можно было назвать почти лысым. Но каким-то образом все эти черты, каждая по отдельности казавшиеся мне

неприятными, соединившись в нем, очаровали, вскружили голову.

Он помог мне подняться, заботливо спросил, не ушиблась ли я. Растерянно мотнув головой, я застыла на месте и беспомощно смотрела на него. Он оказался невысоким, зато крепко сложенным. Когда он улыбнулся, я поняла, что не смогу больше жить, если меня лишат его улыбки. Он что-то сказал, я не расслышала ни слова, но заметила, какой приятный у него голос. Он словно бы загипнотизировал меня, как удав кролика. Устоять перед его пронзительным, глубоким, умным взглядом было невозможно. Он повторил свой вопрос, а я, глупая дуреха, снова ни слова не поняла. Пришлось кивнуть, чтобы он не принял меня за психопатку. Тогда он громко захохотал.

— Чего киваешь? Как зовут тебя, спрашиваю? — донеслось до меня словно бы из другой Вселенной.

— Юля, — не найдя в себе сил произнести имя в полный голос, тихо-тихо выдавила я из себя.

— Ты куда так торопишься?

И тут я вспомнила, что опаздываю на встречу с работодателем. Ну почему, почему всё получилось так глупо!

«Зачем он повстречался мне сейчас, тогда, когда я должна бежать!» — подумала я в тот момент, но он словно бы прочитал мои мысли.

— Поехали, довезу, только скажи куда, а то ты впечатление немой производишь, — сказал он и снова захохотал.

Я не обиделась на его шутку, покорно пошла следом за ним. Соберись, повторяла я себе. Наконец разбушевавшиеся чувства поутихли, и я стала отвечать на его вопросы, мы разговорились, познакомились. Его звали Егором, он оказался человеком состоятельным и был намного моложе, чем я подумала вначале. Он подвез меня на работу и не постеснялся попросить номер телефона. Я, конечно же, написала ему свой номер. Пообещав позвонить вечером, он попрощался, напоследок по-отцовски невинно поцеловал меня прямо в губы. Казалось бы, безобидный поцелуй, но в нем было столько откровенности, столько страсти! Сверстники, с которыми я целовалась раньше, не могли вызвать у меня такую бурю противоречивых и волнующих эмоций, целуясь даже с языком.

Собеседование я провалила, хотя и пришла вовремя. Но какая теперь разница! Я самый счастливый человек на свете. Теперь я знаю, что такое первая любовь, я знаю, что такое любовь с первого взгляда и с нетерпением жду его звонка. Даю себе слово не писать в этот дневник больше ни слова до тех пор, пока он мне не позвонит».

«14 мая. Егор, Егорушка, Егорка... Так приятно писать его имя снова и снова. Неужели бывает так хорошо, так тепло, так приятно?! Не могу думать ни о чем, кроме него! Поскорее бы снова встретиться, снова поговорить! Если бы мне раньше рассказали о том, что такое бывает, я бы никогда не поверила! Он будто бы читает мои мысли, заканчивает фразы за меня, каким-то образом понимает, как меня насмешить. Мы словно бы всю жизнь знакомы, но от глупости ли, из-за рассеянности позабыли друг о друге, а теперь, встретившись вместе, наверстываем упущенное. Нет, слишком сумбурно, надо записать всё по порядку, чтобы никогда не забыть».

Позавчера я дала себе слова не писать в дневник до тех пор, пока он мне не позвонит. Но позвонил он мне в ту же ночь, чуть ли не сразу после того, как я отложила карандаш. Сказал, что думает обо мне, назвал меня красивой и пригласил погулять с ним. Я сразу же согласилась, но когда он сказал, что собирается вести меня на озеро, о котором

рассказывали только плохое... Мне неприятно об этом писать, но я усомнилась в чистоте его намерений. Мои подружки, которые были куда опытнее меня в любви, говорили, что мужчинам нужно только одно, поэтому парни с выселок, догадавшись, что подружка готова, зовут ее на Гулящее, где, обычно, и бросают, иной раз обругав матом неопытную подружку, словно сапожника(не знаю, почему сапожника, но слышала похожее сравнение от отца). Я сочувствовала подругам, но, стыдно признаться, в глубине души всегда винила их и посмеивалась над ними. Со мной-то, думала я, никогда такого не приключится. Но тогда я и подумать не могла, что в моей жизни появится он. Мимолетное воспоминание о Егоре заставило меня отбросить все сомнения. Я согласилась. Если он и правда решил использовать меня, пускай, я готова пожертвовать своей честью ради него. Только бы он оставался со мной как можно дольше.

Но опасения мои оказались совершенно напрасны. Мы просто гуляли, ходили по тропинкам, бродили по лесу, бегали друг за другом в сосновом бору, он рассказывал мне, как ходил в детстве в походы. Рассказывал, что далеко на востоке растут громадные деревья с шишками, больше головы, из которых можно достать орехи. Я не верила в эти глупости, смялась так, как, наверное, не смеялась с детства. Потом он пригласил меня прокатиться по городу. Только тогда я впервые поняла, что он небедный человек. Как же, небедный. Да он богач! Ну, кто при нынешнем-то компенсационном взносе на автомобиле в состоянии развезжать по городу на машине?! Только миллионер!

Поэтому когда он стал спрашивать меня кто я и откуда, я стала стесняться, стыдиться себя, старалась замалчивать или приукрашивать правду. Он помрачнел. Невероятно, но догадался, что я вру!

— Не стоит стыдиться своего происхождения, — сказал он мне. — Да, мы из разных районов, а значит и из разных слоев общества. Но это ничего не меняет. Ты мне нравишься, Юля. Очень нравишься. Может быть, даже... — тут он запнулся, но я догадалась. Он собирался признаться мне в любви! Неужели, неужели люди бывают такими счастливыми, какой я была тогда, когда он чуть не проговорился о своих чувствах!

Никогда не забуду этой минуты, даю себе слово!

Домой он привез меня в половине первого. Всё бы было хорошо, но родители... Нет, я их ценю за всё, что они для меня сделали, но то, как они на меня смотрели, то, как со мной разговаривали... Холодно, отчужденно, мне даже показалось, что с презрением. Я не могла понять, чем это вызвано, трогать их не стала и, пожелав доброй ночи, ушла спать. А уже с утра обнаружила, что он звонил мне два или три раза. Снова пригласил гулять. Я согласилась без раздумий. Захотелось стать красивой. Раньше такого никогда не было, я и косметикой-то толком пользоваться не умела. А теперь думала о том, чтобы мне надеть, какую бы помаду подобрать. Решила сходить в магазин, попросила деньги у отца (сегодня у него выходной). Он хотел что-то сказать, но раздумал, поцеловал, сказал, что любит, сказал, что я не должна приносить себя в жертву ради него и матери. Я не поняла, что он имел в виду, попрощалась и побежала в магазин. Истратила всё до копейки, но результатом осталась довольна. В салоне в самом центре города мне сделали шикарную причёску, помогли подобрать краску для волос, сделали макияж, выбрали шикарное платье.

Когда он меня увидел, просто обомлел. Так приятно было поменяться ролями: он точь-в-точь зеркальное отражение меня, когда мы только повстречались. Восхищенные взгляды, которые он бросал в мою сторону, льстили моему самолюбию. Во время прогулки мы забрели на какую-то поляну, страстно целовались, обнимались, снова бродили по

тропинкам, наткнувшись на лавочку, целовались... Как бы я была счастлива, если бы это могло продолжаться вечно! Но, увы... стало совсем темно и он отвез меня домой. Мы попрощались, он пообещал завтра же за мной заехать. Дома меня снова дожидались родители. Мать заплаканная, отец мрачный, как туча. Я ничего не поняла, хотела их расспросить, но отец мне нагрубил, сразу же извинился и попросил не задавать вопросов.

Хоть я и счастлива, но волнуюсь за родителей. Что с ними происходит, почему они такие расстроенные? Нет, эти мысли не могут долго меня занимать. Пусть это и эгоистично, но я хочу думать о нем, мечтать о нашей новой встрече, писать его имя...

Егор, Егорушка, Егорка...»

Следующая запись была обведена черной ручкой.

«18 мая. Как, почему, зачем? Тщетно пытаться найти ответы на эти вопросы теперь. Мои родители, они знают меня всю жизнь, они учили меня, наставляли, обещали поддерживать. За что же они меня так возненавидели, почему поверили сплетням, но не родной дочери? Да я безработная, да, не могу прокормить себя. Но неужели это преступление? Я не лентяйка, просто никому ненужная. А ведь раньше, когда я это писала, то никогда не понимала смысла этих слов. Ненужная! Нет, я стала ненужной тогда, когда мои родители отвернулись от меня.

Тогда, теперь кажется вечность, а на самом деле всего три дня назад, я проснулась счастливая, бодрая, веселая, он мне позвонил, назначил время встречи. Я порхала на крыльях, так легко было на душе. Но родители... Они оставались хмурыми. Если бы я только могла догадаться, в чем причина этого! Может быть, всё удалось бы сгладить, они бы не сказали тех слов, которые произнесли вчера... Но я не догадалась. Егорушка встретил меня букетом цветов, повез в дорогой ресторан. Мне стало неловко, ведь я не могла за себя заплатить. И тогда он сказал это впервые, пусть и не прямо, намеком, но сказал.

— Любимым незачем считаться, — так он меня утешил. Это был первый раз, когда он признался мне в любви. От счастья хотелось плакать. Но тяжелые мысли о родителях не давали мне покоя и, похоже, отразились на моем лице, потому что Егор стал спрашивать, всё ли хорошо. Тогда я соврала, не хотела грузить его своими проблемами, но теперь червь гложет меня. Что если бы я поделилась с ним и он, такой умный, такой честный, смелый, непременно что-нибудь придумал. Но я соврала...

Вечер прошёл прекрасно, он подвёз меня домой, поцеловал на прощанье и пообещал заехать завтра. Отец был пьяный, что шокировало меня. Он никогда раньше не пил. Матери дома не было. Когда я начала расспрашивать его о маме, он нагрубил, хотел дать мне затрещину. Я испугалась, убежала к себе и заперлась. Утром обнаружила мать спящей под дверьми моей комнаты. Она выглядела какой-то поникшей. Егор позвонил, назначил встречу, но бросить родителей в таком моменте я не могла, никогда бы себя не простила, хоть и хотелось встретиться с ним больше всего на свете. Он, замечательный, любимый, все понял, не стал настаивать, пообещал позвонить завтра и попрощался. Весь день я приводила мать в чувства. Отец, красный от стыда, подавленный, помогал мне, время от времени просил прощения. Мать же плакала всякий раз, когда видела меня. Я пыталась ее утешить, шептала ласковые слова ей на ушко, но все было бестолку. Она заливалась слезами, просила у меня прощения, и повторяла одну и ту же фразу много раз. «Я найду тебе работу, только брось заниматься этим», — вот что говорила она. Я не поняла, что она имела в виду. Видимо счастье — а, не смотря на горе родителей, я была тогда счастлива — притупляет. Только попросила успокоиться и ложиться спать. Отец же снова сел пить.

— Папа, а почему ни ты, ни мама не были сегодня на работе? — спросила я, разговором надеясь отвлечь его от рюмки.

— А зачем нам работать, когда наша дочь блядью выросла и сама нас прокормит? — сказал он заплетающимся языком.

Я знаю, сегодня говорят, что нет ничего постыдного в предоставлении такого рода услуг, но мне больно было слышать это из уст отца. Он тут же заплакал, стал просить прощения, но я не хотела его слушать, убежала к себе в комнату и, глотая слезы обиды, легла спать. Утром я поняла, что мне срочно нужно вырваться из дома, сама позвонила Егору, попросила за мной заехать. Он, не колеблясь, выполнил мою просьбу, мы катались по городу, разговаривали, потом я не выдержала и заплакала. Как же он тогда испугался!

— Я тебя обидел? Я тебя чем-то обидел? — только и твердил он. — Прости, прости, если сможешь.

Его слова, искренность, которой они сквозили, ещё больше меня расстроили. Я разозлилась на родителей, просто в бешенство пришла, когда подумала о том, что напугала своего любимого из-за них. Это помогло мне успокоиться. Он ласкал меня, успокаивал, расспрашивал, слушал. Когда я закончила, он нахмурился и долго молчал, но приняв решение, говорил быстро и четко. «Постарайся помириться, — советовал он мне. — Я думал, следует ли мстить, злиться, проклинать, но потом задумался, а как бы поступил сам, если бы так со мной обошелся мой отец и понял — родителям можно простить всё. Даже не можно, нужно. Без них некому было бы дуть губы. Узнай, почему он так сказал, объяснись, и вы обязательно помиритесь». Тогда его слова подействовали на меня, как хорошее успокоительное. Я поверила ему. Папина фраза какое-то недоразумение, он никогда меня не обижал, просто его кто-то подговорил. Я твердо решила помириться с родителями, в моих мечтах отчетливо отразился образ нашей семьи на старых фотографиях, оставшихся на давно утерянном жестком диске.

Когда я уходила на встречу с Егором, казалось, ничего не сможет меня утешить, но у него получилось. Однако дома меня ждало разочарование. Отец снова был пьян, мама громко плакала в спальне. Я попыталась поговорить с ней, но она меня прогнала. Отца я трогать не стала — по лицу было видно, что он не в настроении. «Значит завтра», — заключила я. Но наутро ... Как же сложно об это писать. Не думала, что придется прилагать столько усилий. Больно вспоминать, но наутро родители ждали меня на кухне. На лицах обоих отпечаталась решительность и подавленность.

— Дочка, — начала мать. — Я не могу судить тебя, я не буду. Понимаю, у тебя была уважительная причина. Уже несколько месяцев ты не можешь найти подходящую работу. Понимаю, сегодня нас убеждают, мол, нет в этой, если так можно выразиться, профессии ничего постыдного. Понимаю, что так, как ты зарабатываешь там, ты больше нигде не будешь зарабатывать. Прости, но не с твоим умом.

Я переводила взгляд с отца на мать, не в состоянии понять, о чем она говорит.

— Мама, какая работа? — спросила я.

— Не перебивай мать! — рявкнул отец, хлопнув ладонью по столу, да так сильно, что кружка с чаем, стоявшая перед матерью, подскочила.

— Я всё понимаю, — продолжила мама. — Но не могу этого принять. Ты бы видела, как косо смотрят на нас люди. Так, мол, и так, кого воспитали. Вон, отцу чего заявила эта старуха, что как гриб на лавочке сидит!

— Проститутку, говорит, воспитали! — рявкнул отец. — Да я ее пришибить был готов

за такие слова.

— Тихо-тихо, — успокоила его мать. — В общем, дочка, ты живи, как хочешь, совершеннолетняя уже, имеешь на это право, но я мириться с твоей профессией не хочу и не буду. А прислушиваться к перешептываниям — уж не обо мне ли говорят — я не стану.

— Мамочка, да ты что? — я, наконец, поняла, к чему они ведут, заплакала. — Да как вы могли обо мне такое подумать?

— А что я могла подумать?! — разгорячилась она. — Домой возвращаешься поздно, каждый раз на новом автомобиле! Слезки свои не роняй, раньше нужно было думать, прежде чем залезать под денежные мешки. Платят тебе, должно быть, хорошо, потому жильем ты себя обеспечить сумеешь. Нам твоих денег не надо, но и содержать тебя мы больше не намерены. Раз уж решила зарабатывать таким способом, отвечай за поступки сама.

— Мама, да как ты можешь?! — взмолилась я. — Я с ним даже не переспала, ни разу в жизни, нам просто хорошо вместе!

— Не ври, сука! — заорал отец. — Бреешь ведь! Старуха все видела, как ты ластилась к нему, как вы целовались, а потом он тебе денег давал.

— Папа, — я не могла сдерживать обиду, зарыдала в голос. — Почему ты так со мной разговариваешь?!

— Привыкай, дочка, — сказала мама. — Теперь многие будут с тобой так разговаривать. Решила превратить свое тело в товар, будь готова понести за это наказание. Мне тебя жаль, но помогать мы тебе больше не будем. Подыскала себе профессию, не спросив, не посоветовавшись, твое право, но и в дальнейшем на нас не рассчитывай. Поэтому, дочка, съезжай. Ни видеть, ни знать мы тебя больше не хотим.

— Вы мне сказать не даете, — взмолилась я. — Послушайте, я всё объясню!

— Собирай вещи и проваливай! — процедил сквозь зубы отец.

И тогда я поняла — происходящее правда. Мои родители возненавидели меня за то, чего я не совершала. Поверили гнусным слухам, а не моему слову. Стало больно, обида захлестнула меня, но вперемешку со злобой.

— Мне некуда идти, — тихо сказала я.

— Так к ебарю своему езжай, сука. Нечего проститутке в моем доме отираться! — отец, весь красный, был ещё пьян. Но это его не оправдывало. А молчаливое согласие матери... Это было хуже всего.

Обида исчезла, я враждебно посмотрела на родителей. Хотелось, чтобы от моего взгляда им стало не по себе. Развернулась, ушла в свою комнату, схватила первые попавшиеся под руки вещи и ушла, не прощаясь. На улице я столкнулась с той старухой, о которой говорил отец. Она с усмешкой и осуждением смотрела на меня. Злость разобрала, проходя мимо, я плюнула ей прямо в лицо. Она перепугалась, завопила, как сумасшедшая, но я не стала обращать на это внимания, бегом покинула свой дом, добралась до остановки и уехала. Я сидела у окна автобуса и думала, как же быть дальше: за душой не копейки, друзья и подруги никогда бы не приютили меня, оставалось просить о помощи одного единственного человека — Егора.

Он не отвернулся от меня, велел сойти с автобуса и ждать его, подобрал прямо на остановке, утешил, пообещал что-нибудь придумать. Я снова поразились тому, насколько же он умный — сегодня ни слова не сказал о возможности примирения с семьей. Понимал — родители нанесли мне слишком глубокое, слишком личное оскорбление, мириться с которым нельзя.

— Юля, — начал он, когда я выговорила и немного успокоилась. — Раз всё сложилось так, думаю, нет смысла скрывать больше — я тебя люблю. Если ты окажешь мне такую честь и согласишься переехать ко мне, я стану самым счастливым на свете человеком. Если пожелаешь, мы даже скрепим нашу связь пусть и формальными, но для некоторых людей весьма значимыми узами брака. Я готов к этому, готов прожить с тобой всю жизнь, потому что знаю — другую такую я никогда не повстречаю.

Сбитая с толку, ошеломленная таким признанием, я не знала, то ли мне радоваться, то ли плакать. Наверное, мое «да» было слишком тихим, неубедительным, но всё равно было «да». Он отвез меня к себе в район, о существовании которого я даже и не знала. Шикарные дома, ухоженные улицы — всё здесь совершенно не походило на выселки. Его особняк — по-другому и не назовешь двухэтажную громаду, раскинувшуюся прямо у берега речки — был великолепен. Я и представить не могла, что люди живут в такой роскоши. Я даже позабыла об обиде на родителей. Он поселил меня в своей комнате, предложил начать обживаться и чувствовать себя здесь хозяйкой. Когда наступила ночь, он не потревожил мой покой, позволил мне как следует отдохнуть. А сегодня утром я вспомнила, что уже несколько дней не писала своих заметок и поскорее, чтобы ничего не забыть, полезла в сумочку, чтобы достать ежедневник. Но его там не оказалось. Я поняла, что забыла его дома.

Сама не знаю почему, но я отправилась туда. Ключи лежали в кармане, я быстро поднялась на свой этаж, замерла перед дверью в нерешительности. Это место я считала своим домом девятнадцать лет. И теперь я не могла туда войти. Если мои родители увидят меня, я... я не знаю, как себя вести, что говорить, да и нужно ли что-нибудь говорить. Но оставить дневник здесь я не могла, потому вставила ключ в замок, повернула его и, стараясь не смотреть по сторонам, ворвалась внутрь, направилась напрямик в свою комнату. Отец, совершенно пьяный, валялся посреди коридора, матери поблизости не было видно. Я переступила через него, зашла к себе, отыскала ежедневник, направилась назад, взгляд снова упал на отца и... Наверное, это был самый гадкий поступок, который я совершила за всю свою жизнь. Почему я это сделала? Наверное, боль и злость возобладали над совестью и стыдом. Я остановилась перед отцом, сжала кулаки и, занеся ногу, опустила каблук ему на живот. Опустила резко, вдавила его изо всей силы, потом пнула носком ноги в лицо. Он повалился на бок, из носа брызнула кровь, но я уже не могла остановиться, стала бить его, топтаться по нему, выплескивая свою ярость и накопившуюся обиду. Я визжала как истеричка, перебудила всех соседей. Мать выскочила из комнаты и, увидев, что я делаю, напала на меня, но я отшвырнула ее и бросилась бежать.

Не помню, как вернулась к Егору и не знаю, что будет теперь. Если я, боже, не допущу этого, убила своего отца, за мной приедут, и запись эта станет последней. Тогда дневник прочитает только Егор. Поэтому я пишу тебе, любимый. Не забывай меня, я тебя тоже полюбила, с того самого момента, как впервые увидела».

Казалось бы, ежедневник должен был оборваться, но нет, пролистав пару пустых страничек, Агния нашла еще запись. Даты не стояло, но буквы обводились многократно до такой степени, что бумага в нескольких местах разорвалась. Ручку вдавливали с ожесточением, было видно, что запись оставили в период сильного эмоционального возбуждения. Вот, что там было написано:

«Теперь я могу смеяться, хохотать, как безумная, ведь я свободна. Могу забраться на крышу и полететь, могу лечь на рельсы и отдохнуть, могу заплывать на середину Гулящего и нырнуть, проверить, смогу ли я достать самого дна.

Мечты, они разбиваются, и когда это происходит, становится нестерпимо больно. Невозможно поверить, что дарованное тебе небом счастье может раствориться также внезапно, как оно и появилось.

Мы так дружно жили, он всегда улыбался мне. Мы спали с ним, как муж и жена, я готовила, следила за домом, всё было так хорошо, казалось, я в раю. Родители... Все удалось замять, удары, казавшиеся мне смертельными, не причинили отцу ни малейшего вреда. От побоев остались только разбитый нос и задетая гордость. Но родители мо сной окончательно порвали. Только зачем они мне теперь? Они мне были не нужны, я не могла понять, как нас с ними могло что-то связывать. Они думали обо мне плохо, так пускай забудут меня, я, в свою очередь, отрекусь от них.

Егор поддержал меня в этом. Он вообще всегда меня поддерживал. Пока не приехали его родители...

Это было как наказание: за то, что я отвернулась от своих родителей, меня не приняли родители Егора.

Как же хочется забыть день нашего с ними знакомства. Но я не могу. Чванливый, высокомерный отец Егора, одетый с иголки. Его супруга, бледная, как сама смерть(оказалось, у нее была волчанка и под тоннами пудры и всяческих кремов она скрывала уродливое красное лицо), худая, как скелет, одетая вычурно, безвкусно. Они с сомнением, даже враждебностью изучили меня, не стесняясь моего присутствия, стали отпускать колкости и замечания по поводу моей внешности, манеры одеваться, жестов и мимики. Я думала, смогу привести их речи на бумаге, но руки отказываются слушать, настолько задели меня их слова. Нет-нет, всё оставалось в границах приличия, но иногда даже без ругательств можно задеть чувствительные струны души. И после этого даже самые грубые и неотесанные слова покажутся желанными. Но самое страшное — Егор не заступился за меня... Он иногда... Иногда он посмеивался. Да, посмеивался! Я бы не заплакала, я не должна, не могла. Но когда увидела усмешку на его лице, узнала что-то глубоко неприятное о нём, осознала всю бедственность своего положения. Первая любовь, так я назвала чувства, вспыхнувшие во мне в момент нашей встречи. Я думала, я мечтала, я была убеждена, что он испытывает то же самое, но когда у его губ собирались морщинки после очередной обидной шутки его родителей, я начинала понимать... смутно подозревала... Кем я была в этом доме? Его родители со всей очевидностью дали мне это понять. Я приживалка, вцепившаяся хваткой хищницы в богатого человека. Я не ровня ему, я высельчанка, не закончившая школу, а он с высшим образованием. Его отец открыто назвал меня временным увлечением, а Егор молчал. Почему он не одернул своего отца тогда?

Позже, намного позже, я пойму, какой была дурой, как ошибалась. Правду говорят — биржевой игрок крепок задним умом. Если бы я могла знать, к чему приведет наш роман, я бы, наверное, прокляла тот день, когда вышла из дому...

Нет! Даже после того, что случилось, я люблю тебя, Егор, я не отвернусь, как отвернулся ты, я не забуду, я постараюсь стать тебе ровней.

Он пришел после ужина. Грустный, подавленный.

— Ты не понравилась родителям, — сказал он.

Я, заплаканная, разбитая, кивнула.

— Надеюсь, ты можешь их простить. Они люди из другой среды, им неведомы чувства, которые нас с тобой связывают.

Я корю себя за это теперь, но тогда не смогла удержаться от упрека:

— Если так, если ты по-прежнему меня любишь, почему не сказал им этого, почему не заставил прекратить!

— Пойми, они мои родители, я не могу, не имею права им приказывать. Но я клянусь тебе, что люблю тебя!

Потом он говорил еще что-то, но мне было достаточно и этого. Я обняла его, поцелуями заставила замолчать, его ласки становились все смелее, напористее...

Утром мне казалось, гроза миновала. Егор был весел, а его родители должны были уезжать. Правда, мать попросила Егора пообедать с ними в каком-нибудь кафе наедине, но я не придавала этому никакого значения.

«Он меня любит», — повторяла я про себя. Во всех книгах, которые я читала, во всех историях, которые слышала, любовь всегда побеждала, преодолевала любые преграды. Поэтому не верилось, что одной беседой они что-то поменяют. Больше того, я надеялась, что Егор признается им в своих чувствах.

С обеда он вернулся бледным, расстроенным. Я хотела утешить его, но он прогнал меня, не дал сказать и слова. Он поднялся к себе и заперся, сидел там до полуночи. Я волновалась, стучала в дверь и спрашивала, как он себя чувствует. Ответом служила тишина.

Наконец, он вышел. По его лицу было видно, что он принял решение, и далось оно ему нелегко. Он пригласил меня в гостиную, мы сели за стол, он молчал, кусал побледневшие губы. Мне стало страшно, но я не смела сказать ни слова.

— Я не мог бы тебе не рассказывать этого, но, как я говорил, я тебя люблю, потому не стану врать, хоть того и желали мои родители. Скажу как на духу. Тебе будет больно, за это я заранее прошу прощения, но выбора у меня нет.

Я вся похолодела.

— Как ты, должно быть, догадалась, родители пригласили меня беседовать не о погоде. Они снова издевались над тобой, говорили гадости о девушках с выселок, повторяли легенды об их доступности. Я не стал молчать, сказал правду. Между нами вспыхнули чувства, я намерен жить с тобой. Отец усмехнулся, мать осталась бесстрашной. Они приготовили для меня другую. Дочь одного крупного промышленника, фамилия которого тебе ни о чем не скажет. Я отказался. Тогда отец приказал мне съезжать из дому. Они пригрозили лишить меня наследства. Посоветовали поиграться с тобой, а когда надоест, бросить. Они сказали, что я для тебя просто кормушка, ты не испытываешь ко мне никаких чувств.

— Но это не правда! — вспыхнула я.

— Пожалуйста, не перебивай. Каждое слово дается мне с трудом. Я отвергал все их доводы, отвергал их до последнего. Но когда они сказали, что дела семьи не так хороши, как были раньше, когда сказали, что мы фактически банкроты и промышленник готов заключить контракт только при условии, что я сойду с его дочерью... Ты, должно быть, догадалась — мать больна. Так вот, они сказали, что денег на ее лечение не останется, если я пойду против их воли. Они сказали, что я могу развлекаться с тобой месяц, но после должен буду сойтись с другой. Речь о жизни моей матери, Юля. Пойми и прости. Я не гоню тебя, если желаешь, на протяжении месяца мы можем оставаться вместе, но после придется разойтись. Прости, прошу тебя.

Он закончил, повесил голову. Я растерялась и поддалась первому порыву, села рядом с ним, обняла, прижала к себе, стала целовать.

— Милый, — сказала я, — так зачем же мы теряем время? Впереди у нас лучший месяц в нашей жизни.

И мы прожили этот месяц вместе. А потом я ушла из его дома. Он обещал содержать меня, но я отказалась. Вспоминать о нем больно. Почему, почему я родилась в бедной семье? Я ему не ровня, так говорили его родители, и это было правдой. Хочется остановиться, но нужно жить дальше. Я ничего не умею, а потому остается только одно. Мои родители, они знали меня куда лучше, чем я знала сама себя. Они оказались правы на мой счет. Мое место здесь, на Гулящем, среди тех, кто торгует собой в обмен на деньги, единственную вещь, перед которой оказывается бессильна даже любовь. Единственную вещь, которая дороже любви, дороже всего на свете.

Прощай Егор, той Юли, которую ты знал, больше нет. Осталась Альбина с которой ты, возможно, когда-нибудь, желая отдохнуть от жены и назойливых детей, решишься провести ночь».

На этих словах дневник обрывался.

...

Агния некоторое время рассматривала книжку, размышляла. Ей отчего-то стало противно. Она возненавидела себя, возненавидела Кирилла за то счастье, которое выпало на их долю. А потом вспомнила об Артеме. Вспомнила и ужаснулась.

«В этом мире слишком много несправедливости, — подумала она. — В мире, в котором влюбленные не могут быть вместе только потому, что принадлежат разным слоям общества. Так зачем же преумножать несправедливость, зачем губить невинного?»

Она встала, спрятала книжку у себя в сумочке, быстрым шагом направилась вниз, к озеру, миновала его, добралась до остановки и поехала домой. Твердо решила, что отговорит Кирилла. Она не смогла помочь сыну, но поможет Артему.

Кирилл не было дома. Агния попыталась дозвониться до него, но ничего не вышло. Она сразу поняла — наркоторговцы не стали откладывать дело в долгий ящик и решили разобраться с Курковым сегодня же.

Дрожащей рукой Агния набрала номер Артема. В тот момент она не думала о возможных последствиях, вообще ни о чем не думала, кроме как о своем сыне и дневнике, который отыскала на прогулке. Если Курков не ответит, значит с ним кончено.

Трубку сняли.

— Алло, — робко выдавила из себя Агния. — Артем?

— Что вы хотите? — полушепотом произнес человек с другого конца аппарата.

— Артем, это ты? Просто ответь!

— Ну а кто еще? — раздраженно выпалил он.

Да, это был он. Как же повезло! Какова была вероятность того, что она позвонит как раз в тот момент, когда они будут ехать на встречу? Доли процента. И, тем не менее, удача улыбнулась ей. Сама судьба благоволила Агнии.

— Не вешай трубку, Артем. Слушай внимательно. Я хочу тебе помочь. Только не пугайся, — Агния перешла на шепот.

— Я не могу с вами долго разговаривать, — сказал он.

— Послушай, прошу, просто послушай, — молила она. — Ты больше им не нужен. Понимаешь? Они решили, что ты и твой спутник не нужны. Обязательно езжай на место встречи, но когда сделаешь свое дело, постарайся скрыться. Ты помнишь, куда отвозил свою первую посылку? Тот человек, пожилой мужчина, он поможет. Не таись, расскажи ему всё как есть, а он решит, что делать. Ты меня понял? Скажи же хоть что-нибудь!

— Хорошо, — по голосу было слышно, что он пытается говорить спокойно, но у него это не сильно-то получалось. — Я так и сделаю. До свидания.

— Только обязательно доберись до места встречи! Слышишь! Скроешься, когда переговоры с твоим спутником начнутся. Договорились?

— Да, всё понял, до свидания, — ответил он и сбросил телефон.

Агния отвела трубку от уха, торопливо удалила из памяти этот вызов, села на край кровати и, нервно теребя застежку на своей блузке, стала ждать развязки событий.

Прошло несколько часов. Темнело. От Кирилла никаких известий. Агния успокаивала себя, но в душу уже закрался страх — а что, если он догадался? Они схватили Артема и вызнали у него всё об ее поступке. Как себя поведет Кирилл в этом случае? Но страха за себя Агния не испытывала. Её волновала судьба самого Кирилла. Интерес брата и его дочки к этому делу вдвойне настораживал. А вдруг... Да в это сложно поверить, но вдруг Славик решил избавиться от посредников и сам заняться торговлей?

«Он так не поступит, никогда не поступит», — убеждала себя Агния. А в памяти всплыло их прошлое, тот период, когда они ещё были близки и богаты.

Отец Агнии и Вячеслава, Сергей Доронин работал тогда в крупном научно-исследовательском центре. Страстно любивший биологию, он привил свою привязанность и детям. Агния освоила классификацию растений уже в двенадцать лет, Слава же больше интересовался микроорганизмами и биофизикой. Ни сестра, ни брат и не помышляли о том, чтобы в будущем заниматься чем-то кроме обожаемой науки. Успехи Агнии были несколько

скромнее, тем не менее, до поры до времени брат не важничал и подтягивал ее. Когда характер Славика резко переменился? Сложно сказать, но точно не в школе. Экзамены они сдали на отлично, многие биологические университеты вызвались оплатить их учебу в собственных стенах с условием, что впоследствии молодые ученые будут работать в научно-исследовательских центрах собственников университетов. Разумеется, Агния и Славик поступили в заведение, при котором располагался научно-исследовательский центр отца. Пожалуй, там и начали происходить тревожные перемены в характере брата. Слава стал стремительно расти в профессиональном плане. Преподаватели им восхищались, пророчили ему большое будущее. Но их оценки Славика не интересовали. Сделавшийся высокомерным, он отзывался об университетских профессорах в пренебрежительном тоне. Научные звания стали для него чем-то вроде оскорбления. «Хочешь узнать, насколько глупый человек тебя учит, — любил говаривать Слава в те времена, — поинтересуйся его званием. Чем оно выше, тем он тупей».

Причины этой ненависти крылись, прежде всего, в убежденности Славы — ему казалось, что руководители воровали его идеи. Натыкаясь в журнале на очередную статью одного из своих преподавателей, он то и дело цокал языком и возмущался.

— Я им говорил об этом, а моей фамилии здесь даже не стоит! — повторял он ворчливо по прочтению статьи.

Наверное, из-за этого он и замкнулся в себе. Ничего удивительного — все крупные ученые секретничали и не спешили делиться друг с другом результатами, считая вопрос приоритета вопросом первостепенной важности. Больше того, одно время было популярно выпускать ряд статей-обманок, которые автор писал, чтобы сбить конкурентов с правильного пути. Пока шла проверка сведений, изложенных в пустых работах, плуты успевали закончить исследование и получали приоритет, а значит и патент, после чего начинали грести деньги лопатой. Подобное положение сильно тормозило прогресс — фундаментальная наука практически не двигалась, во многих отношениях человечество оставалось на той же ступени, что и в начале двадцать первого века.

Агния даже не знала, чем занимается ее брат, пока не прочитала его статью, названную революционной. Славик был первым человеком, разработавшим и проверившим экспериментально нанобота — клетку небиологического происхождения, которую возможно встраивать в организм человека и животного, замещая, таким образом, поврежденные клетки. Изобретение тут же подхватили и стали широко применять. Славик получил неприлично большую премию, однако, остался недоволен. Дело в том, что плодами его открытия будет пользоваться университет, ему же оставалось повесить медальку на стену и перевести деньги в банк. Смириться с подобным ходом дел он не мог.

Агния так и не допыталась у Славика, когда ему пришла мысль использования своего изобретения для охраны общественного порядка. Но первой эту идею он выложил сестре, а потом и отцу. План Славика был прост — сформировать новую фирму, специализирующуюся на охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Он получил много, но в одиночку проверить эту затею не мог. Отец же, проработавший больше тридцати лет биологом, располагал серьезными накоплениями, да плюс сбережения Агнии, небольшие, но все равно пригодившиеся. Идея была одобрена. Отец взял решение юридических и организационных вопросов на себя, Агнии же и Славика предоставил личную лабораторию, в которой им и предстояло разработать полноценных наноботов-блестителей. Сначала Славик трудился по привычке: скрывал от сестры результаты, нехотя

сообщал об успехах своих опытов, Агния же охотно рассказывала о ходе собственной работы. В конце концов, и до Славы дошло, что сотрудничество и взаимопомощь продуктивнее: то, чего не заметил один, поправит или дополнит второй.

Когда они стали работать сообща, успехи стали расти в геометрической прогрессии и очень скоро Славик с Агнией получили необходимый образец нанобота, способного реагировать на импульсы зрительных нервов, расшифровывать их и передавать полученную информацию. К тому времени отец давно закончил подготовку, и вновь организованная охранная фирма была готова выйти на рынок. Тут-то у основателей и возникли разногласия относительно применения блюстителей.

Славик настаивал на необходимости повсеместного внедрения блюстителей. На возражения отца об аморальности вмешательства в частную жизнь он отвечал:

— Мы предложим услуги собственникам земли, они же имеют полное право устанавливать законы, не противоречащие международному праву, на своей земле. А там уж арендаторам самим решать, принимать условия собственника или нет. Если требования нашей фирмы им не подходят — могут переехать. Укажи, где тут аморальность? Мы гарантируем приватность, данные не будут вскрываться до совершения преступления. Убежден, процесс можно автоматизировать, исключив, таким образом, человеческий фактор. Я думаю, ты драматизируешь.

Несмотря на эти доводы, отец продолжал настаивать на том, что блюстителей следует вводить только охранникам и рецидивистам.

— Мы исключим возможный произвол со стороны полицейских, и в тоже время будем располагать полной информацией относительно предполагаемых преступников. Разве этого мало? — говорил Сергей Доронин.

Но Славик продолжал приводить доводы в пользу своей точки зрения, подчеркивал, что повсеместное введение блюстителей спасет тысячи, десятки тысяч жизней, положит конец преступности как явлению.

— Мы можем начать новую эру в истории человечества, отец! — восхищенно провозглашал Славик. — Мы перестроим самого человека, и когда это произойдет, надобность в блюстителех отпадет. Считаешь, это аморально? Возможно. Но разве цель не оправдывает средства?!

Тут отцу нечем было крыть и, в конце концов, он согласился со Славой. Так началась деятельность их охранной фирмы. Новинка далеко не сразу стала пользоваться спросом. Публикация многочисленных научных статей, совершенствование способа введения препарата в кровь человека, абсолютная безопасность процедуры — всё это не играло никакой роли. Люди продолжали бояться.

Однако проблема высокого уровня преступности существовала в ряде городов. Особенно удручающей она была на принадлежащей Костицыну земле — в Новограде и окрестностях. Новостройки, которые впоследствии назовут выселками, буквально заполнили банды и наркоманы. Последней каплей в чаше терпения Костицына стала гибель его собственного сына от передозировки героином. Охранное предприятие, работавшее на собственника, не сумело побороть беду наркоторговли, обрушившуюся на город. И тогда Юрий Павлович обратился к фирме Дорониных.

Это была большая удача. Славик истратил все свои деньги и большую часть средств отца на раскрутку и рекламу — бестолку, дело шло к банкротству, а тут подвернулся крупный заказ от Костицына. Доронины с энтузиазмом принялись за работу. Запросив по

сути смехотворную сумму в качестве аванса, Славик в кратчайшие сроки организовал лаборатории для введения блютителей. Однако, решение Костицына вызвало всплеск недовольства в городе. Юрий Павлович занял жесткую позицию и, предложив недовольным подобрать себе новое место жительства, приказал начать вакцинацию.

Успех был грандиозным. В течение четырех месяцев после вакцинации приблизительно двадцати процентов населения уровень преступности упал в пять раз. Поначалу проклинавшие блютителей горожане неожиданно для себя осознали, что их жизнь стала безопасной. До того упрямившиеся, они сами стали обращаться в медицинские центры и вскоре был обеспечен сто процентный уровень охвата блютителями. Акции фирмы Дорониных подскочили, поступило ещё несколько заказов из проблемных городов, не сулившие, впрочем, большой выгоды.

Державшиеся сплоченно в тяжелые годы, Доронины начали ругаться в годы сытные. Славик, считавший себя творцом проекта, настаивал на перераспределении акций. Поначалу, фирму оформили на трех собственников, по настоянию отца доли разделили поровну. Тогда Славик не возражала, поскольку отец вложил куда больше денег, чем он. Однако крупная доля у Агнии теперь не устраивала старшего брата. Он требовал пересчета в соответствии с курсом акций на момент формирования предприятия. Агния, разгадавшая замысел брата оставить её не у дел, заартачилась. Отец же, не пожелавший принимать участия в семейной перепалке, выбросил свою долю на рынок и вышел из игры.

— Я затеял это, чтобы обеспечить вам будущее. Свою задачу я выполнил, дальше разбирайтесь сами, — заявил он перед тем, как покинуть их офис в центре города.

После его ухода Славик воодушевился, затеял ряд крупных исков против сестры. Агния брыкалась, как могла, но брат оказался настойчивее, сообразительнее, да и связей у него было куда больше. Отсудив почти все акции у сестры, он докупил пару процентов и получил контрольный пакет.

На тот момент Агния уже была замужем, забеременела и, решив, что хватит с неё игр в корпоративных акул, продала оставшуюся долю. Потом муж ее бросил ещё до рождения ребенка, деньги пришлось потратить на место в клинике, образование сына и так далее. Вырученной с продажи акции суммы хватило надолго, но к середине своего четвертого десятка Агния оказалась на мели.

Погрузившись в воспоминания, она не заметила, как задремала. Разбудил ее топот чьих-то ног. Проснувшись, Агния перепугалась, пошла к спальне, откуда и доносился шум, предварительно достав из буфета нож. Навстречу ей выбежал взмыленный Кирилл. Увидев в ее руках нож, он отшатнулся.

— Ты чего? — удивленно спросил он.

— Это ты! — Агния уронила нож, бросилась было к возлюбленному, но тот остановил ее.

— Агния, девочка моя, ты хотя бы представляешь, что натворила? — спросил он, поджав губы.

Она отрицательно мотнула головой.

— Ты догадался, что я ему всё рассказала? — выдавила она из себя.

— Догадался, — подтвердил Кирилл.

— Злишься на меня из-за этого?

Он хмыкнул.

— Ты не в курсе, — то был не вопрос, а утверждение. — Пойдём.

Он взял её за локоть, проводил в зал, включил телевизор, поднял звук.

— ...подозревается в совершении террористического акта. По информации, которой располагает следствие на сегодня, лидером этой организации является Доронин Сергей Викторович, пожилой рантье, один из основателей «Либертарианца». Осведомленный об уязвимостях системы блюстителей, он сумел скрыть подготовку теракта. Любой, кто располагает информацией об его местонахождении, должен сообщить по телефону... — тараторила дикторша, а на экране появилась фотография отца Агнии. — Второй подозреваемый, Артем Геннадьевич Курков, как уже достоверно установило следствие — окровитель, — изображение отца сменилось фотографией Артема. — По версии следствия именно он доставил коробку со взрывчаткой в муниципальный офис Костицына. На данную минуту от взрыва погибло восемь человек, еще три десятка серьезно ранены. Сообщения о ряде терактов в прилежащих городах продолжают поступать из разных источников, но проверить их достоверность мы пока не можем. Глава «Либертарианца», Вячеслав Сергеевич Доронин, выступил с заявлением...

Кирилл выключил телевизор.

— Они и на тебя начали охотиться, девочка. Тут-то и всплыла информация о том, что тебя в базе данных нет. Собираются проводить тотальную проверку, вскоре наш маленький картель прикроют. Выбора нет, нужно уезжать.

— Я ничего не могу понять, — ошеломленная обрушавшейся на нее информацией, проямлила Агния.

— Взрыв в центре устроили террористы, работавшие на твоего отца. Я говорил — не нужно с ним связываться, а ты все рассчитывала вернуть сына. Теперь вот за этого дурака заступиться решила. Хотя бы понимаешь, во что мы ввязались! — заорал Кирилл. — Через полчаса на всех выездах и въездах нас будут ждать. Нужно немедленно уезжать. Собирайся.

— Он что, заставил Артема устроить взрыв?! — ужаснулась Агния.

— А ты думала, он ему за так поможет? Я чувствовал — старик затевает нечто крупное. Эти взрывы только начало. Дальше будет больше. Он же грезил своей революцией. Наверно решил, что пора начать. И всё из-за твоей клятой жалости. Сначала сына хочешь вернуть, теперь Артема спасти. И рыбку съесть, и молочка напиться!

Агния заплакала, Кирилл вздохнул, поправил трясущимися руками растрепанные волосы женщины.

— Прости, Агния, прости, девочка моя. Я не должен был... Давай собирайся, нужно уезжать и сейчас же. Борман нас ждет.

— Что с Артемом? — сквозь слезы спросила она.

— Живой твой Артем, если, конечно твой отец его не кончит. Вон ищут повсюду.

— Второй. Охранник. Он живой?

— Да какая тебе разница? Собирайся! — снова вспылал Кирилл.

— Я не могу, — плакала Агния. — Я должна найти сына.

— Совсем с ума съехала? — заорал Кирилл. — Смирись, ты его потеряла. Он принял решение, так пускай расплачивается. Он, как и мы с тобой, вне закона.

— Я не могу уехать, пока не узнаю, что с ним всё хорошо, — произнесла Агния, подскочила с места, бросилась в прихожую, стала одеваться. Ее догнал Кирилл, схватил за плечи.

— Что ты вытворяешь, куда собралась?

— К отцу, только он знает, где Паша.

Кирилл застонал.

— Да на квартире твоего отца засады расставлены, только и ждут, когда кто-нибудь из фигурантов дела заявится.

— Есть еще одна, в пригороде. Про нее знаю только я.

— Агния, оставь эту затею! Нужно уходить и уходить немедленно. Собирайся, и поехали, у меня всё готово.

— Я не могу уйти без сына, — настойчиво повторила Агния.

Кирилл обхватил ее щеки ладонями.

— Да послушай же ты! Тебя ищут по всему городу. Если схватят, я и предположить боюсь, чем это для тебя закончится. Твой сын не послушается — ему плевать на тебя, пойми ты. Если бы ты была ему хоть немного дорога, он непременно предупредил бы о подготовке теракта. Думаешь, твой отец решил устроить этот взрыв только что, ничего не планировал? Это спланированная акция! Ладно, я. Я для твоего отца и сына никто, но они не сказали, ни слова тебе! Агния, одумайся, прошу тебя! Пойми ты, им плевать на тебя, они трясутся только за свою революцию.

— Я не могу бросить сына, Кирилл, не могу!

Кирилл упал на колени.

— Агния, я тебя люблю, люблю больше жизни! Прошу, послушай меня! Нужно уезжать, немедленно. Пока мы болтаем здесь, наш дом уже могут окружать, в любую минуту накроют. Мы понапрасну теряем время.

— Прости, — прошептала она, натянула кроссовки и открыла дверь.

— Если не пойдешь со мной, мы больше не увидимся, — выдавил Кирилл. — Никогда!

— Прости, — повторила она, прикрыв за собой дверь, побежала вниз по ступенькам.

...

Она бежала к метро, не разбирая дороги. Спустившись, металась по платформе из стороны в сторону, пока не подъехал поезд, нервно теребила свои рукава, дожидаясь нужной станции. Время тянулось, как жвачка. Агния подскочила с места задолго до остановки поезда, вылетела на своей станции. Когда поднималась вверх по эскалатору, увидела охранников. Они смотрели прямо на неё. Сначала Агния думала, что ей показалось, но потом вспомнила слова Кирилла. Они действительно намеревались задержать её. Агния развернулась и бросилась вниз. Охранники засемили следом. Куда дальше? Поезд в обратную сторону, Агния на него. Охранник не успели.

Перебежав в другой вагон, Агния не стала дожидаться следующей станции, а дернула стоп-кран, разбила стекло и вылезла в туннель. Она не думала о том, что может наступить на высоковольтный кабель просто побежала в обратном направлении. Позади донеслись крики машиниста, но Агния не обратила на это никакого внимания. В конце тоннеля забрезжил свет. Агния добралась до платформы, стараясь ни к чему не прикасаться, взобралась на нее и осторожно ступая, побежала вверх по ступенькам. Охранников не было!

Выбравшись из метро, она остановила первое попавшееся такси и, достав из кармана оставшуюся мелочь, попросила отвезти её за город. Таксист — словоохотливый усатый грузин — отпустил замечание по поводу того, что нечего такой красивой девушке делать в пригороде в это время, но деньги, тем не менее, взял и мотор завел. Он выехали на шоссе, приближались к городской черте.

— Охранники озверели, — говорил водитель между тем. — Ты, говорят, сообщай нам, если увидишь кого подозрительного. Слыхали про теракт? Вот ищут тех молодчиков, что его

совершили. Я в ответ только руками развожу. Мне как разобрать — подозрительный-неподозрительный? Деньги платит, значит неподозрительный. Платить не хочет, в драку лезет, значит подозрительный. Они на меня только рукой махнули и всех делов. А вы куда направляетесь, красавица?

— У меня на окраине подруга живет. Позвонила посреди ночи, попросила приехать. Беда у нее приключилась.

— Что такое? — озабоченно спросил грузин.

— Не хочу показаться невежливой, но вас это не касается.

— Как скажете, — отступил настойчивый таксист. — Просто район беспокойный там. Одной женщине совсем страшно. Ой!

На дорогу выбежал мужчина. От неожиданности таксист вздрогнул, но успел нажать тормоз. Автомобиль занесло, да так, что он выехал на встречную полосу. Тут же отовсюду повыскакивали еще несколько человек. Агний затравленно осмотрелась, свет фар выхватил одного из них. Одетый в форму охранника, он шел к автомобилю.

— Бандыты, — обреченно заключил таксист, от испуга заговоривший с акцентом. Хотел дать по газам, но дверь с его стороны открыли.

— Выходите из машины, — потребовал мужчина.

— В чем дело? — спросил грузин, вцепившись мертвой хваткой в руль.

— Глухой?! Из машины выходим. Не волнуйтесь, это не ограбление, мы из охранной фирмы. Проверка.

— Все документы, всё у меня есть, — сказал грузин и полез в бардачок. Мужчина, стоявший снаружи, хмыкнул, выставил руку вперед и приставил к голове таксиста пистолет.

— Выходи немедленно! — приказал он.

— Ребята, только не убивайте, — выдал из себя грузин, подняв руки и послушно выбираясь из машины.

Мужчина наклонился, слабый свет автомобильной лампочки упал ему на лицо. Агния ахнула.

— Выходи, мама, — сказал он ей.

Артем нажал отбой и пустыми глазами посмотрел в окно вагона метро, за которым мелькали пыльные кабели. Сердце Куркова бешено колотилось, он был на взводе. И без того взволнованный, теперь Артем был ошеломлен и подавлен. Перемена, произошедшая с ним, не скрылась от взора Киселева.

— Что-то не так? — настороженно спросил Вадим.

Артем не знал, как ответить, чтобы не вызвать подозрения, взглянул в сторону своего спутника, пожал плечами.

— Что это значит?

— Простите, — стараясь сохранить самообладание, заговорил Курков. — Что вы сказали?

— Спрашиваю, всё хорошо? Возникли какие-то сложности?

— Нет-нет, ничего такого. Звонок личного характера, — ответил Артем.

Вадим измерил его взглядом.

— Смотри, не стоит держать меня за идиота, — предупредил Киселев. — Если затеете чего, пожалеете.

Артем, не слушая, рассеяно кивнул. Нужно было обдумать полученную информацию. Курков догадался, что ему звонила Аглая, но не мог понять, почему та решила помочь. В голове крутилось множество вопросов, но в настоящий момент ответить нужно было на главный — как спастись.

Поезд начал сбавлять скорость, они подъехали к станции. Куркову и Киселеву выходить на следующей.

«Время есть, — думал Артем. — Главное — разложить всё по полочкам».

До звонка Аглой он предвидел сценарий развития событий, по которому его не оставят в живых. Но горькой правде Артем предпочел сомнительную, но приятную веру в благородство наркоторговцев. Он убеждал себя, что убивать его незачем. Где найти курьера из центра? Гулливер открыто признавался, что ценит такого работника, как Курков. Значит, заключал Артем, всё уладится. Главное — выполнить поручение и можно будет вернуться к прежней жизни. Но смутная тревога не давала покоя. Мысли-фантомы одна за другой застревали у него в голове. Неужто такая организация всерьез может зависеть от курьера? Не знает ли Артем слишком много? Не по его ли вине под ударом оказались лидеры организации? Не предупреждали ли Куркова о необходимости вести себя осторожнее? Если сложить всё вместе, получится, что повод избавиться от Куркова у Гулливера был. Достаточно было трезво оценить место, которое Артем занимал в структуре наркоторговли — мальчик на побегушках. Теперь Аглая подтвердила его подозрения, прямо указав на опасность, которая исходила от бывших коллег.

Самым очевидным вариантом казалось бросить всё, на следующей станции пересесть на поезд, двигавшийся в противоположном направлении и, сделав ручкой Вадиму, умчаться домой, собрать вещи и уехать. Да, денег у Куркова не будет, зато сохранится жизнь. Однако Киселев однозначно заявит о раскрытой им ячейке наркоторговцев, а значит, на Артема начнется охота. Где гарантии, что город, в который он переберётся, не выдаст его по первому требованию Костицына? К тому же, подобный шаг ставил под удар Гулливера, Бормана и Аглюю. Первые двое наверняка найдут способ отомстить, подставлять же третью,

которая рисковала, сообщая Артему о замысле своих товарищей, подло.

Оставалось поступить так, как рекомендовала Аглая: привести Вадима на место и при первой возможности скрыться. Рискованно, но Артем вообще ввязался в рискованный бизнес.

Пока Курков раздумывал над своим следующим шагом, поезд подъехал к нужной станции. Артем и Вадим вышли из вагона.

— Раньше не обращал внимания, но станция на выселках самая грязная, — заметил Вадим.

Артем кивнул.

— Пожалуй, что и так.

— Теория разбитых окон в действии. Слышал о такой? — спросил Киселев.

— Краем уха, — Артем встал на эскалатор, Киселев устроился рядом.

— Согласно этой теории терпимость к мелким правонарушениям ведет к ухудшению общей ситуации с преступностью. Скажем, если разбито одно окно и никто его не вставляет, то рано или поздно разобьют все остальные. Если мусорят в неположенном месте, за это нарушение никто не наказывает, да еще и мусор не убирают, то очень скоро все улицы превратятся в помойки. Ну а дальше по нарастающей: разбили все окна — начались грабеж и мародерство; загадили улицы — пришли проститутки и наркоторговцы.

— Не убирают потому, что уборщикам мало платят, — скептически заметил Курков. — А окна бьют хулиганы и руководствуются они не какими-нибудь теориями, а здравым смыслом — в районе, где окно выбито меньше вероятность попасться. Там же, где окна целы, рисковать не стоит. У хозяев наверняка есть деньги, которые будут потрачены на их поимку.

— Нет, тут ты не прав. Беспорядок снаружи отражает беспорядок внутри.

Артем не собирался вступать с ним в дискуссию и что-либо доказывать. Тема его совершенно не интересовала, потому он промолчал. Вадим ещё несколько раз попытался разговорить своего проводника, но у него ничего не вышло.

Они выбрались из метро и, пройдя кривым улочкам выселок, оказались на самой окраине города.

— Прямо апокалипсический пейзаж, — заметил Вадим.

— Все дома заброшенные, но нищих и окровителей здесь часто можно встретить, так что держи ухо востро, — предупредил его Артем, сам поглядывая по сторонам. Он понятия не имел о том, что затеял Гулливер, напасть на них могли в любой момент.

— Ко мне им лучше не соваться, — Вадим приподнял полу своего пиджака, продемонстрировав огромный пистолет. Артем не был знатоком оружия, потому даже предположить не мог, какого калибра оружие. — Сносит голову не хуже дробовика, — похвастался Вадим, не отводя взгляда от Артема.

Курков понял, что это не столько ответ на его реплику, сколько предупреждение для самого Артема.

Наконец, они подошли к подвалу, в котором обычно проходили встречи Куркова и банды. Артем остановился перед ступеньками. Темнота внизу казалась ему зловещей. Спустившись можно не выбраться наружу.

— Э, нет, — Вадим остановился за спиной Куркова. — Туда я не пойду. Зови их наружу.

Артем с трудом удержался от того, чтобы поблагодарить Киселева за предусмотрительность.

— Хорошо, сейчас позвоню, сообщу о вашем решении, — сказал Курков и, достав мобильник, набрал номер Гулливера. При этом Артем, стараясь выглядеть как можно более естественно, отошел от Киселева на пару шагов, потом дальше, еще дальше. Теперь убежать можно будет в любой момент.

В трубке раздались гудки. Артем краем глаза заметил какое-то движение, дернулся в сторону и как раз вовремя — в него стреляли из электрошокера из-за угла соседнего здания.

— Ах ты ублюдок! — заорал Вадим, выхватив свой пистолет. — Подставить меня решил!

Он целился в Артема, но потом отвел пистолет в сторону и пальнул. Раздался бешеный крик, из окна двухэтажки вывалился бородач. Артем к тому времени отскочил, спрятался за стеной. Прогремели еще два выстрела, потом Вадим завопил и затих. Момент настал. Сломая голову Артем понесся, куда глаза глядят. Не разбирая дороги, он петлял между зданиями, спасая свою жизнь. Из-за поворота на него кто-то выскочил, они сцепились, нападавший сумел повалить Артема на землю. Курков кое-как извернулся, оттолкнул бандита, подхватил с земли камень и когда тот попытался снова навалиться, со всего маху ударил его в висок. Бандит мигом осел, придавив своим весом Куркова. Выбравшись из-под него, Артем вновь помчался прочь. Похоже, оторваться удалось. Добравшись до станции, он не стал спускаться в метро, достав все имевшиеся у него в кармане деньги, он заплатил таксисту, попросив отвезти его в центр. Таксист оказался сообразительным малым, лишних вопросов не задавал, быстро довез Куркова и, забрав деньги, пожелал ему удачи.

Артем заставил себя перейти на шаг — не хотелось привлекать внимание окружающих. Он благополучно добрался до квартиры старика, вбил в домофоне нужный номер.

— Кто там? — донесся раздраженный голос из динамика.

— Это Артем Курков, мне срочно нужно с вами поговорить, — скрыть волнение не получилось.

Молчание затянулось, но ему все-таки ответили:

— Заходи.

Раздался сигнал высокого тона и дверь открылась. Оказавшись внутри, Артем стал подниматься, ища глазами номер нужной квартиры. Долго блуждать не пришлось — старик ждал его прямо в пролёте. Без церемоний он схватил Куркова за руку, достал прибор для измерения уровня блястителей в крови, приложил шарик к руке Артема, взглянул на панель и, удовлетворенно хмыкнув, затолкал Куркова к себе в квартиру.

Жил он небедно: гостиная была роскошно убрана, квартира оказалась двухэтажной. Прямо у входа располагалась лестница причудливой формы, которая вела наверх. На полу лежал красивый и дорогой костюм. Чуть в стороне от входа, в дверном проеме, ведущим в смежную комнату, стоял высокий худошавый мужчина и с сомнением поглядывал в сторону Куркова.

— Чего пришел? — спросил старик. От его былой вежливости не осталось и следа.

— Я попал в неприятную историю. Мне посоветовали обратиться к вам за помощью.

— Как я могу помочь?

— Дед, ты не забыл, что мы наметили? — вмешался мужчина, стоявший в проеме. Старик отмахнулся.

— Будешь молчать — выставлю за дверь, — поторопил он Артема.

— Да, простите. Меня наверно будут искать. Мне нужно где-то спрятаться, а ещё лучше уехать за город.

— Вот оно что, — протянул стрик. — Ну-ка пошли со мной.

Он направился прямо по гостиной, свернул в одни из комнат. Артем последовал за ним. Они очутились в небольшом помещении, обставленном в минималистичном стиле: столик о трех ножках, голый паркет, диван. В углу жуткий атавизм — книжный шкаф, допущенный забытый литературой. Артем не разобрал имен авторов, но невольно проникся уважением к старику, который наверняка прочила их все.

— Садись, — старик указал на диван, сам устроился на табуретке, до того спрятанной под столом. — Я готов тебе помочь, но сначала услугу окажешь ты.

— Дед, — снова вмешался мужчина, предпочетший остаться в проеме. — Это не лучшая затея.

— Не лезь! — рявкнул на него старик.

— Чего вы от меня хотите? — нервно озираясь, спросил Артем.

— Я хочу, чтобы ты доставил взрывчатку в головной офис «Либертарианца», — прямо сказал старик.

— Чтобы я что?! — глаза Артема округлились, он не мог поверить в услышанное.

— Ты меня расслышал. Твои блюстителы молчат, поэтому никакой угрозы твоей свободе не существует. Да и выбор у тебя не богатый. Ты, конечно, сумеешь выбраться из города и без меня, но когда всё всплывет — а всё непременно всплывет в скором времени — тебя начнут искать и отыщут. Я могу решить и эту проблему, и многие другие. Тебе ведь нужны деньги? Мы тебя обеспечим, не до конца жизни, но сумма будет внушительная, сумеешь ей правильно распорядиться и непременно найдешь свое место в новом городе.

— Но зачем вам это надо? — спросил Артем. — Вы понимаете, что невинные люди пострадают?

Старик горько вздохнул, посмотрел на своего внука, потом снова на Артема.

— Хочешь знать, зачем мне это надо? Долгая история, Артем, а мы торопимся. Но, пожалуй, я поведаю её. Не тебе одному полезно послушать, — он снова многозначительно посмотрел в сторону внука.

- Когда началась антигосударственная революция, она быстро охватила широкие слои населения. Люди поверили в лозунги, казалось, осознали вред, который исходит от государственного управления землей. Доводы сторонников абсолютной свободы, так тогда называли безгосударственное мироустройство, были действительно убедительны. Зачем тратить средства на содержание чиновников, неповоротливого и далеко не всегда исполнительного штата полицейских, верховных правителей, которые кормились за счет налогоплательщиков? Зачем нужна громоздкая государственная система, эффективность которой невозможно оценить сколь-нибудь объективным способом? Государство не конкурирует ни с кем, значит по законам рынка отсеять неэффективных управленцев не удастся. Ресурсы спускались в никуда, граждане погрязали в рутине заполнения абсолютно ненужных бюрократических бумажек. Само слово бюрократия воспринималось как ругательство. На тот момент ущербность подобного общественного устройства стала казаться очевидной. Требования восставших укладывались в простые и понятные всем лозунги: налоги — грабеж, правительства всех стран — грабители, народ — жертвы преступления. Государство стало восприниматься как гиря на ноге бегуна, олицетворявшего общество. Избавься от гири и тут же получишь прибавку в скорости. Разовьются институты самоуправления, частные охранные организации обеспечат безопасность и, будучи напрямую зависимыми от граждан, будут служить им, а не абстрактному народу. Тогда этот

вопрос был как никогда актуален. Сколько случаев подавления гражданской борьбы силами полицейского государства знает история? Сколько людей погибло в войнах ради неосязаемых целей правителей?

Когда обдумываешь всё это, становится понятным, почему люди отказались от государства, как корня всех бед. Понимаешь, почему стали воспеваться идеалы конкуренции и частной собственности. Но излишняя вера в индивидуализм сродни самоуверенности. И как человек, полагающийся исключительно на свои силы, так и общество, распавшееся на невзаимодействующие атому, обречены. Об этой угрозе предупреждали, но ее никто не воспринял всерьез. А между тем стоило бы. Помнишь, что в те годы считалось главным завоеванием революции? Обращение земли в частную собственность и абсолютная гарантия неприкосновенности собственности. Казалось бы, действительно великое деяние. Однако на деле вышло иначе: не готовые к кооперации простаки утратили собственность, полученную в результате раздела, землевладельцы укрепили свои позиции, мало-помалу стали диктовать вынужденным проживать на их территории гражданам свои правила. Те, кто успели сообразить, что к чему и создать довольно-таки эффективные кооперативы, прогорели. Крупные собственники не вступали в подобные организации, зато располагали внушительными финансовыми ресурсами и могли вывести конкурентов из игры. По сути, все сколь-нибудь значимые участки земли поделили между собой семьи крупных промышленников и потомственных миллиардеров. Уже тогда пора было заговорить об измене идеалам революции, но народ всё стерпел. Формально-то ничего страшного не произошло. Формула успеха оставалась прежней — работай в поте лица и достигнешь успеха. Только почему-то владельцы промышленных предприятий не торопились платить большие зарплаты своим рабочим. Знаешь, как я понял, что такое капитализм на самом деле? Лет в двадцать оформлял в банке очередной кредит. Старушка-уборщица мыла полы, а какой-то молодой мужичок, по виду служащий банка, проходил мимо. Как она перед ним начала раскланиваться, приветствовать, интересоваться здоровьем. И так елейно, на вы. А он в ее сторону даже не посмотрел, грубо что-то ответил и пошёл своей дорогой. Я, наблюдавший за этой картиной, испытал какое-то неприятное чувство, которое точно не могу выразить словами. Это чувство свойственно далеко не всем, я бы даже сказал меньшинству, но именно оно позволяет понять, к чему привела революция на самом деле. Она обрушила тысячелетние представления о морали и нравственности, перевернула мир с ног на голову и продиктовала новые условия. Те, кто сумел разбогатеть, имеют право не считаться ни с чем, кроме базовых прав, прописанных в Международной Конституции.

Старик сделал паузу, о чем-то задумавшись.

— Простите, — вмешался Артем, — но это не никак не объясняет того, почему вы решили пойти по пути терроризма.

Старик поднял раскрытую ладонь, как бы говоря, «дай мне минутку». Переведя дух, он продолжил.

- Я долго думал о процессе укрупнения землевладений. В самом деле — промышленники и торговцы банкротятся, а землевладельцы никогда. Тем, кому достался большой куш, везет, они поглощают менее успешных конкурентов, скупают города и фактически распространяют свои правила на подвластные им территории. И тогда я понял главное — крупный землевладелец ничем не отличается от государства. Убежденность наивных реформаторов в том, что законы рынка вытеснят неэффективного собственника и не позволят наделам монополистов разрастись, оказалась ни на чем не основанной. До поры

до времени продолжает сохраняться видимость независимости институтов от землевладельца, но на самом деле это не так. Он имеет право запретить деятельность одних фирм на своей территории разрешить деятельность других, он диктует величину арендной платы, он решает, кому платить за ремонт инфраструктуры и стоит ли это делать. Наблюдаемый нами процесс есть процесс реставрации государства. Понимаешь, что это значит? Все завоевания революции лопнут, как мыльный пузырь. Неэффективный и прожорливый аппарат в скором будущем воскреснет. По сути, мы оказались в заколдованном круге, из которого не вырваться до тех пор, пока в сознании человека не произойдет перелом и переломом этим окажется отказ от частной собственности на землю!

Сделав ударение на последнем слове, старик сверкнул глазами и посмотрел на внука, словно бы передавая эстафетную палочку. Тот понял его без слов.

- Это не неосуществимая мечта — это реальность. Собственники боятся, не рассказывают всей правды, а между тем огонь революционной борьбы охватил Восток и Запад. В Приморье и на Севере Китая поднялись восстания против землевладельцев. Вооруженная борьба развернулась повсюду в Южной Америке. Мы не можем ждать дальше, такого шанса больше не будет. Упустить момент сейчас — значит позволить закрепить рабство. Блюстители, — парень словно бы выплюнул это слово, — нарушают все мыслимые и немыслимые запреты на право вмешательства в частную жизнь. А охранные фирмы, решившие сэкономить на персонале, намерены широко их внедрять повсюду. Если отложить борьбу на будущее, поколение спустя бороться может оказаться не за что. Землевладельцы станут королями и снова ввергнут человечество в огонь бесконечной войны, которая растянется на тысячелетия, отбросив общественный прогресс, достигнутый кровью миллионов честных и благородных людей, боровшихся за будущее своих предков, то есть нас!

Старик одобрительно кивнул, снова взял слово.

— Мы начинаем революцию, Артем. Под флагом анархистов мы будем сражаться против крупных собственников, требовать настоящей, а не иллюзорной свободы, построения истинной анархии в ее единственно возможной форме — форме анархо-коммунизма. Земля перейдет под контроль общин и синдикатов, люди начнут трудиться совместно ради общего блага, каждый будет получать по труду, а необходимость в рынке, как единственно возможной форме распределения благ, упадет. Вот чего мы добиваемся, Артем. Всеобщего блага, а не блага кучки капиталистов. Сегодня капиталисты утверждают, что в период революции люди боролись за частную собственность. Мне же хочется верить, что они не были марионетками капиталистов, а дрались за свержение гнета государства, построение справедливого общества, в котором не будут презрительно смотреть на тех, кому в жизни повезло меньше, где может и будут недоедать, но точно не останется места голоду. Нужно определиться, с кем ты, Артем.

- Всё, о чем вы говорите, — Артем решил не отступать, держаться позиции, в которую верил, — просто лозунги. Если цели настолько благородные, зачем вы просите меня подбросить бомбу? Почему не агитируете? Почему не пытаетесь получить власть мирным путём?

— Потому что мирным путем получить её невозможно. Ты думаешь, землевладельцы такие идиоты, что по своей воле откажутся от всех тех благ, которыми обладают? Они могут позволить себе всё, наслаждаются жизнью по полной. Ты видел роскошь, в которой они живут? А теперь представь, что им предложили уйти по доброй воле. Согласятся? Нет! Они

начнут драться, опорочат имена борцов за свободу, используя подконтрольные им источники информации, запугают население трудностями, с которыми неизбежно предстоит столкнуться в случае глубоких реформ. И народ предпочтет оставаться в рабстве и кормить толстосумов, продолжая тихо роптать у себя на кухне. Поэтому мирного решения этой дилеммы нет — гордиев узел должен быть разрублен. Как только восстание поднимется, нас поддержат все! Нужно отвлечь и рассеять силы охранников основной цели — сервера-приемника. Теракт в муниципалитете — идеальный способ добиться этого. И тогда мы уничтожим главный символ современного порабощения и положим начало революции, которая закончится построением абсолютно нового по-настоящему свободного общества! — сказал внук.

— От взрыва пострадают случайные люди! Вы представляете, сколько жизней загубите?

— Если бездействовать, их погибнет еще больше! — заявил внук. Старик жестом остановил его.

— Я вижу, ты так и не понял нас. Я рассказал тебе, что мы делаем и ради чего. Этого достаточно. Теперь ответь на вопрос — вне зависимости от того, разделяешь ты наши идеи или нет, поможешь нам, отнесешь бомбу в муниципалитет?

Артем задумался. Если он это сделает, совесть будет мучить его до конца жизни. Если нет — этот самый конец наступит очень скоро. Не верилось, что старый террорист и его фанатичный внук отпустят Куркова живым.

— Хорошо, — выдавил он из себя.

...

Через час Артем снова в метро. За окном мелькают кабели, но в кабине тихо — вагон нового типа, движется практически бесшумно. Все сидячие места заняты, в конце собралась кучка молодых людей. Вели они себя шумно, выпивали. Некоторые пассажиры недовольно переглядывались, но поделаться ничего не могли — закона никто не нарушал. Артем не замечал ничего из этого. Влажной рукой он сжимал ручки пакета, в котором хранилась коробка конфет. Но внутри отнюдь не конфеты. Он никогда раньше не задумывался о том, что испытывал бы, если бы его заставили везти бомбу. Потому эмоции, охватившие его, оказались отчасти неожиданными.

Страшно было поначалу. Казалось, еще секунда и взрыв. Но по прошествии времени подобные мысли куда-то делись. Удивительно, но в этот момент возможно впервые за всю жизнь Курков ощутил беспокойство за окружающих его совершенно незнакомых людей. Не страх, а именно беспокойство. Вон, например, те парни, что гогочут как кони. Они ведь совсем молодые, лет на десять младше Артема. Строят планы на будущее, мечтают о богатстве или славе, а может о том и другом одновременно. Или наоборот, наслаждаются теперешним моментом свободы и распушенности, который, быть может, не повторится в будущем. Неверное движение Артема или ошибка конструкторов взрывчатки, хранящейся в коробке из-под конфет, и всему этому настанет конец.

Две старушки, судачившие в сторонке, должно быть обсуждавшие нынешнюю молодежь или хваставшиеся одна перед другой своими внуками. Они надеются прожить десять-двадцать лет, хотят застать правнуков и даже праправнуков. Их спонтанное решение сесть рядом с Артемом может перечеркнуть эти надежды.

Толстый мужчина, жадно глазевший на симпатичную брюнетку. И так все ясно — мечтает увидеть её без одежды. Что здесь сказать — мечте не суждено сбыться, даже если бомба не рванет, но взрыв отнимет и тот мизерный шанс, который нет-нет да и имеется у

толстяка.

О себе и о своем будущем Артем не думал. Зато как только внутрь вошла мама с ребенком, он торопливо выскочил на платформу и, дождавшись следующего поезда, поехал в самом пустом вагоне. Его обжигал стыд, мысль сдаться не покидала.

«Не обязательно оставлять пакет в людном месте, — наставлял его старик перед поездкой. — Брось, где придется. Главное — взрыв должен произвести достаточно разрушительный эффект».

«Мы сами определим, когда ее лучше взорвать, — убеждал старик. — Если бы было можно, мы бы вообще обустроили всё так, чтобы никто не пострадал. Но теракт должен вызвать резонанс, напугать. Потому травмы разной степени тяжести необходимы».

Его речи звучали неубедительно. Артем отчетливо осознал, что не хочет быть виновным в чьей-либо смерти, не желает калечить людей. Правильнее всего сдаться, подойти к охраннику и рассказать о бомбе. А что потом? Тюрьма. Но за грехи нужно платить. Да, хотелось возложить вину на общество, сказать: «Я не виноват, меня вынудили обстоятельства». Но так ли это?

Артем вспомнил, как его вовлекли в наркоторговлю. А действительно, оставался ли у него выбор? Отпустили бы его или убили, выбросив труп? Случайности накладывались одна на другую. Он до сих пор не мог понять, зачем пустил себе кровь в день, когда его уволили, хотя и помнил отвращение, которое испытывал от мысли о блюстителях, циркулирующих по его венам. Или он хотел умереть в тот момент, умереть по-настоящему?

«Так было бы лучше», — неожиданно для себя заключил Артем и ужаснулся собственным мыслям. Если бы он умер тогда, некому было бы везти бомбу в муниципальный офис Костицына, никто бы не пострадал от ее взрыва.

Сдаться сейчас и дело с концом! А потом будь что будет!

Но тут муки совести уступили место сомнениям. Поможет ли принесенная им жертва? Не найдут ли террористы возможность устроить взрыв и без его участия? Найдут, а Артём сядет из-за собственно глупости. Жизнь в тюрьме далеко не сказка. И она может стать адом, если туда же попадут его бывшие руководители — Гулливер, Борман и Аглая. Раз уж решил спасти себя, то иди до конца. Или всё-таки стоит отступить?

Продолжая мысленные мытарства, Артем выбрался из вагона на нужной остановке, стал проталкиваться через толпившихся на платформе людей. Если бы взрывное устройство рвануло сейчас, полегло бы куда больше десяти человек. А если бомба действительно дистанционная и террористы хотят ожесточить народ, то лучшего момента не подобрать. Артем настолько перенервничал, что ему показалось, будто он услышал звук взрыва, из-за чего чуть было не выпустил бомбу из рук. Проходя мимо зеркала, он увидел свое отражение — бледный, как сама смерть, с губами, превратившимися в тонкую бурую ниточку. Лоб, покрытый холодной испариной, блестел, словно бы намазанный жиром, глаза метались, выдавая его преступные намерения.

Усилием воли Артем заставил себя собраться и успокоиться. Нельзя в таком виде показываться у офиса Костицына. Заподозрят его вряд ли — почти двадцать лет жизни с блюстителем ослабили бдительность людей — а вот за больного, которому сделалось плохо, принять могут. Поэтому, прежде чем идти к офису, Артем направился в туалет. Там он встал у умывальника и несколько раз ополоснул лицо холодной водой, посмотрел на себя. Блеклый румянец проступил на щеках, глаза, казалось, превратились в один огромный зрачок, заполнивший всю радужку. Артем глубоко подышал, выпил воды. Из кабинки у него

за спиной вышел мужчина средних лет.

— Друг, что с тобой? — заботливо поинтересовался он. — Нездоровится? С сердцем плохо? Давай медиков вызовем.

Артем отрицательно покачал головой.

— Всё хорошо, — успокоил он сердобольного человек. — Просто голова закружилась. Болею, а на работу выходить приходится. Если долго не появляться и уволить могут.

— Так вот оно что! — возмутился толстяк. — Да только правда всё. Говорят, лет через пять и отпуск отменяют. А мы всё стерпим, деваться-то некуда, — последнее предложение он произнес раздраженно, даже озлобленно. — Ну да ты поправляйся, держись. Семейно-то кормить надо.

Мужчина похлопал Артема по спине и ушел. Курков проводил его взглядом, выпил из крана еще немного воды, зажмурился, вытер руки, взял пакет и, несколько успокоившись, продолжил свой путь.

Сколько еще раз он прокрутил последовательность своих действий? Сколько раз паника охватывала его и он, готовый повернуть назад, застывал на месте в нерешительности? Сколько раз оглядывался, уверенный в том, что его преследуют охранники? Сколько раз ему казалось, что один из прохожих его раскусил?

Ни на один из этих вопросов он не смог бы дать точного, да и приблизительного ответа. Но все прошло на удивление гладко. Его не остановили на входе, он спокойно перемещался по зданию офиса и, если бы не надоедливые служащие, назойливо повторявшие один и тот же вопрос с одной интонацией «Кого вы ищите?», можно было бы сказать, что он остался незамеченным. Артем недолго колебался, еще в метро он понял, где оставит взрывчатку. Конечно же, в мужском туалете. В конце концов, если затевается война, то сражаться нужно с мужчинами. Даже в государственный период убийство женщин считалось постыдным.

Оставив пакет, он торопливо вышел, покинул здание.

«Когда всё закончится, мы тебя сами найдем», — пообещал старик. Но никто не обращал на Артема внимания. Он отошел недалеко от офиса, сел на лавочку и стал дожидаться. Там его и застал взрыв. В первую секунду Куркову показалось, что его перепонки лопнули от грохота: от испуга он упал на землю. Когда пришел в себя, поднялся, стал оглядываться. Стену офиса буквально уничтожило. Осколки разлетелись во все стороны, Отовсюду доносились стоны и крики раненых. Уцелевшие застыли и беспомощно смотрели по сторонам, хлопая веками. Они не знали, как себя вести. Черт возьми, даже Артем этого не знал! Дым развеялся, пыль постепенно осела, открывшееся его глазам зрелище ужасало.

Мужчина с пробитой головой валялся прямо на тротуаре. Его череп раскололся, в открывшемся отверстии можно было разглядеть мозги несчастного. Женщина, прижавшаяся к дорожному ограждению, жалобно стонала, сжимая свою ногу, из которой потоком лилась кровь. Еще несколько человек, поцарапанный и побитые осколками кирпича, осматривали свои раны и с трудом верили в благополучный исход. Хуже дело обстояло в самом офисе, вид на который открывался через пробитую стену. Раненых и убитых там было куда больше, они кричали, звали на помощь, шептали слова давно позабытых молитв. Смятение, охватившее округу, сменилось паникой. Люди бросились врассыпную кто куда. А Артем застыл на месте, как столб. Его обманули! Пострадали десятки!

«Твоих рук дело, любуйся!» — повторял он про себя.

Тут кто-то подхватил его, бесцеремонно потащил куда-то. Артем не сопротивлялся, шёл

не глядя, перед глазами стояла картина разрушений, мужчина с пробитым черепом и женщина с кровоточащей ногой. Куркова затолкали в автомобиль на заднее сиденье, куда-то повезли. Его о чем-то спрашивали, он отвечал невпопад.

Автомобиль выехал за город и остановился. Опомившийся Артем понял, что впереди сидел внук старика и девушка с запоминающейся внешностью. Волосы ее были интересного цвета — назывался он, наверно, грязно-розовым.

— Ну как вы? — озабоченно спросила девушка. Ее приятный голос в конец вернул Артема на землю.

— Не знаю, — честно ответил Курков.

— Было страшно?

Он кивнул.

— Вы, должно быть, считаете нас убийцами, но поймите, мы делаем это не просто так, — произнесла она.

— Не оправдывайся перед ним! — оборвал ее внук.

— Не лезь, Паша, — спокойно, но твердо ответила она, не отводя взгляда от Артема. — Мы сражаемся за будущее наших детей и внуков, а не за свое собственное. Если пустить всё на самотек, нас ждут годы унижений и бедности, голода и болезней. Вы представляете, сколько людей погибнет от того, что им не хватит денег оплатить медицинские расходы, сколько детей, чьи родители оказались неудачливы, окажутся обреченными на нищету? Если бездействовать сейчас, нас ждет нечто худшее, чем кастовая система или рабовладение. Мы прольем немного крови сейчас, чтобы в будущем она не текла рекой. Постарайтесь понять, вы поступили единственно правильно.

Пока она говорила, подъехал еще один автомобиль, из него вышел старик и четыре вооруженных мужчины, которых Артем никогда не видел. Курков заподозрил неладное. Уж не собираются ли от него избавиться?

Старик подошел к автомобилю своего внука и его подружки, открыл заднюю дверь.

— Ты нам здорово помог, Артем. Революция этого не забудет. Тебя отвезут в пригород, отсидишься там пару дней.

— Вы обещали помочь мне выбраться отсюда, — напомнил Курков. Он сумел смириться с содеянным и теперь снова думал о том, как выбраться из передраги, в которую попал. — Говорили, что достанете поддельные документы.

— Если пожелаешь, так и будет. Просто теперь тебе не обязательно уезжать. Ты больше не преступник, ты герой.

— А что переменилось за прошедшие часы?

— Власть переменилась, — ответил старик. — Ладно, сейчас некогда болтать. Павлик, ты едешь с нами, а ты, — обратился он к девушке, — отвези его к себе, пускай отдохнет. За сегодня он натерпелся.

— Ты уверен, что это хорошая идея, оставить его наедине с ней? — спросил внук.

— Уверен. Теперь Артем один из нас, — сказал старик. — Пойдем, мы и так выбиваемся из графика.

Старик и его внук ушли, девушка между тем села за водительское сиденье.

— Если хотите, можете перебраться вперед, — сказала она.

Артем пожал плечами, принял ее предложение.

— Тут недалеко, — заверила она. — Приходилось когда-нибудь бывать за городом?

Артем поморщился — не хотелось говорить о пустяках после того, как по его вине

погибли люди.

— Нечасто, — уклончиво ответил он.

— Сейчас вообще люди стали нелюбознательны, — отозвалась девушка. — Большинство никогда не выбиралось за пределы своего города. Мир, говорят, стал одинаковым.

Артем снова пожал плечами.

— Я не видел мира, я и за городом толком ничего рассмотреть не успел.

— А что вы там делали? Если не секрет, конечно.

— Не секрет. Гулял. Я тогда учился еще, школу заканчивал. Один или два дня до выпускных экзаменов оставалось. Из дома не вылезал, зубрил. А родители волновались. И мать, и отец гулять отправляли, чуть не заставляли. Успокаивали, говорили, что ничего страшного на экзамене не случится. Я ведь учился довольно-таки неплохо. Да вообще в школе мне жилось привольно, — то ли обаяние девушки и ее привлекательность, то ли что-то еще заставило Артема говорить больше, чем он собирался. Неожиданно для самого себя он разоткровенничался. — Знаете, как оно бывает, всё получалось. Девушка у меня была, Таня, просто красавица. Светленькая, стройная, хорошенькая. Много во всех смыслах приятных часов провел с ней. Думал, влюбился. Да и она мне в любви клялась. Только как школу закончили, всё само собой прошло. Не к месту вспомнилось. Так вот, родители меня чуть ли не силком заставили отдохнуть. Я со школьными друзьями пересёкся, погуляли чуть, только расслабиться как следует не получилось, в мыслях одни задачи по физике да математике. Хотел домой возвращаться, а потом на часы посмотрел, прикинул, сколько до экзамена осталось. Ну, думаю, толку садиться, вечер уже, сосредоточиться не получится, завтра с утра повторю, что забыл и на экзамена. Точно-точно, дело было за день до экзамена. Пошел я по аллее, парк этот знаете, у озера, его нынче жители выселок облюбовали. Тогда еще он считался довольно престижным местом. А я отвлекаться хотел, вот и потянуло меня на приключения. Дай, думаю, сверну на грунтовую тропинку. Выбрал самую непротопанную и вперед. Шел-шел, смотрю, людей вокруг нет, кругом заросли. Не по себе стало. Мысль мелькнула: догуляюсь сейчас до того, что домой не вернусь. Но тут примешался интерес первооткрывателя, если хотите, — Артем усмехнулся. — Ускорил шаг и вперед. Выбрался на аллею. Асфальт потрескался, лавочки разбиты, но пару человек всё равно там гуляли. Выглядели, правда, по-другому, не так, как горожане. Знаете, — Артем тряс перед собой руками, пытаясь подобрать нужное слово, — даже взгляд отличался. Когда их увидел, почему-то сразу возникла ассоциация с загнанными лошадьми. На меня внимания никто не обратил, хотя пару враждебных взглядов в мою сторону метнули. А мне любопытно, выбрался на аллею и пошел вверх. Там по-настоящему красиво. Ивы растут, да пышно как, тополя свой пух разбрасывают, сирень хоть и отцвела, а пахнет приятно. И цветы, так много неухоженных цветов, заросших сорняком. Навести там порядок, и горожане бы на ту аллею ходили гулять.

— Я знаю это место, — отозвалась девушка. — Часто там бываю. Слушаю вас и удивляюсь — словно бы место это замерзло во времени. Как было тогда, так осталось и теперь. Разве что редко когда встретишь там прохожих. Боятся: говорят, бандитов там много.

— Так или иначе, гуляю я по аллее, никого не трогаю, а тут один старичок меня окликнул. Он о чем-то спросил, потом слово за слово и завязался разговор. Хотя, по большей части говорил он один. Рассказал, как там очутился, — Артем остановился, уставился куда-то вдаль, поджал губы. — Сказал мне, что в молодости верил в лучшее. Не был таким

вредным и скептически настроенным. Работал в поте лица, на всем экономил, откладывал деньги, когда только предоставлялась такая возможность. Мечтал переехать в город. Десять лет проработал, двадцать проработал, а ничего не менялось. Деньги, которые откладывал, копились чрезвычайно медленно. Решил все вложить в какой-то участок земли, заняться земледелием, да прогорел. Вернулся на родной завод, устроился на копеечную зарплату и работал до тех пор, пока сил хватало. А как они его покинули, ушел. Сказал, живет на копейки, чуть не попрошайничает. Не знает, как быть, когда кончатся все деньги. А в конце произнёс фразу, которая почему-то отложилась у меня в памяти, да настолько отчетливо, что могу слово в слово повторить. Сначала спросил меня, знаю ли я, почему его жизнь так сложилась, не думаю ли, что он остался у разбитого корыта, из-за того, что был лентяем и лоботрясом? Я ответил, что нет. Тогда он и говорит: «А у разбитого корыта я потому, что честный труд не ценится на рынке, предложение всегда превышает спрос». А потом добавил: «Не уверую в свою исключительность, если вдруг твоя жизнь сложится счастливо и тебе удастся разбогатеть. Это не значит, что ты я талантлив, умен или трудолюбив. Это означает лишь одно — тебе просто повезло».

Уж не знаю, почему меня так тронули его слова. Помню, как чувствовал себя, возвращаясь домой. Словно бы меня прижали к земле прессом, весившим тонну. Какая-то обреченность охватила. Сама мысль о том, что судьба человека не определяется его усилиями, слепой жребий решает как и кому жить, рушила весь фундамент, на котором зиждилось мое мировоззрение. Тогда подумалось, если всё равно в итоге останусь ни с чем, так зачем вообще что-то делать? Жуткое ощущение. Ни до того, ни после того не мог назвать себя фаталистом. Но идя по узенькой тропинке в беспроглядной тьме, я поверил в судьбу. Хотя неправда. Не в судьбу, в социальную предопределенность. Убежденность в том, что у тебя всё получится, если потрудиться, вбивавшаяся в голову с детства, пропала. И я повторял и повторял слова про труд, который совсем не ценится. Вернулся домой за полночь. Родители бросились расспрашивать, что да как, а я в ответ неопределенно мычу. Поужинал, спать лег, да всю ночь проворочался, а под утро провалился. Мать часов в десять меня добудилась. На экзамен опоздал. Сел писать, а сосредоточиться не могу. «Вот, — думаю, — напишу я его на отлично и что дальше? Отец получит низкий процент по образовательному кредиту. Но не будь у моего отца высокооплачиваемой работы, кто бы ему этот кредит дал, хоть бы я эти экзамены на двести из ста баллов написал?»

— Рассказывают, что банки выдают кредиты особо успешным ученикам без финансового подкрепления. Выплаты производятся по окончании обучения самим учеником, — сказала девушка. — Уж не знаю, насколько это правда.

— Да? Может и так, да только я об этом тогда не подумал. Сидел, пялился в свой экзаменационный билет и гадал, какая разница, успею я его заполнить или нет, если всё равно обречен. А как до конца осталось полчаса, меня охватил самый что ни на есть настоящий ужас. Стал наугад его заполнять, хвататься то за одно, то за другое, так и завалил экзамен. Отцу, правда, хватило денег оплатить мою учебу, да толку от непрестижного диплома? Выпускников дорогих вузов расхватывают, даже если они без калькулятора умножать не умеют, а я хоть и учился прилежно, оказался просто брошен. Вот и верь после этого в рынок, конкуренцию и прочие сказки. До сегодняшнего дня тешил себя надеждой, что поднимусь рано или поздно, что меня оценят по достоинству, да только тщетно. Ведь честный труд не ценится на рынке, — Артем остановился. Он заново пережил те неприятные минуты своей жизни, дыхание перехватывало от волнения, а думать о чем-то

связно не получалось. В голове возникали образы событий давно минувших дней, до сих пор вызывавшие сильные эмоции.

— Мой отец, — решила заговорить девушка после затянувшейся паузы, — любит шутить по поводу рынка. Знаешь же эти теории спроса и предложения о формировании цены. Так отец говорит, что на самом деле спрос и предложение не имеют никакого значения. Цена определяется в большей степени скоростью и направлением ветра и в меньшей настроением покупателя и продавца. Особенно ярко это проявляется, когда есть возможность купить один и тот же товар по разной цене, но покупатель неизвестно по какой причине предпочитает дешевому дорогой товар, хотя по качеству, как правило, они друг другу не уступают. Эффект сноба.

— Так оно и есть, — согласился Артем.

Они поддерживали разговор всю дорогу, делились своими наблюдениями, историями из жизни, много шутили. Неловкость, которая обычно возникает среди двух незнакомых людей, не ощущалась. Артему казалось, что он мог говорить с девушкой на любую тему.

Приблизительно через сорок минут они въехали в какой-то город, покружив там, добрались до дворов. Девушка остановила машину и велела Артему выходить.

— Сейчас заскочим ко мне домой. Тебя всё равно заметят — новичков всегда замечают — постарайся вести себя как можно естественнее. Глядишь, никто ничего не заподозрит, — добавила она, перед тем, как покинуть автомобиль.

Двор, в котором оказался Артем, разительно отличался от тех дворов, которые он видел в городе, и даже на выселках. Жуткие разбитые дороги, всюду засохшая грязь, исписанные ругательствами стены, колодцы без люков. Даже воздух был другим — дышалось тяжело, запах был специфический, чем-то напоминавший вонь, исходившую от сторевшей серы. С непривычки Артем закашлялся.

Немногочисленные детишки, бродившие во дворе, враждебно посмотрели в сторону чужака. Артем обратил внимание, что их лица серовато-желтые, сами ребята тощие, выглядели болезненно.

— Артем, — окликнула его девушка, — нам туда.

Указав направление, она двинулась к подъезду. Курков окинул двор взглядом еще раз и увидел жуткие трубы, возвышавшиеся над многоэтажками. Из труб валил разноцветный дым и, судя по всему, отходы производства растекались по всему городу. Артему стало не по себе от мысли, что он дышит желто-зеленым газом.

Осколки от битых бутылок, разобранная лавочка, вытоптанные цветник — вот такая картина открывалась перед самым подъездом. Грязный мужичок валялся у самой двери и голосил какую-то песню, слова которой Артем так и не разобрал. Заметив девушку и Куркова, он оживился.

— Нового себя нашла?! Ну, ты и блядь! — сказав это, он заржал.

Артем хотел было заступиться за свою спутницу, но оробел, промолчал.

— И вам не хворать, Евгений Николаевич, — улыбнувшись, ответила девушка. Она открыла дверь подъезда, пропустила Артема, только после зашла сама.

Оказавшись там, Артем невольно попятился — в нос ударил запах помойки, разбросанный по узенькой лестнице мусор, по большей части составлявший объедки, вызвал отвращение.

— Не сладко, — заметила девушка. — Да деваться некуда. Ты не бойся, поднимайся. Брезгливо поморщившись, Артем тоже начал свое восхождение.

Поднявшись на четвертый этаж, она открыла одну из дверей на лестничной площадке. Внутри оказался длинный коридор, который был довольно чистым, особенно, в сравнении с лестницей. Вдоль коридора располагались проемы, отделенные друг от друга худыми, чуть ли не картонными стеночками, вход в которые прикрыт когда куском фанеры, когда занавеской, а когда и потрепанным матрасом. Миновав несколько таких проемов, девушка остановилась, аккуратно постучала по стенке одной импровизированной комнатки.

— Мам, ты дома? Это я, — после чего подняла занавеску. Взору Артема открылась сильно вытянутая комнатка длиной приблизительно два-два с половиной метра, а шириной раза в три меньше. С противоположной стороны стены окна не было, с потолка свисала блекло светившаяся лампочка Ильича, к одной из стенок прибитая небольшая прямоугольная доска, по всей видимости, игравшая роль стола. В углу с трудом умещался матрас, накрытый бельем не первой свежести. Внутри никого не оказалось.

— А вот здесь живу я, — сообщила она, откинув занавеску комнатки-близнеца той, в которой они только что были. — Помоги.

Она приподняла свой матрас, Артем придерживал его. Девушка нащупала с той стороны отверстие в полу и, порывшись там некоторое время, достала маленькую связку ключей.

— Слава богу, не украли. Ну, пошли, — сказала она.

Они спустились вниз. Их автомобиль пропал, но девушка, казалось, не заметила этого, зашагала прочь из двора.

— Куда мы идем? — спросил Артем.

— В безопасное место. Пока отсидишься там.

Вскоре они выбрались к пустырю, зачем-то огороженному забором. Пробравшись через лаз, они очутились на той стороне, где когда-то велась стройка, которую теперь забросили.

— Придётся тебе пожить здесь, — сказала она. — Давай всё покажу.

Девушка проводила Артема в наспех сколоченный деревянный домик, открыла его с помощью ключа, взятого из-под матраса. Внутренняя обстановка небогатая: телевизор, раскладушка, тумбочка и небольшой холодильник.

— Питание от генератора, сам он на улице. Топливо понапрасну не расходуй, оно может нам понадобиться. В холодильнике есть немного воды, на счет еды не знаю. Можешь посмотреть телевизор, но только недолго, — проинструктировала Артема девушка. — В ближайшее время тебя обязательно навещу.

Артем хотел возмутиться, но понял, что это не имеет никакого смысла. Он стал соучастником теракта, если его поймают, отвечать придется по всей строгости. Не оставалось ничего, кроме как подчиняться требованию этих борцов за свободу или кем там они себя считают.

— Я не прощаюсь, — между тем сказала девушка, схватила с тумбочки небольшой томик сочинений некоего Тютчева и спустившись в лаз, исчезла.

Поначалу Артем думал, что самым разумным будет поспать. Он примостился на раскладушке, закрыл глаза и лежал, да только расслабиться не получалось. В голову лезли всякие мысли, он сильно нервничал, ворочался с боку на бок. В конце концов, решив скоротать время, завел генератор и включил телевизор. В программе как раз были новости. Посмотрев выпуск, Артем понял, в какую историю угодил. Теперь недостаточно просто спрятаться в домике у черта на куличках, нужно уезжать далеко отсюда, за тысячи километров и поскорее. Досмотрев выпуск до конца, Курков запаниковал. Матерясь

полушепотом, он выскочил на улицу и стал мотаться по заброшенной стройке из стороны в сторону. Потом несколько успокоился, вернулся в домик и уснул. Там он провел почти сутки, не находя себе место.

На следующий день около часа дня с улицы донесся какой-то шум. Артем перепугался, вышел наружу, перевел свой взгляд на отверстие под стеной. Увидев лицо девушки, он несколько успокоился.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Иди сюда, тут одному товарищу помочь нужно, — сказала она.

— Ты! — воскликнул Курков. — Откуда ты взялся?

— Знакомый? — девушка удивленно посмотрела на Артема.

Киселев скривился.

— Попался, крысеныш, — он двинулся на Куркова, сжав кулаки.

— Успокойся! — девушка стала между Вадимом и Курковым. — Объясните, что происходит.

— Ты зачем его привела? — спросил разъярившийся Вадим. — Из-за этой крысы я попал в передрагу.

— Он охранник, который шантажировал меня. Из-за него я связался с вами, чтобы спасти свою жизнь, — сказал Артем.

— Так ты охранник? — девушка восхищенно посмотрела на Вадима. — Это же то, что нам нужно!

— Ты о чем? — настороженно спросил Вадим.

— Забудь про свои наркотики, мы найдем тебе источник доходов надежнее, — заверила его девушка. — Оставайтесь здесь и не передеритесь, мне нужно связаться с друзьями.

Она бросилась к лазу и исчезла. Растерянные Курков и Киселев оставались стоять друг напротив друга.

— Что случилось за эти два дня? — выдавил из себя Киселев, нарушив молчание. — Я ничего не помню.

— Тебя одурманили. Клянусь, я был не в курсе того, что они собираются сделать, — Артем начал пересказывать события, произошедшие за последние дни, опустив некоторые подробности. В частности, он не поведал Киселеву о том, как последнего схватили. Узнав о теракте, организованном Курковым, Вадим схватился за голову.

— Ты понимаешь, что натворил?! — возбужденно воскликнул он. — Тебя же пожизненное рабство в тюрьме ждет!

— Лучше, чтобы меня убили?

— Ну, это каждый для себя сам решает, — презрительно усмехнувшись, ответил Вадим. Он никогда бы не пошел на поводу у террористов, правда, не из-за благородных побуждений. Проще простого было рассказать о замыслах одному из сотрудников «Либертарианца», после чего получить щедрое вознаграждение и ждать, когда террористическую ячейку ликвидируют.

— Ребята, лезьте сюда, — донесся голос девушки с другой стороны забора.

Поняв, что имеет дело с террористами, Киселев насторожился.

«Попытаются через меня добраться до сервера-приемника», — заключил он.

Когда выбрались из лаза, обнаружили девушку, дорогой для загорода автомобиль с грозным водителем за рулем.

— Это ещё что? Я никуда не поеду! — заявил Киселев.

— А у тебя есть выбор? — хмыкнула девушка. — Хочешь, чтобы мы рассказали обо всем наркоторговцам? Ты же их собирався шантажировать, ведь так? Ох, и обрадуются они возможности проучить наглеца.

Вадим схватился за голову. Выходит, от рабства ему не спастись!

— Не бойся, мы тебе поможем, — успокоила его девушка. — Поехали, на месте тебе всё

объяснят.

Не стал спорить, они с Артемом устроились на заднем сиденье, девушка села спереди, автомобиль тронулся.

— Мы не террористы, — начала говорить она дорогой. — Мы борцы за свободу. Клянусь, мы не желали смерти тем людям, которые погибли из-за взрыва, но революции в перчатках не делаются. Мы не собираемся никого запугивать, мы хотим помочь. Посмотри в окно. Это один из самых неблагополучных районов пригорода. Убить человека здесь можно безнаказанно, а если у тебя еще и есть деньги, то охранное предприятие защитит тебя от мести родственников. Это абсолютно невыносимая ситуация даже для государственного периода.

Артем, скривился.

— Ты говоришь неправду! — возразил он. — В государственный период аналогом такого района были целые страны. Мне жаль этих людей, но, уверен, они оказались здесь не просто так.

— Конечно не просто так. Их как тебя прижали к стенке и не оставили выбора. Пришлось съезжать.

— Замолчите, прошу вас, — выдавил из себя подавленный Киселев. Он не мог дожидаться, когда эта бесконечная поездка завершится. Ему казалось, что он нашел выход из ситуации, лишь бы звезды улыбнулись ему в этот раз.

Автомобиль выехал к каким-то развалинам: скелеты панельных многоэтажек окруженные густыми побегами высокой сочно-зеленой травы, неподалеку от них останки древних детских площадок — проржавевшие и разваливающиеся качели, лесенки, погнутые турники, гниющие горки. Дорога в колдобинах.

— Куда ты нас завезла? — спросил Киселев.

— Водитель остановил автомобиль, развернулся и своими злыми глазами посмотрел на Вадима.

— Куда надо! И поуважительней с Наденькой, мы ее очень любим и ценим. Вылезай!

Угроза, читавшаяся во взгляде водителя, заставила Вадима беспрекословно подчиниться.

— Пойдем, — девушка жестом предложила следовать им за собой, направилась к развалинам одной из многоэтажек. Они спустились в подвал, где горели маломощные лампочки, и сидело множество вооруженных людей. Киселев перепугался, посмотрел на Куркова. Тот тоже выглядел растерянным.

— На войну вы что ли собрались? — спросил Вадим у Нади.

— Пошли, — не ответила она на его вопрос.

Вооруженные недоброжелательно смотрели на Куркова и Киселева, приветливо здоровались с Надей. Вскоре она вывела их в центральное помещение, где сидели несколько важного вида мужчин. Самый старый из них улыбнулся, увидев девушку, вопросительно посмотрел на Киселева.

— Я о нем говорила.

— А, ты охранник-наблюдатель. Как тебя зовут?

— Вадим, — выдавил из себя Киселев.

— Значит, смотри, Вадим, как мы умеем благодарить. Артем, — он подозвал Куркова к себе. — Ты сдержал свое слово, я сдержу свое. Вот удостоверение личности гражданина города-государства Рима. Право собственности на квартиру в центре города счет на крупную

сумму. Мы даем тебе возможность начать новую жизнь, как и обещали. Выбраться отсюда тебе помогут. Паша, Агния, проводите его.

Вадим увидел, как молодой черноволосый мужчина и низкая брюнетка средних лет, чем-то похожие друг на друга, встали и позвали Куркова. Артем с признательностью посмотрел на старика, ушел.

— Если ты, Вадим, выполнишь то, о чем мы тебя попросим, получишь в два раза больше.

— И чего вы от меня хотите? Взорвать бомбу?

— Да, — подтвердил старик. — На этот раз в здании сервера-приемника. Артем бы туда не попал, ты же пройдешь беспрепятственно.

— Да меня наверняка уже везде ищут. В условиях чрезвычайной ситуации мобилизуют всех охранников. Мое отсутствие — достаточный повод, чтобы подозревать меня, как сообщника террористов!

— Каких террористов, Вадим? Мы не террористы.

— А борцы за свободу, которые идут по трупам. Знаю я, знаю, — отмахнулся Киселев.

— По трупам, значит, идем, — усмехнулся старик. — Знаешь, сколько в том году детей умерло от онкологии в одном только нашем городе? Тридцать восемь человек. Эти заболевания сегодня лечатся, у капиталистов деньги на лечение этих детей имелись в избытке. Так чем, скажи, они лучше убийц и воров? Чем лучше коррупционеров государственного периода, грабивших общество и обрекавших обездоленных на нищету и смерть? Кто из нас террорист, Вадим: те, кто хотят, чтобы помощь людям оказывалась безусловно, или те, кто требуют за все платить, а если денег нет, то оставляют выбор между смертью и бесчестьем?

Киселев ничего не ответил, затравленно посмотрел на девушку.

— Чего вы от меня хотите? — спросил он.

— Проникнешь в сервер-приемник с коробком, который мы тебе дадим, занесешь его в комнату, где хранятся накопители и оставишь там. Быстро уходишь, после чего мы взрываем здание. Ты будешь щедро вознагражден.

— Толку от награды, если меня посадят?

— Думаешь, у тебя есть выбор?

— Не знаю. От вас зависит.

Старик ухмыльнулся.

— Руководитель «Либертарианца» Доронин — ты ведь знаешь его? — играет не последнюю роль в развернувшихся событиях.

— О какой роли идет речь? — не понял Вадим.

— Заговор против собственника. Доронин хочет больше власти. Под видом защиты интересов Костицына, он организовал охранные отряды, на деле представляющие собой армейские формирования. Я не до конца понимаю, как он собирается на законных основаниях переоформить собственность на землю на свое имя, но в наличии заговора не сомневаюсь и намерен использовать его в своих целях.

— Допустим, это правда. Как это отменяет отсутствие у меня выбора? Как вы там выразились — между смертью и бесчестьем, да?

— Если ты не согласишься, сведения о твоём сотрудничестве с наркоторговцами всплывут. Проверить записи твоих блюстителей не составит труда, и ты точно также сядешь. Только в случае, если примешь наше предложение, у тебя есть шанс выйти сухим из воды,

иначе ты точно проиграешь.

— А если они уже проверили записи моих блюстителей? Меня ведь не было на месте двое суток?

— Я же сказал — риск существует. Просто если откажешься от предложения, то точно проиграешь. Так как, согласен?

Киселев опустил голову, раздумывал недолго.

— Да.

— Отлично. Тебя проводят, переоденешься, получишь бомбу, после довезут в город, оттуда отправляйся к серверу. Оставишь бомбу в комнате с накопителями. Можешь не торопиться — взрыв последует только после того, как покинешь здание. Всё понял?

Вадим кивнул.

— Приступай.

Подручные старика увели Вадима. Когда Киселев покинул подвал, Доронин глянул на стоявшего слева от него мужчину.

— Я ему не верю. Не дожидайся, пока выйдет, взрывавай через пять-десять минут после того, как войдет.

...

Вадима довезли до ближайшей автобусной станции. Тревожное предчувствие не покидало его, внутри похолодело, в голову лезли мысли о смерти. Когда подъехал практически пустой автобус, он устроился на сиденье в середине салона у окна, разглядывая мелькавший за стеклом пейзаж, пытался развеять охвативший его страх.

На очередной остановке в автобус забрался чудаковатый парень — волосы взъерошены, сальные, глаза бегают, одет он небрежно, на лице трехдневная щетина — и как назло подсел к Вадиму. И без того встревоженный Киселев почувствовал себя совсем уж неудобно.

— Снова здорово, — жизнерадостно поприветствовал его парень. — Мелочью не выручишь? Нет? А чего так? Я к тебе че подсел...

В этот момент автобус тронулся. Парень покрутил головой по сторонам, убедился, что рядом никого нет.

— Чего подсел-то, хотел сказать, — продолжил он. — Почирикать обо всем об этом. Слышал же да, о терактах? Как думаешь, кто организатор? Не, ну понятно, что все на анархистов-утопистов стрелки перекидывают, но мы-то всё понимаем, да? — он подмигнул Вадиму. — Теракт так просто не устроишь, деньги нужны, переводы на счет, вывод средств и тэдэ и тэпэ. Неужто Костицын со своим «Либертарианцем» отследить все перемещения капитала не могли? Или ты им веришь? Я вот не верю. Брешут, зуб тебе даю. Помнишь, как в школе учили — в государственный период для оправдания начала войны регулярно использовались теракты на территории государства, заинтересованного в агрессии. Настроить общественное мнение, оправдать убийства невинных можно только укокошив парочку собственных сограждан. Про скандальную операцию государственного периода Америки помнишь? Как называлось не подскажешь? — не дожидаясь ответа, парень принялся легонько стучать себя кулаком по голове. — «Нортвудс», вот. Там, значит, на полном серьезе собирались совершить теракты против своих же. Хотели с каким-то островом войну разыграть. Тогда не решились, зато сколько раз потом реализовывали. Нам лапшу на уши вешают: «Там могли поступить только государства, собственники не заинтересованы в уничтожении рабочей силы». Забывали только уточнить, что собственники не заинтересованы в уничтожении рабочей силы, обслуживающей их заводы.

Других-то убивать можно. А если убийство своих собственных позволит завладеть заводом конкурента, че тогда? Тоже, выходит, окажется заинтересован. Вот и сейчас, взрывают здания, люди напуганы. Для чего делается? Пока не понятно, а вот время пройдет и всё всплывет — окажется, что Костицын хотел ужесточить законы, повисить ренту или еще какую-нибудь гадость народу сделать, да боялся действовать напрямую. Все прекрасно понимают — власть собственника на честном слове держится. Вот поднимется недовольный народ, провозгласит свое право на землю и чего он делать будет? Амбалов из охранных фирм натравит? Так сколько тех амбалов наберется?

Парень откинулся на спинку сиденья, разворошил свои волосы, посмотрел на остальных пассажиров. Вадим отчего-то тоже огляделся. Люди действительно были напуганы, старались не смотреть в окно, смотрели себе на руки, нервно потирали ладонь о ладонь, молчали. Безумолку тряндел только сосед Киселева.

— Видишь, что делается, — подмигнул он Вадиму. — Попомни мои слова: теракты — часть большой игры. И класть этим ребят и на нас, и на вас, и на Кавказ, — он противно захекекал. — Нас учили, дело в государстве. Анархо-капитализм — хорошо, государственный капитализм — плохо. А ты мне объясни, какая разница-то? Властьимущие выгоду не упустят, главное народ соответствующим образом настроить, а там твори, что хочешь. И хороши для этого любые средства. Придется якшаться с террористами — не проблема. Поддерживать убийц — да за милую душу. Им-то какое дело, что там с нами произойдет, главное лишнюю циферку себе на банковский счет записать. А народу простое объяснение подсунуть, обязательно виноватого найти, да еще лбами разные слои населения столкнуть — и всё замечательно. Понятно ведь, плохой ты или хороший определяется постфактум: победишь — будешь хорошим, проиграешь — окажешься плохим. Потому-то добро всегда и побеждает зло, — снова неприятный смешок. — Никогда об это не думал?

— Слушай, отцепись от меня, — Вадиму надоела болтовня, она отвлекала, не давала сосредоточиться. Господи, да у него в руках бомба, он едет взрывать сервер-приемник и выслушивает бредни городского сумасшедшего!

— Ты мне не груби, — нахмурился парень. — Я ведь тебе о серьезных делах говорю. Не веришь? Доказать ведь могу. Я когда-то исторический заканчивал, писал работу по раннему периоду становления анархо-капитализма. Есть один эпизод, который почему-то не упоминается в учебниках истории, да и пресса о нем никогда на моей памяти не писала. Стояние у городской черты называется. Ведь ты о нём ничего не слышал? Вот-вот, а оно было. Чуть меньше ста лет назад в одном городишке на Урале произошел взрыв завода с ядохимикатами. Нужно было организовывать эвакуацию населения, принимать меры для сглаживания последствий отравления природы. Стоило это колоссальных средств. Местные собственники и надеяться не могли оплатить всё, рассчитывали на взаимопомощь, человеколюбие крупных капиталистов. Как думаешь, дождались? Какая-то помощь несомненно последовала, да вот только крохотной оказалась. Сломался наш анархо-капитализм, когда потребовались согласованные действия разрозненных капиталистов. Вылилось это в покупку капиталистами очистной техники для городов и повышение арендной платы за проживание, введение всевозможных компенсационных платежей, по сути, тех же налогов. На жителей пригородов забили. Последние, разумеется, ломанулись в города. Капиталисты ручками разводят и говорят — плату за въезд поднимаем, это частная собственность, нет денег, езжайте куда-то еще. А людям помощь нужна, многие уже траванулись, помирают. Делать нечего — у кого средства были, купили себе право на жизнь,

кто на ногах стоял, разбежались, остальным — тем, кто серьезно отравился и ходить не мог и их родственника — оставалось положиться на судьбу. Помогали им, конечно, кто как мог, даже волонтеры приезжали с другого конца света, да только бестолку всё — умерло тогда много народу. Те, кто спаслись, вскоре разбежались, собственники тоже деньги из региона вывели, говорят, во время паники даже наварились, купили землю в Черноморском регионе, туда и перебрались. До сих пор та земля пустует, никем не используется. Вот тебе и сила рынка, вот и саморегуляция. Я как об этом узнал, подумал еще — вот нам рассказывают о страшных жертвах политики крупных государств, развязывающих войны. А кто виноват в гибели людей на Урале? Капиталистов прямо и не обвинишь — они не обязаны были помогать, строительство заводов нужно было заказывать у проверенных компаний, а не строить за копейки, пренебрегая техникой безопасности. Но позиция довольно лицемерная, согласись. Ведь в конечном итоге жертв можно было избежать, отреагируй они централизованно и слаженно. Да вот только централизованно — это государственные методы, а значит плохие.

Парень вздохнул, посмотрел в окно.

— Терроризм этот, опять-таки. Кто виноват в гибели укукошенных террористами? Не из воздуха же берутся эти душегубы. Ради чего убивают, кого и зачем пытаются напугать, кто от их деятельности выигрывает больше всего? Власть и выигрывает. В государственный период говорили — всякая власть от бога. А я вот думаю иначе — будь проклята любая власть, ничего хорошего простому человеку от них ждать не приходится. Вечно они чего-то замышляют, заговоры строят у нас за спиной ради денег и своего эфемерного влияния. Тошно, как подумую. Ты со мной не согласен?

Вадим злобно посмотрел на болтуна, но прогонять его не стал. Почему-то слова о власти показались Киселеву не лишёнными смысла.

— Вижу, согласен. Ну и зря. Знаешь почему? Да потому, что виноватых найти легко, а человека, которой возьмет на себя ответственность за сложные решения днём с огнём не сыщешь. Или ты можешь поручиться, что без власти было бы лучше? Вот и я не могу. Хоть и чувствую — лучше может быть, да вот только как так сделать, чтобы стало лучше и от этого лучше никто не пострадал, придумать не могу.

Автобус остановился возле станции метро, Вадим выскользнул из салона, краем глаза глянув на своего соседа — тот уже начал приставать к другому пассажиру.

«Точно сумасшедший», — заключил Киселев.

Вадим спустился в метро, доехал до станции, на которую приезжал каждое утро. Как здесь всё поменялось! У эскалатора поставили рамки, вокруг суетились охранники с оружием в руках, напуганные люди с подозрением и недоверием смотрели друг на друга. Атмосфера подавленности и тревоги прямо витала в воздухе. Собравшись, Вадим миновал охранников, на него даже не обратили внимания, настолько все были заняты своими делами.

Он беспрепятственно добрался до здания сервера-приемника, располагавшегося в полукилометре от станции, миновал пропускной пункт. Охранники, сидевшие на входе, не обратили на него внимания: то и дело им сообщали о сигналах, полученных с сервера-приемника о зафиксированных преступлениях, а они, в свою очередь, связывались с местными патрулями и передавали все необходимые сведения. Суета передалась и Вадиму, он быстро поднялся на свой этаж. Куда идти теперь?

Разумеется, Киселев не собирался помогать Доронину и компании взрывать сервер-приемник. Да, повстанцев много, но собственник наверняка сумеет организовать оборону

города. Нужно рассказать обо всем, что ему стало известно, возможно, получится не слабо заработать. Беда только в том, что идти в руководство «Либертарианца» бессмысленно — наверняка, они осведомлены о связи Вячеслава Доронина и наркоторговцев. Значит, нужно каким-то образом связаться с Костицыным, рассказать обо всем. Собственник наверняка будет благодарен Вадиму, щедро заплатит. Но как это сделать, не вызвав у террористов подозрения?

Просто связаться с ним из своего кабинета! Элементарная разгадка! Террористы явно планировали наспех и не успели продумать всех деталей.

Киселев заскочил в кабинет и обнаружил там Игоря. Олейников, копавшийся в информационной панели, оторвал голову от монитора, удивился, увидев Вадима.

— Откуда ты взялся? — спросил он.

— Долгая история, Игорь, — не растерялся Вадим. — Они меня кинули!

— Как ты хотел кинуть меня? Думаешь, в суматохе я не проверил данные с твоих блюстителей? Ты окровитель, приятель. Знаешь ведь, что за это полагается выселение?

— Послушай, — прошипел Вадим, запирая дверь и поднимая коробок со взрывчаткой. — Здесь бомба. Ее мне дали террористы, чтобы взорвать сервер-приемник.

Глаза Олейникова округлились.

— Какого черта ты принес ее сюда, придурок? Сам ввязался неизвестно во что и меня угробить хочешь?

— Они не взорвут ее до тех пор, пока я не покину помещение! Выслушай, а потом кипятись. Похоже, Доронин как-то связан с ними. Я многое знаю о местоположении их базы, это золотая информация, если донести ее Костицыну, мы обогатимся!

— Положим, — несколько успокоился Олейников, продолжая с опаской поглядывать на коробок. — Я-то тебе зачем?

— Ты не расскажешь о моих проделках. Как тебе план? Позволь мне связаться с Костицыным и мы оба окажемся в шоколаде.

— Дай подумать, — Олейников отвернулся, запустил руку в ящичек стола, вынул оттуда пистолет и направил его на Вадима.

— Есть план лучше, — произнес Игорь и выстрелил.

Пуля угодила в грудь, Вадим пошатнулся, упал.

— Я задержал террориста и раскрыл заговор против собственника. В итоге весь куш достанется мне. Блюстителю мои проверять никто не станет, а если и станет, ничего не обнаружит — я информацию с них прямо сейчас затру. А ты, дружок, получишь свою плату за то, что хотел предать меня. Думал, сойдет с рук, думал...

Вадим уже не разбирал слов, чувствовал, что вот-вот умрет. Но его сердце еще не успело прекратить свой последний отчаянный забег, когда коробка с бомбой, валявшаяся рядом с Киселевым, взорвалась.

После того, как Агния Доронина снова повстречалась с сыном, ее счастьем не было конца. Он был рядом с ней, отвечал на некоторые ее вопросы — о большем мать и не могла мечтать. Два дня она старалась не отходить от него и с нетерпением ждала возвращения, когда Сергей Доронин отправлял его куда-то.

— Папа, ты же рискуешь жизнью своего внука, — говорила она всякий раз, когда появлялся ее отец.

— Не я, Агния, а он. Никто не заставлял Пашу примыкать к нам, он сам принял решения. Попробуй и ты принять выбор своего сына.

На второй день началось какое-то движение — готовили новую революционную акцию. Всех, в том числе Агнию, привезли к какой-то многоэтажке, революционеры спустились в подвал, принялись оживленно обсуждать свои планы. Спустя какое-то время пришла девушка с двумя мужчинами.

Агния сразу узнала одного из них — то был Артем Курков. А девушка, ведущая их... Нет, не может быть. Те же волосы, те же глаза. Это же племянница Агнии, Тамара! Неужели она с революционерами?! Агния не стала ничего говорить, решила расспросить обо всем сына, когда они останутся наедине. Случай представился практически сразу. Отец приказал Паше проводить Куркова, ее отправил следом.

Когда они выводили Артема, Агния обратилась к сыну:

— Эта девушка, давно она с вами?

— Надя? — удивился Павел. — С самого начала. А почему ты заинтересовалась ею?

— Нет, просто она мне кое-кого напомнила, — произнесла Агния вслух, а про себя подумала: «Неужели ошиблась?»

Они поднялись из подвала, вышли с другой стороны многоэтажки, там стоял неприметный старенький автомобиль. Возле караулил простаковатого вида мужичок.

— Слушай сюда, — обратился Павел к Артему. — Тебя отвезут на частный аэродром в двухстах километрах от города, там передадут все бумаги и номер счета, сообщат прочие детали. Люди там работают нервные, потому много не разглаговльствуй и для тебя всё закончится хорошо. Понял?

Артем кивнул и без лишних слов направился к автомобилю.

— Мама, ты уезжаешь с ним, — Павел посмотрел на Агнию. — Сама сказала, что ему можно доверять. Здесь скоро будет небезопасно.

— Я никуда не поеду без тебя! — взъерепенилась Агния.

Павел закатил глаза.

— Мама, я тебя прошу, не начинай! Мы так давно не виделись, не омрачай впечатления от нашей встречи.

— Поехали со мной, пожалуйста! — взмолилась Агния. — Тебя ведь убьют здесь!

— Может и так, но я не поеду, мы слишком долго готовили восстание, я хочу внести свой вклад в общее дело.

Агния снова принялась просить, но Павел был непреклонен. Водитель посигналил, напоминая, что их время ограничено.

— Не поедешь? — злобно спросил Павел.

— Нет! — отрезала Агния.

Тогда он махнул водителю рукой, мол, езжай.

— Оставайся, — он пожал плечами. — Станешь свидетельницей либо моего триумфа, либо моей смерти.

— Тебе меня совсем не жалко?

— Жалко, также как жалко людей, живущих на выселках, выброшенных в пригород и вынужденных дышать этим чудовищным смогом.

— Говорил же, она не поедет, — из подвала поднимался Сергей Доронин. — С охранником мы договорились, он согласился нам помочь.

— Начинаем? — спросил Павел.

— Да.

— Я иду с вами! — потребовала Агния.

Отец строго посмотрел на нее.

— Ты никуда не идешь. Останешься здесь и будешь ждать нашего возвращения. Возможно, придется быстро отступать, тогда поможешь в сборах.

— Я сказала, я иду с вами! — настойчиво повторила Агния.

— Ты не оставляешь мне выбора, дочка, — вздохнул Сергей Доронин.

...

Ее привязали к стулу, оставили сидеть в подвале. Как не рыпалась Агния, сорвать путы не получалось. Спустя примерно час после ухода повстанцев, вниз спустилась девушка с циннвальдитовыми волосами, так похожая на Тамару. Господи, да они даже одевались одинаково. Те же неброские дешевые джинсы, тот же цветастый топик, кроссовки одной и той же фирмы. Но сын назвал ее Надей.

— Если я вас развяжу, вы не попытаетесь уйти из подвала? — спросила она Агнию.

— Нет, — ответила та.

Достав нож, Надя перерезала веревки, оплетавшие Агнию. Доронина развела руки в стороны, потянулась, вздохнула полной грудью. Стало легче.

— Вы не переживайте, всё должно пройти хорошо, — стала успокаивать Агнию девушка. — Сергей Викторович прекрасный стратег, он предвидел любой вариант развития событий. Паше ничего не грозит.

Агния на мгновение забыла о сыне, с любопытством посмотрела на девушку. Неужели ее поразительное сходство с Тамарой простое совпадение. Да ведь они не просто похожи — они близнецы!

— Скажи мне, Надя, зачем вы это делаете? — вдруг спросила Агния.

— Мы деремся за свободу.

— Это все лозунги, ты ведь понимаешь? Чего ты хочешь на деле?

— Чего я хочу? Я хочу, чтобы все люди стали семьей — вот чего я хочу. Чтобы мы не строили козни друг другу, не собачились, помогали слабым.

— Да как же все могут быть семьей?

— Да очень просто. Организуем интернаты повсюду, будем воспитывать детей сообща, чтобы женщина любила каждого ребенка, как своего. Тогда все с детства будут получать равную долю любви и ласки, подрастая, их будут воспитывать одинаково, никого не выделять. Места зависти, озлобленности не останется. Частная собственность отомрет сама собой, преступления исчезнут сами собой, просто потому, что нечего будет делить. Мы построим абсолютно новый мир, а о сегодняшней нашей жизни будем вспоминать, как о страшном сне.

— Ты действительно так думаешь? Полагаешь, что отобрав у матерей право любить своих детей, построишь новый мир? Отобрав у человека право, заниматься воспитанием собственных потомков, сможешь? Да и зависть останется, так как останется неравенство — даже если мать не будет знать, какой из детей ее, кого-то она будет выделять. Просто потому, что невозможно любить всех.

— А в семье разве не так? Родители могут любить кого-то из детей больше, это, конечно, может вызвать зависть, но зависть иного рода. Ведь сознательные родители, пусть и выделяя одного из детей, всё равно будут стремиться обустроить будущее остальных. Любить всех — лишь образное выражение. Женщина сможет реализовать свою материнскую любовь на воспитанниках, доверенных ей.

— С которыми они никогда не будет близка так, как с родным ребенком? — Агния усмехнулась. Перед ней стояла Тамара наоборот — Надежда убедила себя в реальности вымышленного ею мира, не понимая элементарных вещей. А как их можно понять, не испытав? Девушка ведь не рожала, жила в обществе, где воспевался эгоизм, но в отличие от своего двойника Тамары она настолько возненавидела индивидуализм, что впала в другую крайность.

Надя попыталась еще что-то доказать, но Агния не слушала ее. Увидев, что Доронина погрузилась в свои мысли, Надя замолчала.

— Пойду, свяжусь с товарищами, узнаю, как продвигается, — произнесла девушка, нарушив затянувшееся молчание. — Вы никуда не уйдете?

— Не уйду, — пообещала Агния. А куда уходить и главное зачем? Только здесь она узнает о судьбе сына.

Агния ожидала возвращения Нади, сидя на стуле, опустив голову на упертые локтями в колени руки. Время тянулось невыносимо медленно, казалось, прошло уже несколько часов, а на деле минутная стрелка не успела перескочить даже через двадцать делений. Донеслись шаги, Агния подумала, это спускается Надя, но звук доносился со стороны, противоположной той, в которую ушла девушка. Доронина подняла голову и увидела группу вооруженных людей, приближающихся к ней. Они были в форме «Либертарианца».

Солдаты расступились, пропуская вперед брата Агнии.

— И ты здесь? — удивился Вячеслав Доронин, заметив сестру, жестом приказывая солдатам опустить оружие. — Признаться, думал, тебя давно и след простыл. А где же остальные участники террористической группировки?

— Какой еще группировки? Что ты здесь делаешь? — испуганно спросила Агния.

Доронин усмехнулся.

— Я пришел подавлять оставшиеся очаги сопротивления — революция провалилась.

Агния застыла, на ее лице отпечатался ужас.

— Мой племян был с ними, ведь так? Грустно. Но ты не отчаивайся сразу — будем надеяться на лучшее, многие сдались в плен. Жаль, что в результате серии терактов погиб и Юрий Павлович, земля ему пухом.

Из-за спины отца показалась Тамара.

— Был расстрелян вместе со всей семьей, представляешь, тетя? — Тамара улыбалась. — Наследников не осталось. Кроме меня, конечно.

И тут Агния поняла всё и сразу. Тогда Слава принял предложение Агнии не из жадности наживы. Он знал, что Костицын ненавидит наркотики и для борьбы с ними готов расширять полномочия охранной фирмы неограниченно. Доронин воспользовался этим, сам создал

сеть наркоторговли и под видом наращивания штата сотрудников, организовал свою мини-армию. Оставалось найти повод применить ее в деле. И революционеры, возглавляемые их с Агнией отцом, этот повод предоставили. Наверняка Слава и к этому приложил руку. Ну, а в суматохе не составляло труда организовать убийство всех Костицыных, сохранив жизнь единственной наследнице — Тамаре Дорониной.

— Вы оба чудовища! — ужаснулась Агния.

— Нет, мы успешные предприниматели, только и всего, — улыбнулся Вячеслав.

— Я предупреждала тебя об опасности, тетя, — произнесла Тамара. — Не хотела, чтобы так вышло. Теперь же придется тебя убить.

С другой стороны подвала донеслись шаги. Солдаты Доронина вскинули оружие. Подняв руки, вышла напуганная Надя. Взгляды Доронина и Тамары упали на нее.

— Как? — ошеломленно выдохнул Вячеслав.

Если бы у него было время подумать, он бы сумел отыскать ответ на свой вопрос. Когда жена ушла от Доронина, она сбежала из города с другим мужчиной. Именно из-за этого отношения Вячеслава и собственника обострились: Костицын считал зятя виновным в случившемся. Отыскать Светлану Доронину не удалось. А все потому, что сбежала она с человеком весьма неординарным — инженером-генетиком, к услугам которого Вячеслав прибежал, когда Светлана забеременела Тамарой. Этот самый инженер грамотно организовал побег, оставленные Светланой следу затер так, что комар носа не подточит, пообещал ей подарить еще одну точно такую же дочь взамен утраченной. Обещание он сдержал: во время второй беременности Светланы повторив свои манипуляции. Так на свет появилась Надежда — еще одна наследница Костицына.

Однако, времени у Доронина не было.

— Они возвращаются! — крикнули откуда-то сверху. Солдаты отвели оружие в сторону от возникшей из темноты девушки, хотели было побежать вверх, но тут по ним открыли огонь из-за спины Нади. Перепуганная девушка упала на колени, чудом избежав ранения, отползла в сторону. Агния не помнила, как оказалась возле стены, вжавшись в нее, стараясь уберечься от мелькавших повсюду смертоносных пуль. Краем глаза она увидела, как ее брат, изрешеченный выстрелами, падает на землю, а ее племянница кое-как откатывается в сторону. Стрельба прекратилась — солдаты Доронина в подвале были перебиты. Агнию кто-то схватил под руку.

— Пойдем, скорее! — донесся знакомый требовательный голос. Кирилл! Он увлекал Агнию за собой, и она подчинилась. Замершие у стен Тамара и Надежда с ужасом смотрели вокруг себя и друг на друга. Как же они были похожи!

Когда Кирилл вывел Агнию из подвала, она поняла, что стреляют со всех сторон.

— Сын, мой сынок! — опомнилась Агния.

— Не сейчас, девочка, не сейчас. Мы обязательно узнаем, что с ним, но не сейчас.

— Волоки её сюда, — донесся голос Бормана.

Доронина не стала сопротивляться, позволила Кириллу увести себя. Ее посадили в какую-то легковушку, которая мигом сорвалась с места. Звуки стрельбы стремительно удалялись. Уже вдалеке Агния увидела, как из подвала поднялся какой-то человек. По циннвальдитовым волосам она поняла, что это была либо Тамара, либо Надежда. Но кто точно, Агния не могла сказать. Девушка успела отойти от многоэтажки на несколько десятков метров, после чего та начала взрываться, разбрасывая куски щебня во все стороны. За секунду до того, как пыль затмила обзор, Агния увидела, как девушка прыгает на землю,

накрывает голову руками.

Машина с наркоторговцами уносилась прочь, оставляя войну и грязный бизнес в Новограде.

Разбросанные по подушке циннвальдитовые волосы пришли в движение — девушка открыла глаза, подняла голову. Она находилась в просторной роскошной больничной палате. Всюду были расставлены мониторы, на которых отражалось ее состояние. Около койки стоял доктор в длинном белом халате, больше здесь никого не было.

— Вы уже очнулись? Не поднимайтесь резко! — он принудил ее лечь, посмотрел на индикаторы мониторов, удовлетворенно кивнул.

— Всё хорошо, пока лежите, я позову нотариуса.

Девушка растерянно посмотрела на врача.

— Ах, вы не знаете. За последние дни на нас обрушилось столько бед... — врач всплеснул руками. — Ваш отец и дедушка погибли, практически весь род собственника перебили в страшной бойне, но революционеров удалось задавить. Вы — единственная наследница не только своего родителя, но и своего деда. Нотариус и представитель научного отдела хотели с вами поговорить в срочном порядке. Если не желаете, я могу их не звать, но не думаю, что это целесообразно в сложившейся обстановке. Так как, не будете возражать?

Девушка неопределенно хмыкнула.

— Ну и славно, — расценив это как согласие, сказал врач.

Он покинул палату, а буквально через минуту ворвался высокий симпатичный мужчина в деловом костюме-тройке. Поставил на столик рядом с койкой кейс, открыл его, вытащил оттуда пробирку, в которой находилась вязкая прозрачная жидкость, протянул её девушке.

— Меня зовут Алексей Кондрашов, я представляю научный отдел «Либертарианца». Дело безотлагательное, поэтому введу вас в курс максимально быстро. Несколько лет назад, на фоне развернувшейся в городе торговли наркотиками, ваш отец приказал разработать блюстители нового поколения, которые обеспечат абсолютную безопасность, укрыться от контроля со стороны которых будет невозможно даже окровителям. Решить эту задачу мы смогли. У вас в руках препарат нового поколения. Он не считывает информацию органов чувств, но переписывает и отправляет на сервер-приемник мысли контролируемого. Таким образом, появилась возможность снизить уровень преступности до нуля — преступные намерения будут предугадываться задолго до того, как сам противоправный акт будет совершен.

— Но неужели серверы способны обработать такой объем информации?

— После недавнего прорыва в технологиях хранения информации — бесспорно. Не только обработать, но и хранить достаточно долгое время. Ваш дед отказывал во внедрении данной технологии, беспокоясь, что переходит черту в нарушении права на частную жизнь. К тому же он боялся реакции общества. Но сегодня ситуация переменялась: вы являетесь и владелицей «Либертарианца», и собственницей земли, общество же напугано революционными событиями, из-за которых погибло столько людей. У вас есть уникальная возможность открыть новую страницу в истории человечества — мир забудет об убийствах, грабежах, терроризме. Конечно, технология не сразу получит повсеместное распространение, но, уверяю вас, как только результаты, достигнутые благодаря новому поколению блюстителей, будут обнародованы, нас завалят заказами со всего мира. Издать соответствующий закон и начать прививать блюстителей мы можем уже сегодня, необходимо только ваше распоряжение. Вы согласны?

Девушка поднесла пробирку к глазам и задумалась.

Приложение. Альтернатива

Далекое будущее...

Сквозь нетипичный для земной атмосферы пурпур облаков к поверхности планеты спускался экскурсионный шлюп. Ребятишки, впервые посещавшие Златонию, толкались возле смотрового иллюминатора. Родители, стоявшие в сторонке, вели себя сдержаннее, но скрыть любопытства не могли, время от времени подходили ближе и бросали по-детски живые взгляды в сторону иллюминаторы. Экскурсовод — молодая высокая девушка — увещевала ребят:

— Не толпитесь, подходите по очереди. Очень скоро мы спустимся, и пилот переведет шлюп в обзорный режим.

— Пускай включит сейчас, — выкрикнул подвижный белобрысый мальчишка, задорно посмотрев на экскурсовода.

— Нельзя, я же рассказывала вам о риске ультрафиолетового облучения.

Мальчишка кивнул, вспомнив, как в момент достижения кораблем системы Златонии экскурсовод внимательно следила за тем, чтобы дети не смотрели дольше положенного на завораживающие протуберанцы, которые голубой гигант выплевывал в бескрайние просторы окружающего космоса.

Когда шлюп миновал верхние слои атмосферы, скорость движения снизилась, пилот, наконец, включил режим обзора, отчего обшивка сделалась прозрачной. Детишки ошеломлённо взирали на грандиозную картину, развернувшуюся перед ними: прямо в воздухе возникали и раздувались замысловатые строения, напоминавшие морские кораллы. При этом было не понятно, откуда берутся материалы и кто конструирует столь сложные фигуры.

— Вы наблюдаете процесс строительства аэрозаводов. Производство будет вестись прямо здесь, готовая продукция поступать на поверхность при помощи конструкции, по принципу работы напоминающей наши земные космические лифты. При этом дизайн зданий регулярно обновляется. Фактически, за время нашего спуска уже мог быть разработан концептуально новый подход, который вызовет всплеск потребительского спроса.

— А из чего их строят? — спросил кто-то из детишек.

— Это высокотехнологичное производство, осуществляется миниатюризированными роботами, являющимися одновременно строительными кирпичиками, из которых состоят данные здания. Я обязательно расскажу об этой технологии подробнее, но сначала хотелось бы коснуться истории планеты, рассказать о том, как Златония стала одной из самых развитых и бесспорно самой эффективной экономикой в нашем секторе Галактики.

Пока она говорила, облака расступились и взглядам туристов открылась поверхность. Если строительство домов в воздухе поражало воображение, то творящееся на земле лишало слов любого, кто впервые наблюдал чудесную картину: туда-сюда мотались сложные летательные аппараты, возникали и исчезали здания, небоскребы вырастали прямо на глазах, чтобы через мгновение прийти в движение и быть разобранными. Когда по просьбе экскурсовода пилот при помощи корабельной оптики увеличил заинтересовавший землян участок, дети увидели, как поверхность приходит в движение и на месте жилого здания тут

же возникает завод, который будто бы строился триллионами муравьев. После к зданию прямо из-под земли подводятся трубы.

— Если мы спустимся ближе, вы услышите гул — завод уже выпускает продукцию, — сообщила экскурсовод.

— Эти домики строятся так же, как и воздушные — роботиками? — спросила темненькая девочка лет семи.

— Да, маленькая, — улыбнулась экскурсовод. — Помню, когда я впервые увидела это, опешила. Представить не могла, что можно производить с такой скоростью.

— А почему они постоянно разбирают и строят по новой? — спросил любознательный семилетка.

— О, это достижение — гордость экономики Златонии. Дело в том, что производства здесь очень быстро устаревают в виду внедрения инноваций. Фактически, ежесекундно суперкомпьютеры пересчитывают эффективность работы того или иного учреждения и как только расчеты показывают, что оно устарело и его содержание больше нецелесообразно, завод закрывается и перестраивается. Для нас это непривычно — многие люди привязываются к вещам и не стремятся избавляться от устаревших моделей приборов.

— А мне компьютер рассказывал, что и на Земле когда-то было принято избавляться от старых вещей сразу после выхода новой модели, — подал голос бойкий мальчишка.

— Это правда, но было это давно, тогда вещь нельзя было получить просто потому, что ты в ней нуждаешься, приходилось обменивать ее на деньги. По этой причине обладание новейшими моделями служило показателем богатства того или иного человека. Но с ростом производительности труда мы сумели миновать этот этап. И в этом смысле Златония может рассматриваться нами как возможная альтернатива нашей родной планете.

Не успела она закончить свою речь, как стены только что построенного завода пришли в движение, рассыпались миллиардами осколков, а на прежнем месте начало возводиться новое сооружение.

— Со стороны может показаться глупостью, — продолжила рассказ экскурсовод, — но благодаря продвинутым технологиям строительства, возведение новых зданий здесь невероятно дешево.

Раззявив рты, ребята некоторое время заворожено наблюдали за тем, как возникают и исчезают целые города. Пилот кружил над поверхностью, приблизившись настолько, что до детей стал доноситься гул работы, похожий на жужжание пчёл.

— А почему нигде нет деревьев? — спросил самый внимательный малыш.

— Они больше не нужны. Много десятилетий назад был разработан способ выработки кислорода посредством машин, он показал высокую эффективность, оказался экономически более целесообразным, нежели затраты средств на охрану природы. К тому же в виду большой потребности в земле, каждый квадратный метр здесь на вес золота. Выращивать деревья — значит снижать эффективность экономики.

Подождав, пока ребятам наскучит смотреть за слаженной, сложной и удивительной, но однообразной активностью машин, экскурсовод вернулась к разговору об истории Златонии.

— Этапы развития общества разумных существ на этой планете до поры до времени ничем не отличались от этапов, которые прошли другие цивилизации. У нас на Земле плавно происходил отказ от частной собственности, что в конечном итоге привело к построению коммунистического общества. Аналогичный путь проделали почти все другие обнаруженные нами цивилизации. Но на Златонии эволюция опробовала другой маршрут:

право частной собственности златонийцы возвели в разряд высшей ценности и все политические решения, принимаемые правительствами государств Златонии(а после их отмирания крупными фабрикантами и монополистами), были направлены на защиту собственности и сохранение капитализма в неизменном виде. Разумеется, с ростом производственных возможностей, вытеснением человека из производственного процесса, а в последствии и из сферы услуг, экономика Златония претерпевала существенные изменения. И первыми эти изменения затрагивали наиболее отсталые страны — замена людей машинами приводило к массовой безработице, падению совокупного спроса. Можно только гадать, во что вылилась бы ситуация, если бы к тому моменту на Златонии не освоили межзвездные путешествия и безработные на взятые в кредит средства не отправились бы на другие планеты.

— А чего гадать — революция была бы, — заметил кто-то из подростков.

— Так или иначе, — экскурсовод с укором посмотрела на перебившего её подростка, заставив родителей мальчика смущённо опустить глаза, — население слаборазвитых стран стало сокращаться. Развитые же страны, численность граждан которых давно стабилизировалась, лишились рынков сбыта, что снизило совокупный спрос до предельно низкого уровня. Вы знаете, что на Земле в этот период истории частная собственность уже отсутствовала, как и потребность в каждодневном труде. Люди посвящали себя занятию творчеством, исследованию законов природы и других планет, самые безответственные предавались всевозможным развлечениям, но со временем таковых становилось все меньше. Мы самостоятельно, без какого-либо экономического принуждения научились организовывать свое время так, что научились получать удовольствие не только от развлечений, но и от труда. Сколько шедевров культуры было сотворено, сколько фундаментальных научных открытий сделано не сосчитать. На Златонии же наступил упадок. Не смотря на рост зарплат люди, просто не успевали потреблять всё производимое, построенные заводы простаивали, а занятость населения продолжала падать. Проблему пытались решить административными методами. Сначала стимулировали спрос высокими пособиями по безработице, но это привело лишь к росту числа бездельников. Продолжая мыслить в категориях частной собственности, безработные тратили все свое свободное время отслеживая эксклюзивные товары, которыми они могли бы похвастаться перед соседями или способы преумножить свое богатство, вложив пособие в какой-нибудь инвестиционный фонд.

Затем пробовали запретить трудоустройство после определенного возраста. Поскольку старые люди потребляли недостаточно и потреблению предпочитали накопление средств, они неэффективно расходовали выплачиваемую зарплату. Другое дело молодежь с амбициями и потребностями, зарплаты которой можно было повесить за счет увольнения пожилых. Одновременно с этим решалась и проблема безработицы, ведь теперь люди старше определенного возраста таковыми не считались. Сначала к старым относили пятидесятилетних, к концу же достигли отметки двадцати пяти. На тот момент население Златонии сократилось больше, чем на восемьдесят процентов. Срочно нужно было придумать какой-то выход.

— Но почему кризис зашёл так далеко? Неужели никто не протестовал, не требовал пересмотра политики в отношении частной собственности? — спросил один из родителей.

— Государства к тому моменту утратили своё значения, слились со сверхкорпорациями, которые основной своей целью ставили максимизацию прибыли. Из этого условия вытекала

необходимость сокращения штата работников, их замена машинами и нейросетями, что повышало эффективности производства, снижало себестоимость, вытесняло конкурентов и позволяло построить монополию. Но поскольку конкуренты преследовали те же цели, из-за начавшегося соревнования цены на продукцию падали, производство росло, а спрос не поспевал за этими процессами. Протесты же запрещались законодательством, разработанным ручным парламентом собственников.

В упадок пришло всё — сложно поверить, но рост производства сопровождался снижением уровня жизни. Казалось, Златония не переживет этот чудовищнейший кризис, но нашлась светлая голова, отыскавшая выход. К сожалению, мы не знаем имени инженера, решившего ребус в духе идеалов общества потребления. И решение-то было предельно простым — замкнуть цикл потребления не на неэффективном человеке, а на эффективной машине! Представьте — продукция выпускается машиной, другая машина потребляет её, чтобы выпустить другой товар, потребляемый первой. Остается только повысить КПД машин, дабы они успевали потреблять меньше конкурентов, а производить больше. Решение было поистине новаторским. Очень быстро начался взрывной рост экономики. Поначалу население позитивно восприняло произошедшие перемены, расцвёл пышным цветом рынок ценных бумаг. Капиталисты и простые граждане получали сверхприбыли, вкладывали в разработку новых технологий. Само собой, инновации не заставили себя ждать. Очень скоро удалось разработать нейросети, которые и на фондовой бирже торговали эффективнее человека. Более того, с точки зрения экономики оказалось, что человек существо на редкость неповоротливое, эмоциональное, неспособное хладнокровно и правильно воспринимать сигналы, подаваемые рынком. В итоге крупные собственники заключили, что снижение численности населения планеты не минус, а плюс и подняли арендную плату в разы. В процессе конкуренции капиталисты вытесняли друг друга с рынка, одновременно с этим инженеры разрабатывали способы сократить время, затрачиваемое на полный цикл производства-потребления, и пришли к выводу, что даже примитивные нейросети путем перебора множества вариантов справятся с этой задачей быстрее них. В итоге возникло бесклассовое общество — на планете остались одни капиталисты и машины, которые сами рассчитывали оптимальные параметры и постоянно совершенствовались.

Не стоит полагать, что Златония превратилась в автаркию: она активно торговала с другими цивилизациями. Земные ученые не сразу поняли, что строительство новых зданий, средств переработки энергии, дорог производится роботами для других роботов, движимых единой целью — максимизацией прибыли. В самом деле, вы можете поверить, что эти удивительные по сложности строения созданы механизмами, двести-триста лет назад представлявшими собой громоздкие и примитивные машины, которые самосовершенствовались исключительно при помощи аппаратных средств. У Златонии был потенциал стать крупным научно-культурным центром нашего сектора Галактики, однако естественным продолжением политики сохранения частной собственности стало требование сохранения коммерческой тайны. Златонийские инженеры, мигрировавшие с планеты, помочь здесь ни чем не могли — они знали лишь принципы работы машин, но с технологиями, разработанными самими машинами, были не знакомы. В итоге, когда наши инженеры попытались заимствовать некоторые инновации местных машин, юридическая нейросеть Златонии отреагировала агрессивно и от имени своих владельцев подала на Землю в суд. Что самое страшное, выиграли. Размер иска был громадным и если бы не требование выплатить его золотом, мы бы попали в серьезную передрягу. С тех пор на

Златонию разрешены только туристические рейсы, которые обходятся по курсу Златонию довольно дорого. К счастью, золото не представляет для нас большой ценности, так что нам пока удастся расплачиваться с машинами, образно говоря, бусами.

— А что же стало с капиталистами? — спросил один из туристов.

— А что с ними станет? Их давно никто не видел, однако проценты и рентные платежи на их счета поступают. Некоторые считают, что они вымерли, другие полагают, что им нет никакой необходимости вступать в контакт с внешним миром, так как за них с этим успешно справляются машины. В любом случае, исследовать Златонию нам запрещено, мы не можем узнать, остались они здесь, вымерли или перебрались на другие планеты и там пересчитывают заработанные барыши.

— А какие перспективы развития Златонии?

— Общепринятой точкой зрения является гипотеза о том, что механизмы Златонии продолжают выбранный курс — миниатюризация, повышение эффективности, снижение затрат. В последнее время системы, отвечающие за функционирование экономики Златонии, пришли к выводу, что экспорт продукции экономически нецелесообразен, так как потребление на других планетах неэффективно, на Златонии же продаваемые ресурсы ускорят рост экономики в разы. Поэтому ксенологи прогнозируют превращение Златонии в автаркию планетного масштаба и сохранение этого состояния до взрыва голубого гиганта.

— Но я что-то читал и о пессимистическом сценарии, — отозвался один из туристов.

— Да, — вздохнула экскурсовод, наморщилась. — Я не всегда касаюсь этой темы, но раз вы спрашиваете. Существует одна довольно сомнительная, но тем не менее не лишённая здравого смысла гипотеза, согласно которой искусственный разум Златонии в процессе эволюции придет к заключению, что ресурсы других населенных планет используются их населением неэффективно. Если после этого вывода машины примут решение вступить в конкурентную борьбу за рынки сбыта с другими цивилизациями, нас может ждать первая в истории межсистемная война. И с учётом того, как быстро механизмы Златонии приспособляются к новым условиям, никто не может гарантировать, что исход будет в пользу живого разума, а не примитивного механизма.

Договорив, экскурсовод сделала паузу, туристы зашептались, уже с опаской поглядывая на строительство очередного завода, который, быть может уже начал производство боевой техники, предназначенной для высадки на Землю и другие обитаемые планеты. Однако сгущающуюся атмосферу страха развеяла экскурсовод, принявшись делиться теми сведениями, которые земные ученые все-таки смогли извлечь из наблюдения за деятельностью механизмов.

Шлюп ещё около часа кружил над Златонией. За это время на планете успело совершиться несколько революций в строительстве и производстве: форма зданий изменилась, они стали меньше и, наверняка, эффективнее. Возвращаясь, домой, жители Земли провожали причудливую планету недоброежелательными взглядами.

Когда шлюп поднялся высоко, и сквозь смотровой иллюминатор на поверхности можно было наблюдать мелькание ярких огоньков, никому в голову не пришло бы, что перед его глазами целая планета-призрак.

Больше книг на сайте - Knigoed.net